

ISSN 2587-6503

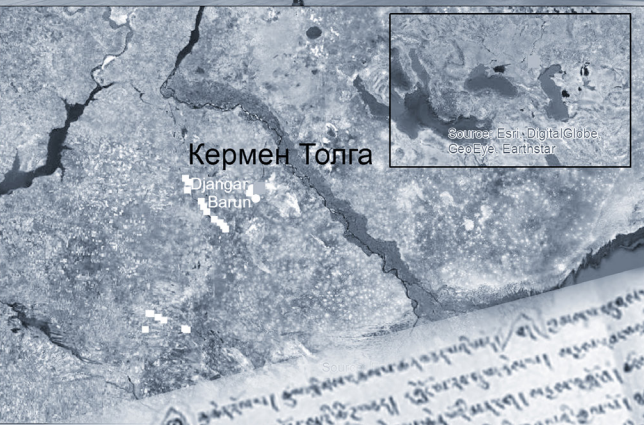

БЮЛЛЕТЕНЬ

<http://kigiran.com>

КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН

2020`3

Source: Esri, DigitalGlobe,
GeoEye, Earthstar

ISSN 2587-6503 (Print)

Бюллетень
Калмыцкого научного центра РАН
Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

2020. № 3

Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год.
ISSN 2587-6503 (Print)
2020. № 3.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № ФС77-77946 от 19.02.2020.

Журнал «**Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН**» («**Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS**») — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований в области исторических, филологических и социологических наук. Журнал предоставляет возможность познакомиться с оригинальными результатами новейших фундаментальных и прикладных исследований российских и зарубежных авторов по наиболее актуальным проблемам. В издании публикуются научные работы по определенной тематике: источниковедению, археологии, фольклористике и литературоведению, социальной структуре, социальным институтам и процессам, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала.

Журнал публикует статьи на русском, английском, калмыцком и монгольском языках.
Зарегистрирован в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования).
Подписной индекс в каталоге Агентства ОАО «Роспечать»
(газеты, журналы 39464).

Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS

Published since 2017.

Issued 4 times per year.

ISSN 2587-6503 (Print)

2020. No. 3.

The journal *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is registered with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media, reg. certificate ПИ № ФС77-77946 of 19 February 2020.

The *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS* is a peer-reviewed open access periodical that publishes results of comprehensive historical, philological, and sociological studies. The journal introduces original outcomes of contemporary fundamental and applied explorations conducted by Russian and foreign authors on the most topical issues. The publication focuses on a range of disciplines and themes as follows: source studies, archaeology, folklore and literary studies, social structure, social institutions and processes, and review articles by leading experts the journal specializes in.

The journal publishes articles in Russian, English, Kalmyk,
and Mongolian.

Indexed with Russian Science Citation Index.

Subscription code (Rospechat Agency) — 39464
(newspapers, journals).

Главный редактор

канд. фил. наук

В. В. Куканова

Редколлегия:

Арутюнов С. А., чл.-корр. РАН; *Бакаева Э. П.*, д-р ист. наук;
Бичеев Б. А., д-р филос. наук; *Бурыкин А. А.*, д-р ист. наук;
Ванчикова Ц. П., д-р ист. наук; *Дампилова Л. С.*, д-р фил. наук;
Денисова Г. С., д-р соц. наук; *Дулина Н. В.*, д-р соц. наук;
Иванова И. Н., д-р фил. наук; *Жуковская Н. Л.*, д-р ист. наук;
Казиева А. М., д-р фил. наук; *Кольцов П. М.*, д-р ист. наук;
Команджаев А. Н., д-р ист. наук; *Кринко Е. Ф.*, д-р ист. наук;
Кляус В. Л., д-р фил. наук; *Лушиников Д. А.*, д-р соц. наук;
Манджиева Б. Б., канд. фил. наук; *Музраева Д. Н.*, канд. фил. наук;
Намруева Л.В., канд. соц. наук; *Очиров У. Б.*, д-р ист. наук;
Очир-Горяева М. А., д-р ист. наук; *Пюрбеев Г. Ц.*, д-р фил. наук;
Ситдиков А. Г., д-р ист. наук; *Сыртыпова С.-Х. Д.*, д-р ист. наук;
Фокин А. А., д-р фил. наук; *Хабунова Е. Э.*, д-р фил. наук;
Ханинова Р. М., канд. фил. наук

Публикация данного номера журнала осуществляется в рамках проекта РФФИ № 20-09-22004 и гранта Правительства РФ № 075-15-2019-1879

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,

Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© КалмНЦ РАН, 2020

© Коллектив авторов, 2020

Editor-in-Chief

V. V. Kukanova,
Cand. Sc. (Philology)

Editorial Board:

Arutyunov S. A., Corresponding Member of the RAS;
Bakaeva E. P., Dr. Sc. (History);
Bicheev B. A., Dr. Sc. (Philosophy); *Burykin A. A.*, Dr. Sc. (History);
Vanchikova Ts. P., Dr. Sc. (History); *Dampilova L. S.*, Dr. Sc. (Philology);
Denisova G. C., Dr. Sc. (Sociology); *Dulina N. V.*, Dr. Sc. (Sociology);
Ivanova I. N., Dr. Sc. (Philology); *Zhukovskaya N. L.*, Dr. Sc. (History);
Kazieva A. M., Dr. Sc. (Philology); *Koltsov P. M.*, Dr. Sc. (History);
Komandzhaeva A. N., Dr. Sc. (History); *Krinko E. F.*, Dr. Sc. (History);
Klyaus V. L., Dr. Sc. (Philology); *Lushnikov D. A.*, Dr. Sc. (Sociology);
Mandzhieva B. B., Cand. Sc. (Philology); *Muzraeva D. N.*, Cand. Sc.
(Philology); *Namrueva L. V.*, Cand. Sc. (Sociology);
Ochirov U. B., Dr. Sc. (History); *Ochir-Goryaeva M. A.*, Dr. Sc. (History);
Pyurbeev G. Ts., Dr. Sc. (Philology); *Sitdikov A. G.*, Dr. Sc. (History);
Syrtypova S.-Kh. D., Dr. Sc. (History); *Fokin A. A.*, Dr. Sc. (Philology);
Khabunova E. E., Dr. Sc. (Philology);
Khaninova R. M., Cand. Sc. (Philology)

Publication of the current issue was funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:

Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Address of the Founder, Editorial Office, Publisher, Printing Office:
8, Ilishkin St., Elista 358000,
Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone no.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: kigiran@mail.ru

Website: <http://kigiran.com/pubs/index.php/field>

© KalmSC RAS, 2020

© Composite authors, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

- Бембеева Л. А.** Анализ распределения антропологических материалов (костей посткраниального скелета) по курганным группам 10
- Буратаев Е. Г., Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А.** Археологические памятники у пос. Ергенинский 26
- Шарманджиева Ц.В.** Погребения восточно-маньчжурской катакомбной культуры из курганной группы Малые Дербеты-II (анализ половозрастного состава) 46

ОТЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Очиров У. Б.** Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 1 64

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- Долеева А. О.** Обзор калмыцких рукописей из фонда Российской национальной библиотеки 98
- Манджикова Л. Б.** Рукопись Д. С. Бембеева-Сальмина «Ойратские триады» 107
- Гедеева Д. Б.** О тюркских топонимах в языке писем калмыцкого хана Аюки (конец XVII – начало XVIII вв.) 122

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Тая Д.** Алтайн «Жангар»-ын уламжлалын тухай болон түүний холбогдох зарим асуудлууд (= О традиции «Джангара» у алтайских народов) 141
- Ч. Заясүрэн.** Монгол аман зохиол дахь гэрийн тотгоны дүрслэл (= Описание притолоки юрты в монгольском фольклоре) 166
- Г. Батмунх.** “Луу унжих” домгийн аман сурвалжийн шинжилгээ (= Исследование устной версии легенды о «Луу унжих» (смерче)) 174

Алимаа А., Цэвээндорж Д. Байгаль, экологийн сэдэвт монголын аман болон орчин үеийн яруу найргийн бүтээлүүд (= Произведения устной и современной поэзии о природе и экологии)	189
Селеева Ц. Б. О двух исторических преданиях времен Аюки-хана в традиции ойратов Синьцзяна: к проблеме историзма фольклора	207
Горяева Б. Б., Юлан. Птицы в сказках о животных ойратов Синьцзяна	221
Убушиева Д. В. Инедиты калмыцкого фольклора из фонда И. И. Попова: тематическая классификация образцов устной несказочной прозы	233
Болдырева И. М. Песни о выселении калмыков и их возвращении из Сибири, записанные у информанта М. Б. Мудаевой	251
Ханинова Р. М. Баллада в калмыцкой поэзии XX в. (Ц. Леджинов, С. Байдыев)	264
Бигэрмаа Р. XX зууны монгол яруу найргийн туурвил зүйн шинэтгэл шинж (Д. Нацагдоржийн яруу найргийн жишээн дээр) (= Инновационные черты монгольской поэзии XX в. (на примере поэзии Д. Нацагдоржа))	278
Дондукова Г. П. Между природой и культурой: экологические мотивы в поэзии Баира Дугарова	286

Социология

Бадмаева Н. В., Кованова Е. С. Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии)	294
Намуева Л. В., Курепина Н. Л. Экономическая безопасность и миграционные процессы в полиэтничном регионе РФ	306

CONTENT

ARCHEOLOGY

- Lyubov' A. Bembeeva.** The Analysis of the Distribution of Anthropological Materials (Bones of the Postcranial Skeleton) into Mound Groups 10
- Evgeny G. Burataev, Maria A. Ochir-Goryaeva, Erdni A. Kekeev.** Archaeological Sites around the village Ergeninskiy . . . 26
- Tsagana V. Sharmandzhieva.** The Burials of the East-Manych Catacomb Culture from the Malye-Derbety II Mound Group. . . . 46

NATIONAL HISTORY

- Utash B. Ochirov.** Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 1. 64

SOURCE STUDY

- Aisa O. Doleyeva.** Review of the Kalmyk Manuscripts from the Russian National Library Fund 98
- Larisa B. Mandzhikova.** D.S. Bembeev – Salmin's Manuscript "Oirat Triad". 107
- Darya B. Gedeeva.** Turkic place names in the language of letters of the Kalmyk khan Ayuka (late 17th – early 18th centuries). 122

FOLKLORISTICS AND LITERATURE STUDIES

- Taya D.** About the tradition of «Dzhangar» among the Altay peoples. 141
- Zayasuren Ch.** The Description of Yurt Lintel in Mongolian Folklore. 166
- Batmunkh G.** Analysis of the Oral Version of the Legend about «Luu Unzhikh» (tornado). 174
- Alimaa A.1, Tseveendorj D.** Mongolian folk and contemporary poems about ecology and nature environments. 189
- Tsagan B. Seleeva.** On the Two Historical Legends of Ayuka Khan Era in the Oirats of Xinjiang Tradition: on the Problem of Folk Historicism. 207

Baira B. Goryaeva1, Yu Lan. Birds in Animal Tales of the Oirats of Xinjiang.	221
Danara V. Ubushieva. Inedites of Kalmyk folklore from the collection of I. I. Popov: thematic classification of oral non-fabulous prose samples	233
Indzhir M. Boldyreva. The Deported and Returned: Siberia-Related Kalmyk Songs Recorded from M. B. Mudaeva	251
Rimma M. Khaninova. A Ballad in the Kalmyk Poetry of the Twentieth Century (Ts. Ledzhinov, S. Baydyev).	264
Bigermaa R. Innovative features of 20th century Mongolian poetry (on the example of the poetry of D. Natsagdorzh)	278
Galina P. Dondukova. Between Nature and Culture: Environmental Motifs in the Poetry of Bair Dugarov.	286

SOCIOLOGY

Nogan V. Badmaeva, Ekaterina S. Kovanova. Ethno-economics as a Factor in the Development of Regions (on the example of the Republics of Kalmykia and Buryatia).	294
Ludmila V. Namrueva, Natalya L. Kurepina. Economic Security and Migration Processes in the Multi-Ethnic Region of the Russian Federation	306

УДК 572:902

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-10-25

Анализ распределения антропологических материалов (костей посткраниального скелета) по курганным группам

Бембеева Любовь Алексеевна¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
E-mail: bembeeve.l.a@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бембеева Л. А., 2020

Аннотация. Статья посвящена результатам распределения антропологических материалов, представленных костями посткраниального скелета. В силу многочисленности материала краниологическая часть коллекции будет рассмотрена отдельно. В процессе каталогизации костного материала, хранящегося в фондохранилище Калмыцкого научного центра РАН, появилась необходимость уделить специальное внимание распределению имеющихся антропологических материалов по отдельным курганным группам, которые в свою очередь располагались в различных ландшафтно-географических зонах территории Республики Калмыкия. Особое внимание было уделено представительности антропологической единицы (какие именно кости скелета), а также сохранности костной ткани. Этот показатель важен для оценки влияния свойств почв на сохранность минеральной и органической части костей. Культурно-хронологическая принадлежность анализируемых антропологических материалов указана в наиболее общем плане по данным отчетов полевых исследований.

Ключевые слова: курганы, погребение, антропологический материал, посткраниальный скелет, культурно-хронологическая принадлежность, ландшафтно-географические зоны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов обществен-

но-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Бембеева Л. А. Анализ распределения антропологических материалов (кости посткраниального скелета) по курганным группам // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 10–25. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-10-25

UDC 572:902

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-10-25

The Analysis of the Distribution of Anthropological Materials (Bones of the Postcranial Skeleton) into Mound Groups

*Lyubov' A. Bembeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

E-mail: bembeeva.l.a@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Bembeeva L. A., 2020

Abstract. The article deals with the results of the distribution of the anthropological materials, namely bones of postcranial skeleton. Due to the great amount of material, the cranial part of the collection will be analyzed separately. In the process of cataloging of the bone material kept at the depository of the Kalmyk Scientific Center of the RAS, there is the need for paying a special attention to the distribution of the existing anthropological materials into different mound groups, which were located in different landscape-geographical zones of the Republic of Kalmykia. The special attention was given to the representation of the anthropological unit (which exactly skeleton bones) and also the integrity of the bone tissue. This criterion is important for the evaluation of the influence of soil characteristics on the integrity of the mineral and organic

parts of the bones. The cultural-chronological belonging of the anthropological material in question is given in a general way on the basis of field studies reports.

Keywords: mounds, burial, anthropological material, postcranial skeleton, cultural-chronological origin, landscape-graphical zones

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes” (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Bembeeva L. A. The analysis of the distribution of anthropological materials (bones of the postcranial skeleton) into mound groups. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 10–25. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-10-25

Создание научного фондохранилища антропологического и археозоологического материалов в Калмыцком научном центре РАН (далее — КалмНЦ РАН) стало необходимым для сохранения костных останков, найденных во время археологических исследований на территории республики, и их дальнейшего изучения. Использование в антропологических исследованиях высокотехнологических методов, таких как молекулярно-генетический, изотопный, радиоуглеродный виды анализов и др., станет новой ступенью развития археологических исследований в Калмыкии. Антропологический материал становится главным объектом для подобного вида исследований с целью детально реконструировать историю развития тех или иных обществ, проживавших с древнейших времен на территории республики.

Камеральная работа (раскладка костей, восстановление этикеток, переупаковка в новые пакеты и коробки для хранения), каталогизация костного материала, анализ по различным критериям являются непременным условием для более углубленного исследования антропологического материала с применением естественнонаучных методов и позволяют в полной мере использовать научный потенциал коллекции антропологического материала костехранилища КалмНЦ РАН.

В рамках комплексной камеральной обработки костного материала — антропологического и археозоологического — проводится каталогизация материалов с учетом распределения их по курганным могильникам, культурно-хронологической принадлежности погребений, полноты антропологических единиц (скелетов) и сохранности самих костей. В статье представлены результаты анализа распределения костей посткраниального скелета из погребений, раскопанных на территории Республики Калмыкия с 60-х гг. XIX в. до 2007 г. Краниологический материал (черепа) из этих же погребений и кости посткраниального скелета с несохранившимися этикетками, то есть депаспортизированные, находятся в процессе камеральной обработки и будут рассмотрены отдельно.

В текущей работе нами используется понятие «антропологическая единица» в системе подсчета и хранения материала. В археологических исследованиях нередки случаи коллективных захоронений, когда в одном погребении захоронены два и более человек. Таким образом, количество погребений не будет соответствовать количеству условных скелетов, которые были зафиксированы в ходе камеральной работы. Не всегда условный скелет — это анатомически полный костяк, но целый скелет или одна кость — это отдельный человек и будет считаться антропологической единицей. На данный момент при обработке костного материала с сохранившимся шифром зафиксировано 18 погребений с коллективными захоронениями с общим количеством 43 антропологические единицы. В дальнейшем при работе с неисследованным материалом из других групп число таких захоронений будет увеличиваться при сохраняющемся количестве погребений.

В костехранилище антропологического и археозоологического материалов КалмНЦ РАН на данный момент обработан, то есть подвергнут комплексной камеральной обработке и каталогизации антропологический материал 1 135 погребений (1 160 антропологических единиц соответственно) из 43 могильников. По предварительным подсчетам, этот объем составляет примерно 2/3-ти всей имеющейся коллекции.

В данной статье описывается костный материал 848 погребений из 35 могильников. 660 антропологических единиц, что составляет 57 % от обработанного материала, полностью сохранили полевые шифры с указанием курганной группы, кургана, погребения и года раскопок. У 211 погребений из этой группы этикетки с полевыми шифрами пострадали за годы хранения в непригодном помещении, поэтому для указанных выше 211 антропологических единиц установлен только могильник. Для перечисленных материалов проведен анализ распределения по курганным группам и культурно-хронологической принадлежности погребений. Это удалось сделать благодаря своду М. А. Очир-Горяевой «Археологические памятники Волго-маньчских степей» [Очир-Горяева 2008]. После изучения отчетов полевых исследований на территории Калмыкии ею был сформирован свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг., где дается общая характеристика всех исследованных курганных групп, раскопанных до 1998 г. Для каждого погребения в данном своду указана (согласно авторским отчетам) культурная принадлежность каждого погребального комплекса, которых оказалось немногим менее четырех тысяч.

Для курганных групп, раскопанных после 1997 г. и соответственно не вошедших в свод М. А. Очир-Горяевой, не возможно установить культурно-хронологическую принадлежность, так как полевые отчеты хранятся в архиве Института археологии РАН, что станет в ближайшем будущем одной из следующих наших задач. На данный момент в Научном архиве КалмНИЦ РАН хранятся 46 полноценных отчетов и 17 отчетов краткого содержания с 1974 г. по 1992 г. После 1992 г. ни одного полевого отчета в архив учреждения не поступало, несмотря на то, что в 1980 г. сектору археологии Калмыцкого института были переданы полномочия органа контроля по недвижимым памятникам археологии (Постановление Совета Министров Калмыцкой АССР за № 78 от 14 февраля 1980 г.). Таким образом, только до 2002 г. в Элисте отсутствуют 34 полевых отчета по раскопкам на территории Калмыкии [Очир-Горяева 2008: 234]. В это число вошли обработанные ан-

тропологические материалы 209 погребений из курганных групп, раскопанных в период с 1998 г. до 2013 г.: *Черноземельский*–1998; *КН 2*–1998; *Остров*–1998; *Садовое 4* (ПАЭ-06)–2006; *Малые Дербеты 1, 2*–2007; *Оргакин*–2013. Анализ антропологических материалов из указанных погребений будет проведен позднее, когда окажутся доступными данные по их культурно-хронологической принадлежности.

Имеется еще одна небольшая по количеству группа антропологических материалов, у которых культурно-хронологическая принадлежность не установлена в виду полного отсутствия документации на эти памятники. Эта группа включает в себя 75 погребений из 6 курганных групп, на которые в свое время авторами раскопок не был составлен отчет:

1. *Гурви Худук Толга*–1980 — 3 погребения (автор раскопок — Е. В. Цуцкин);
2. *Тугтун*–1981 — 21 погребение (автор раскопок — не известен);
3. *Улан-Эрге*–1982 — 2 погребения (автор раскопок — не известен);
4. *Цаган-Нур*–1989 — 11 погребений (автор раскопок — Е. В. Цуцкин);
5. *Утта-Привольное*–1989 — 31 погребение (автор раскопок — Ю. Г. Романов);
6. *Аршань-Зельмень*–1993 — 7 погребений (автор раскопок — С. В. Арапов) [Очир-Горяева 2008: 57–137].

Отсутствие полевых отчетов в значительной мере понижает научную ценность материалов для дальнейшего исследования, но не позволяет отнести их к потерянным для науки окончательно (это относится и к депаспортизированным материалам). Современная методика АМС радиоуглеродного датирования позволяет установить возраст кости даже по нескольким граммам материала и получить генетическую информацию о родстве с древними и современными популяциями, а также точно установить пол индивида. Изотопный анализ позволяет установить диету и особенности географической среды в течение последних десяти лет жизни че-

ловека. Таким образом, даже при полном отсутствии информации эта часть коллекции имеет главное — географическое положение (в данном случае Республика Калмыкия), — что является привлекательным для палеогенетических исследований в решении проблем макроуровня, например, определении следов носителей индоевропейского языка от Уральских гор до Северной Европы.

После 70-ти и менее лет со времени сбора и хранения антропологического и археозоологического материалов каталогизированная часть коллекции костных артефактов (а именно кости посткраниального скелета), находящаяся в костехранилище КалмНЦ РАН, включает в себя антропологические единицы из следующих погребений, приведенных в таблице 1.

Антропологические единицы, находящиеся в костехранилище КалмНЦ РАН, происходят из курганных групп. Но представленность антропологических единиц из каждой курганной группы сильно варьирует. Коробки с костным материалом перевозились со времени раскопок несколько раз и в разные годы находились в различных местах хранения, поэтому в фондохранилище попали костные останки не всех раскопанных погребений.

По представительности антропологических единиц по отношению к раскопанным погребениям нами выделено три группы: 1) со 100 % сохранностью; 2) с сохранностью от 49,8 % до 62,3 %; 3) до 49,8 %.

Первая группа. Полностью сохранились погребения таких могильников, как: *Гува 3–1975; Красный Партизан–1982; Кермен Толга 2–1986; Цаган-Усн 7–1987; Овата 2, 4, 5–1992.* В основном эти комплексы включают в себя 1–2 погребения, что объясняет их полную сохранность.

Вторая группа. В среднем 49,8–62,3 % от количества раскопанных погребений сохранились в могильниках: *Заханата; Большой Царын 1; Зергента 1; Ут; Кермен Толга–1979; Хар Нуурин Толга; Ики-Орва Джангар 1; Дюкер; Эвдык–1983; Цаган-Усн (группы 8, 10); Канал Волга-Чограй 37; Цаган-Нур (автор раскопок — Н. В. Мычко); Улан-Зуха; Хар-Зуха (группы 1, 2); Овата 3; Садовский 5.*

Таблица 1. Общие сведения по погребениям Республики Калмыкия

№ п/п	Могильник	Год раскопок	Автор раскопок	Погребений раскопано	Сохранилась антропол. ед.	% сохр-ти	Эпоха бронзы	Эпоха раннего железного века	Эпоха средневековья	Неопределен.	Современные погребения ¹
1	Лола 1	1961–1963	И. В. Сеницын У. Э. Эрдниев	71	1	1,4	1	—	—	—	—
2	Кермен Толга	1968	У. Э. Эрдниев	84	1	1,2	—	1	—	—	—
3	Купцын Толга	1974	Е. В. Шнайдштейн	101	43	42,6	12	21	8	2	—
4	Гува 1	1975	Е. В. Шнайдштейн	18	2	11,1	—	1	1	—	—
5	Гува 2	1975	Е. В. Шнайдштейн	2	1	50,0	1	—	—	—	—
6	Гува 3	1975	Е. В. Шнайдштейн	1	1	100,0	—	—	1	—	—
7	Заханата	1976	Е. В. Шнайдштейн	36	24	63,9	10	13	—	—	—
8	Большой Царын 1	1977	Е. В. Цуцкин	19	12	63,1	3	—	4	5	—
9.	Большой Царын 1а	1977	Е. В. Цуцкин	2	1	50,0	—	—	1	—	—
10	Большой Царын 2	1977	Е. В. Цуцкин	19	11	57,9	1	5	—	4	(1)
11	Зергента 1	1978	М. Г. Савицкий	8	5	62,5	1	3	1	—	—
12	Зергента 2	1978	М. Г. Савицкий	11	5	45,5	—	3	2	—	—
13	Ут	1978	Е. В. Цуцкин	12	8	66,7	—	8	—	—	—
14	Гува 2	1978	Е. В. Цуцкин	6	3	50,0	—	1	2	—	—

¹Под современными понимаются погребения примерно 19-20 века [Очир-Горяева 2008: 144]

15	Адрык	1979	Е. В. Цуцкин	23	12	52,2	2	4	6	—	—
16	Кермен Толга	1979	Е. В. Цуцкин	34	28	76,4	1	22	3	—	—
17	Хар Нуурин Толга	1980	Е. В. Цуцкин	40	25	62,5	2	16	6	1	—
18	Джангар	1980	Е. В. Цуцкин	27	14	51,8	2	5	3	4	—
19	Джангар	1981	В. П. Шилов	41	17	41,5	6	6	5	—	—
20	Ики-Орва	1981	В. П. Шилов	8	5	62,5	2	2	1	—	—
21	Иджил 1.2	1981	В. П. Шилов	2	1	50,0	1	—	—	—	—
22	Джангар 1	1981	С. М. Васюткин	5	5	80,0	—	1	3	—	—
23	Дюкер	1982	Е. В. Цуцкин	44	28	61,4	5	13	9	—	—
24	Джангар	1982	Е. В. Цуцкин	8	4	50,0	3	—	—	1	—
25	Красный Партизан	1982	Е. В. Цуцкин	2	2	100,0	—	—	1	1	—
26	Эвдык 1	1982	Е. В. Цуцкин	56	31	53,6	17	10	—	3	—
27	Эвдык 1	1983	В.П. Шилов	41	36	80,5	21	4	3	5	—
28	Иджил. Ю-в группа	1984	С. М. Васюткин	11	2	18,2	—	—	1	1	—
29	Чкаловский	1984	Н. А. Николаева	35	13	37,1	1	11	1	—	—
30	Эвдык	1984	Н. А. Николаева	3	1	33,3	1	—	—	—	—
31	Шолмун Толга	1984	Н. А. Николаева	14	3	21,4	2	—	—	1	—
32	Хопр Толга	1984	Н. А. Николаева	22	5	22,7	2	1	—	2	—
33	Джангар	1985	Н. А. Николаева	22	3	13,6	1	1	1	—	—
34	Кюкн Толга	1985	Н. А. Николаева	9	3	33,3	—	2	—	1	—
35	Улан Толга	1985	Н. А. Николаева	37	10	27,0	2	4	4	—	—
36	Кююн Толга	1985	Н. А. Николаева	12	5	41,7	2	1	2	—	—
37	Кермен Толга 1	1986	Л. М. Гаврилина	11	5	36,4	1	2	—	1	—

38	Кермен Толга 2	1986	Л. М. Гаврилина	1	1	100,0	—	—	1	—	—	—
39	Ики-Зегиста	1986	Л. М. Гаврилина	29	16	48,3	4	5	3	2	—	—
40	Чограйский 3	1986	Л. М. Гаврилина Н. И. Шишлина	14	5	35,7	4	—	1	—	—	—
41	Чограйский 4	1986	Л. М. Гаврилина Н. И. Шишлина	17	10	52,9	8	—	—	1	—	—
42	Чограйский 5	1986	Л. М. Гаврилина Н. И. Шишлина	55	30	54,5	23	1	1	5	—	—
43	Чограйский 6	1986	Н. А. Николаева	32	3	9,4	1	1	1	—	—	—
44	Чограйский 7	1986	Н. А. Николаева	6	1	16,6	1	—	—	—	—	—
45	Чограйский 8	1986	Н. А. Николаева	8	4	50,0	4	—	—	—	—	—
46	Яшкуль 1	1986	Н. А. Николаева	40	2	5,0	—	1	1	—	—	—
47	Яшкуль 2	1986	Н. А. Николаева	18	2	11,1	—	—	—	1	—	—
48	Цаган-Уен 3	1987	С. В. Арапов	34	13	38,2	6	5	—	2	—	—
49	Цаган-Уен 4	1987	С. В. Арапов	6	3	50,0	2	—	—	1	—	—
50	Цаган-Уен 5	1987	Н. Л. Лапа	17	6	35,3	3	2	1	—	—	—
51.	Цаган-Уен 7	1987	С. В. Арапов	2	2	100,0	—	—	1	1	—	—
52.	Цаган-Уен 7	1987	В. П. Шилов	5	6	20,0	—	1	—	—	—	—
53	Цаган-Уен 8	1987	Н. И. Шишлина	19	13	68,4	3	9	—	—	—	(1)
54	Цаган-Уен 9	1987	Н. И. Шишлина	2	1	50,0	—	1	—	—	—	—
55	Цаган-Уен 10	1987	Н. И. Шишлина	5	4	80,0	3	—	—	1	—	—
56	Цаган-Уен 11	1987	С. В. Арапов	2	1	50,0	—	1	—	—	—	—
57	КВЧ-53	1988	Н. И. Шишлина	11	7	54,5	2	2	2	—	—	—
58	КВЧ-56	1988	Н. И. Шишлина	36	12	33,3	7	2	3	—	—	—

59	КВЧ-56	1988	С. Ф. Серебряков.	13	7	53,8	2	—	—	4	(1)
60	КВЧ-56	1988	Ю. Г. Романов	48	18	35,4	10	—	7	—	—
61	КВЧ. Джангар 3	1988	П. Ф. Кузнецов	5	1	20,0	—	—	—	1	—
62	КВЧ-37	1988	Е. В. Шнайдштейн	34	24	67,6	8	11	3	1	—
63	КВЧ-37Яшкуль	1988	Н. Л. Лапа	7	1	14,3	—	1	—	—	—
64	КВЧ. Джангар	1988	В. Н Мышкин	19	4	21,0	1	1	2	—	—
65	КВЧ. Джангар 2	1988	В. Н Мышкин	7	2	28,6	1	1	—	—	—
66	Цаган-Нур	1989	Н. В. Мычко	9	7	66,6	5	1	—	—	—
67	Цаган-Нур	1989	М. А. Очир-Горяева	16	8	43,7	6	1	—	—	—
68	Улан-Зуха	1990	М. А. Очир-Горяева	17	13	76,5	9	3	—	1	—
69	Улан-Зуха 1	1990	М. А. Очир-Горяева	2	1	50,0	1	—	—	—	—
70	Хар-Зуха	1991	М. А. Очир-Горяева	33	22	66,6	10	5	1	5	(1)
71	Хар-Зуха 2	1991	М. А. Очир-Горяева	17	12	70,6	8	4	—	—	—
72	Овата 1	1992	С. В. Арапов	5	1	20,0	—	—	1	—	—
73	Овата 2	1992	С. В. Арапов	1	1	100,0	—	—	1	—	—
74	Овата 3	1992	С. В. Арапов	3	2	66,6	—	—	2	—	—
75	Овата 4	1992	С. В. Арапов	3	3	100,0	—	—	3	—	—
76	Овата 5	1992	С. В. Арапов	4	4	100,0	2	—	1	1	—
77	Садовский 5	1993	Н. И. Шишлина	9	6	66,6	—	5	1	—	—
78	Зунда Толга	1994	Н. И. Шишлина	18	5	27,8	4	1	—	—	—
79	Зунда Толга	1995	Н. И. Шишлина	16	5	31,2	5	—	—	—	—
80	Промзона	1997	М. А. Очир-Горяева	3	1	33,3	—	—	1	—	—
	ВСЕГО			1 527	660	41,7	246	226	108	59	(4)

Третья группа. В остальных случаях средний процент сохранности — до 49,8 % — наблюдается в могильниках: *Купцын Толга*; *Гува 2–1975*; *Зергента 2*; *Гува 2–1978*; *Адрык*; *Джангар* (1980–1981, 1982); *Иджил 1.2*; *Эвдык–1982*; *Кююн Толга*; *Ики-Зегиста*; *Чограйский 4, 5, 8*; *Цаган-Усн 4, 9, 11*; *Канал Волга-Чограй 53, 56*; *Цаган-Нур* (автор раскопок — М. А. Очир-Горяева); *Улан-Зуха 1*; *Большой Царын 1а, 2*.

Особо нужно отметить такие могильники, как *Заханата*, *Большой Царын 1.2*, *Кермен Толга–1979*, *Хар Нуурин Толга*, *Дюкер*, *Эвдык 1*, *Чограйский 5*, *КВЧ-37*, *Хар-Зуха*, в которых сохранилось от 20 до 40 погребений. Многочисленность и хорошая сохранность костного материала из погребений указанных выше курганных групп делает его (материал) более информативным при использовании в генетических, изотопных и других исследованиях, так как дает возможность выявить генетический портрет населения, хронологически сменявшегося на данном участке Евразийских степей, ограниченном течением р. Волги и Маныча, проследить их кровнородственные связи.

Таким образом, опираясь на статистические выкладки по анализу 848 погребений из 35 могильников, можно сделать следующее заключение: представительность антропологических единиц по отношению к раскопанным погребениям в среднем составляет более 60 %.

Анализ по культурно-хронологической принадлежности сделан для 660 антропологических единиц. По данным отчетов полевых исследований, они делятся на: погребения эпохи бронзы (3–2 тысячелетие до н. э.), погребения раннего железного века (1 тысячелетие до н. э. – 4 тысячелетие н. э.), погребения эпохи средневековья (конец 4 в. – 14 в. н. э.) и погребения неопределенные. Распределение привлеченных к анализу 660 антропологических единиц (кости посткраниального скелета) происходит следующим образом:

– антропологические единицы из погребений эпохи бронзы — 246;

- антропологические единицы из погребений раннего железного века — 226;
- антропологические единицы из погребений средневековья — 108;
- антропологические единицы из неопределенных погребений — 59.

Позиции по культурно-хронологическому определению даются по сведениям авторов раскопок, которые использовали широкий набор методов датирования и определения возраста, принадлежности к той или иной археологической эпохе, культуре: стратиграфический, палеоботанический, палеозоологический, палинологический и т. д. Эти методы дают представление о том, «как жили люди, чем они жили и какое качество жизни у них было, потому что через то, что они едят, как себя чувствуют, достаточно полно можно говорить и о жизни людей» [Житенев 2018]. В археологических исследованиях в основном используются методы относительного датирования, которые работают по принципу «раньше, позже или одновременно», и получение с их помощью возраста для останков человека или животного возможно лишь в случае, если уже известен не относительный, а абсолютный (т. е. в количестве лет) возраст геологических слоев и их содержимого. Активное использование естественнонаучных методов выводит на высоту научного факта те явления социального и семейно-родового строя, которые археологами выдвигаются только в форме предположения и с опорой на ретроспекцию этнографических и исторических данных. Такая возможность была предоставлена ученым благодаря полностью оборудованной лаборатории генетических исследований, созданной в КалмНЦ РАН, где генетики в сотрудничестве с археологами на основе информации, полученной при анализе костных останков, смогут решать многие вопросы, связанные с территорией расселения определенного расового типа, числа и преемственности либо изменчивости его в различные эпохи, кровнородственных связей, направлении миграций и т. д.

При описании сохранности костного материала (какие кости скелета сохранились) обращает на себя внимание тот факт,

что анатомически полный посткраниальный скелет² встречается в 55 погребениях³ таких курганных групп, как: *Купцын Толга, Гува 2, Большой Царын, Эвдык, Адрык, Заханата, Чкаловский, Хар Нуурин Толга, Зергента, КВЧ-37, Овата, Хар-Зуха, Садовский 5*. В остальных же случаях в большинстве погребений он представлен длинными костями (или фрагментами) верхних и/или нижних конечностей, костями таза, состоящими из крестца и подвздошных костей. Это является важным при отборе образцов для генетических и изотопных исследований, так как такие кости наиболее перспективны с точки зрения содержания большего количества коллагена в материалах. И в этом отношении коллекция антропологического материала представляет большую научную ценность для дальнейшего исследования.

По сохранности самой костной ткани коллекция костехранилища КалмНЦ РАН уникальна благодаря природно-климатическим условиям. Большая часть территории Калмыкии расположена в районе Прикаспийской низменности, которая практически до мезолита находилась под водами Каспийского моря. И в дальнейшем плоская низменность дважды в четвертичное время покрывалась водами Каспия (бакинская и хвалынская трансгрессии) [Шилов 1975: 63]. В связи с этим почва характеризуется большим содержанием природного кальция, образовавшегося в результате морских отложений. Благодаря переизбытку кальция в почве костный материал сохраняет свою структуру. Этот фактор во многом обеспечивает чистоту результатов мультидисциплинарных исследований, проводимых генетиками, химиками, палеографами, палеоантропологами и т. д.

В пределах республики представлены четыре основные зоны — Ергенинская возвышенность, Прикаспийская низменность, Сарпинская низменность, Кумо-Манычская впадина [Очир-

---

² В который входят: длинные кости верхних и нижних конечностей, кости таза, разные кости (позвонки, ребра, лопатки, ключицы, грудина, кости кистей и стоп).

³ Краниологический материал из этих же анализируемых 848 погребений, как указано выше, будет рассмотрен отдельно.

Горяева 2008: 19]. Каждая из зон характеризуется своим составом почвы, рельефом, даже климатическим отличием. Так, Ергенинская возвышенность представляет собой невысокую (до 221 м) асимметричную эрозионно-возвышенную равнину, осложненную балками и оврагами. В ландшафтном отношении относится к полупустыням с преобладанием светло-каштановых и бурых почв степей. На Прикаспийской низменности преобладает ландшафт южной полупустыни с близким залеганием соленых грунтовых вод, почвы сильно засолены, климат суше и континентальнее. В отношении природных условий Волго-маньчских степей в древности и в средневековье, по последним исследованиям специалистов-почвоведов, структура почвенного покрова практически идентична современной [Демкин 1997: 114–144].

Так как археологические исследования производились в основном в местах строительных работ и являлись спасательными мероприятиями, не все зоны на территории республики были охвачены одинаково. Но один вывод можно сформулировать: антропологический материал коллекции (кости посткраниального скелета) в большинстве погребений имеет уникальную сохранность и может быть использован в дальнейших исследованиях.

«Человеческие костные останки — одна из самых массовых категорий источников, обнаруживаемых в процессе археологических раскопок. Однако, несмотря на обилие костей человека в могильнике, вклад изучающей их физической антропологии в реконструкцию исторических процессов невелик ввиду многих причин. Во-первых, высокое требование к сохранности материала, так как анализ вариации форм предполагает наличие самих форм, которые сложно зафиксировать на фрагментарных останках, а их, к сожалению, большинство. Во-вторых, морфологическая изменчивость человеческих популяций такова, что для большинства из них наблюдается значительное совпадение характеристик или „перекрывание“ диапазонов их изменчивости, которое можно разрешить только с привлечением многомерных статистических методов. В-третьих, физические антропологи редко формулируют полученные результаты в категоричной форме, допуская множе-

ство оговорок, из-за чего их выводы могут восприниматься как „предварительные“ и т. д.» [Казарницкий 2017: 215].

Использование высокотехнических методов, таких как генетический, изотопный и радиоуглеродный, позволит уже на биологическом уровне подтвердить и пополнить, а, возможно, и перевернуть представления о социальных структурах и семейно-родовых традициях древнего населения от эпохи бронзы до средневековья.

Но осмысление результатов генетических анализов невозможно без сотрудничества генетиков и археологов, где археологи должны задавать проблематику и затем интерпретировать полученные результаты. Только тогда возможно переосмысление ранее раскопанных памятников как единственного источника информации о доисторических этнокультурных общностях.

Литература

- Демкин 1997 — *Демкин В. А.* Палеопочвоведение и археология. Пушкино, 1997. 212 с.
- Житенев 2018 — *Житенев В.* Естественнонаучные методы исследования в археологии [электронный ресурс] // <http://postnauka.ru>. 2018 (дата обращения: 06.10.2020).
- Казарницкий 2017 — *Казарницкий А. А.* Данные физической антропологии о формировании населения Северного Причерноморья в античное время // Крымская Скифия в системе культурных связей между Востоком и Западом (III в. до н. э. — VII в. н. э.). М.; Симферополь: ИП Зуева Т. В., 2017. С. 213–224.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Изд. дом «Герел», 2008. 298 с.
- Шилов 1975 — *Шилов В. П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья Л.: Наука, ЛОИА, 1975. 208 с.

УДК 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-26-45

Археологические памятники у пос. Ергенинский

*Буратаев Евгений Гаврилович¹,
Очир-Горяева Мария Александровна²,
Кекеев Эрдни Анатольевич³*

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: burataev1981@mail.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, главный научный сотрудник
E-mail: mariaochir@gmail.com

³ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Буратаев Е. Г., Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., 2020

Аннотация. *Введение.* В силу кочевого образа жизни коренного населения вплоть до 30-х гг. прошлого столетия и незначительного антропогенного воздействия территория Республики Калмыкия отличается большим количеством сохранившихся в первозданном виде археологических памятников. Тем не менее, можно назвать только несколько мест, где концентрируется такое количество и такое разнообразие археологических памятников, как в окрестностях поселка Ергенинский Кетченеровского района Республики Калмыкия. *Цель* статьи — публикация результатов первичной фиксации археологических памятников в долине рр. Шар Элсн и Кек булук, вокруг пос. Ергенинский. *Материалы и*

методы. На восточной окраине села велись раскопки курганной группы катакомбной культуры: В. П. Шиловым — в 1981–1986 гг., М. А. Очир-Горяевой — в 2006–2008 гг. С западной стороны села на берегу речушки Шар Элсн было исследовано поселение эпохи бронзы (2010–2012 гг.). На севере от пос. Ергенинский в обширной балке Кюре-Сала нами были найдены конкреции мелового кремня, которые являются зачастую признаками нахождения поблизости стоянок каменного и меднокаменного века. Разведочные работы выявили на территории протяженностью 15–18 км шесть курганных групп, содержащих 259 курганов. В данной работе публикуется первичная информация о доселе неизвестных в степях плоских курганах, аналоги которых имеются среди памятников майкопской культуры эпохи ранней бронзы, распространенной на Северном Кавказе. *Результаты.* Исследованная территория, охватывающая окрестности пос. Ергенинский, отличается высокой плотностью и разнообразием археологических памятников, что убеждает в перспективности дальнейших археологических исследований в этом микрорегионе.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, Ергенинская возвышенность, курганы, погребения, поселение, бронзовый век, майкопская культура, катакомбная культура

Благодарность. Исследование проведено при поддержке государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А-19-119011490038-5).

Для цитирования: Буратаев Е. Г., Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А. Археологические памятники у пос. Ергенинский // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 26–45. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-26-45

UDC 902

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-26-45

Archaeological Sites around the village Ergeninskiy

Evgeny G. Burataev¹, Maria A. Ochir-Goryaeva², Erdni A. Kekeev³

¹Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Research Associate
E-mail: burataev1981@mail.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
E-mail: mariaochir@gmail.com

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate
E-mail: kekeev.kekeev@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Burataev E. G., Ochir-Goryaeva M. A., Kekeev E. A., 2020

Abstract. *Introduction.* Due to the nomadic lifestyle of the indigenous population which they practiced up to 1930s and the absence of any noticeable anthropogenic impact on the local environment, most of the archaeological sites located on the territory of the Republic of Kalmykia are characterized by their very well preserved state. However, the area around the village Ergeninskiy (Ketchenerovskiy region, Republic of Kalmykia) is probably one of the few with such a number and variety of archaeological sites. The goal of this article is to introduce the results of the initial recording of the archaeological sites located in the valleys of the rivers Shar Elsin and Kek Buluk around the village Ergeninskiy. *Materials and Methods.* The mound group of the Catacomb culture to the eastern edge of the village was examined during the excavation works led by V. P. Shilov in 1981–1986 and M. A. Ochir-Goryaeva in 2006–2008. The Bronze Age settlement situated to the west of the village on the bank of the river Shar Elsin was examined in 2010–2012. The nodules of cretaceous flint were found by our archaeological team in the large Kyur Sala ravine to the north of the village Ergeninskiy. It should be noted that such nodules often indicate the probability of nearby existence of the Stone Age and Copper-Stone Age settlements. The exploration works undertaken in the area 15–18 km in length have revealed the six mound groups including 259 mounds. This article also gives the initial information about the previously unknown flat mounds discovered in the steppes. These mounds are similar to the sites of

Maikop culture that date back to the Bronze Age era and are widespread in the North Caucasus region. *Results*. The area around the village Ergeninskiy is characterized by the density and variety of archaeological sites. Thus, the further archaeological research of this microregion has a lot of prospects.

Keywords: Republic of Kalmykia, Ergeninskiy heights, mounds, burials, settlement, Bronze Age, Maikop culture, Catacomb culture

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes” (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Burataev E. G., Ochir-Goryaeva M. A., Kekeev E. A. Archaeological Sites around the village Ergeninskiy. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 26–45. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-26-45

История изучения археологических памятников на территории Республики Калмыкия приближается к своему столетнему юбилею (1929–2029 гг.). За прошедшие 90 лет в подавляющем большинстве велись археологические раскопки погребальных памятников — курганов, и в основном в зонах строительства хозяйственных объектов, т. е. раскопки носили спасательный характер. Указанное обстоятельство имело как позитивную сторону, потому что обеспечивало археологическое изучение территории республики финансовыми и техническими ресурсами, так и негативную, потому что спасательные раскопки осуществлялись всегда в жестких временных сроках и в больших объемах, что сказывалось на качестве проводимых археологических работ. С наступлением перестройки закончилась эпоха великих строек народно-хозяйственного значения, таких как строительство Чограйского водохранилища (1961–1966 гг.), Калмыцко-Астраханской рисовой обводнительной системы (1976–1986 гг.), канала Волга-Чограй (1987–1989 гг.), когда несколько археологических экспедиций едва справлялись со спасательными раскопками сотен археологических памятников. Единственным крупным строительным объ-

ектом постперестроечного времени была прокладка нефтепровода Тенгиз-Новороссийск (1998–2001 гг.).

В последние десятилетия наблюдается спад спасательных работ, что дает шанс археологам использовать время для планомерных полевых исследований, осмысления, изучения и публикации богатого археологического наследия Республики Калмыкия. Проведение указанных полевых археологических исследований ведется на бюджетные средства научных институтов, а также тематических проектов по грантам отечественных и зарубежных научных фондов. Большим преимуществом проведения работ по бюджетной и грантовой системе финансирования является то, что выбор места и объекта исследования определяет научная проблематика, а сроки работ — даты, оптимальные для людей и специфики каждого памятника.

В рамках научных проектов были проведены исследования, которые в значительной степени выправили источниковедческий крен: когда в годы засилья спасательных работ раскапывались только погребальные памятники — курганы, в то время как другим видам памятников, таким как поселения и стоянки, уделялось значительно меньше внимания. В советский период были проведены стационарные раскопки всего лишь одного поселения эпохи неолита — «Джангар» (1979–1982 гг.) [Кольцов 1984: 79–91; Кольцов 1988: 52–91; Кольцов 2005: 74–150]. Только благодаря грантовой финансовой поддержке удалось продолжить изучение поселенческих памятников на территории республики.

В ходе совместного проекта с Евразийским Отделением Германского археологического института было начато изучение поселения Заханата срубной культуры [Очир-Горяева, Бросседер 2008: 42–47; Очир-Горяева 2015: 32–37]. На средства фонда Александра фон Гумбольдта в 2010–2012 гг. в рамках проекта «Поселения в степи» совместно с германскими коллегами (Археологический Ландесамт г. Шлезвиг-Гольштейн) были открыты и проведены первые раскопки городища Башанта-I раннего средневековья [Очир-Горяева и др. 2011: 63–70] и поселения эпохи бронзы Ергенинское [Очир-Горяева и др. 2011: 73–81]. В рамках госзадания

Калмыцкого научного центра РАН и программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа» Академии наук Республики Татарстан было открыто городище Башанта-II эпохи Хазарского каганата и продолжены исследования городища Башанта-I [Очир-Горяева и др. 2016: 23–36].

Раскопки поселений предполагают тщательное изучение окрестностей для полного понимания системы функционирования поселения как места обитания древнего населения. В ходе изучения окрестностей поселения Ергенинское в 2010 г. были зафиксированы и взяты на учет все археологические памятники вокруг пос. Ергенинский. Уточнения и повторные замеры были проведены в 2013 г.

Целью данной статьи является публикация результатов первичной фиксации археологических памятников в долине рек Шар Элсн и Кек булук в пределах 15–18 км в широтном направлении вокруг пос. Ергенинский Кетченеровского района Республики Калмыкия.

Поселок расположен в одной из глубоких балок средней части Ергенинской возвышенности в 80 км на север от г. Элисты. Автомобильная трасса Элиста – Волгоград проходит по центру села, разделяя его на две части (рис. 1). Внизу, на дне балки, протекает в широтном направлении речушка Шар Элсн ('желтый песок'). Несмотря на то, что речушка по ширине напоминает больше ручей, она не пересыхает даже в периоды многомесячной засухи. В речушку Шар Элсн на юго-западной окраине пос. Ергенинский впадает ручей Кюре–Сала. Он протекает по дну одноименной балки, тянущейся с северо-запада под некоторым углом к течению р. Шар Элсн. Глубина и крутые обрывистые берега этой балки свидетельствуют о том, что когда-то здесь протекали мощные водные потоки. Ручей Кюре–Сала близко подходит к крайним домам поселка Ергенинский с северо-западной стороны и соединяется с речушкой Шар Элсн, которая после соединения называется Кек Булук ('голубой родник'), так как в этом месте бьет множество ключей. Кек Булук тянется далее на восток в том же широтном направлении. Таким образом, пос. Ергенинский находится на дне глубокой балки в

долине двух речек. Это еще один дополнительный, благоприятный для проживания фактор, кроме того, что эта местность находится в центральной части Ергенинской возвышенности. Климат здесь, как и во всей Калмыкии, резко-континентальный, однако по сравнению с другими районами республики, относящимися к полупустынной зоне (например, с Прикаспийской низменностью), Ергенинская возвышенность обладает более мягкими климатическими условиями. Здесь выпадает гораздо больше осадков, чем на остальных территориях — около 300 мл в год. Поэтому в балках Ергеней произрастают отдельные деревья и кустарники — остатки байрачных лесов. В многочисленных балках Ергенинской возвышенности протекают речки и ручьи, которые подпитываются грунтовыми и подземными источниками и поэтому не пересыхают летом.

Благоприятные природно-географические условия в окрестностях современного поселка способствовали тому, что здесь наблюдается необычное для Калмыкии количество и разнообразие археологических памятников. Как уже отмечалось выше, в 2,5 км от поселка находится первое в Калмыкии и в Нижневолжском регионе поселение с регулярным культурным слоем эпохи бронзы — Ергенинское. На площади 400 м² открыты основания четырех печей, сложенные из прокаленного до розового цвета песчаника. В трех раскопах прослежены регулярно расположенные столбовые ямки. Две радиоуглеродные даты образцов кости овцы из нижнего слоя шурфов 4 и 10, указывающие на 29–27 вв. до н. э., и дата по кости овцы из верхнего слоя шурфа 8 указывает на 26–25 вв. до н. э., что совпадает с периодом начала восточноманычской катакомбной культуры бронзового века [Очир-Горяева, К. фон Карнап-Борнхейм 2015: 412–414].

В 1981–1986 гг. на восточной окраине пос. Ергенинский были проведены археологические раскопки 12 курганов В. П. Шиловым. Все курганы, за исключением одного сарматского, были сооружены носителями катакомбной культуры. Для всего могильника в то время были получены радиоуглеродные даты по семи образцам из пяти курганов [Шилов 1987: 155; Шишлина, Александровский 1999: 55–64; Shishlina 2000: 793–799]. Из раскопанных В. П. Ши-

ловым два кургана отличались особенно большими размерами (курганы 6 и 11). Насыпи их достигали высотой 5 и 5,5 метров. Показательно, что основными в этих курганах были погребения женщин. Курганы средних размеров 5 и 8 были также возведены над женскими погребениями. Другой особенностью этого могильника является высокая концентрация металлических предметов среди погребального инвентаря: ножей, шильев, крюков, тесел и долот, что дало основание автору раскопок интерпретировать данный факт как погребения мастеров по обработке дерева [Шилов, Цуцкин 1986: 160–161]. Спектральный анализ одиннадцати металлических предметов из Ергенинского могильника показал высокое содержание латуни (до 11 %), что свидетельствует о пока самых ранних находках латуни в восточноевропейских степях [Гак 2004: 47–49; Егорьков и др. 2004: 77–78]. В 2006–2008 гг. были проведены совместные с Германским археологическим институтом раскопки двух курганов из той же группы. Основными в обоих курганах оказались погребения малолетних детей 5 и 3–4 лет, относящиеся к восточноманычской катакомбной культуре. Впускными были также погребения детей и подростков, иногда в сопровождении взрослых женщин. Погребальные сооружения и инвентарь оказались типичными для восточноманычской культуры. Для всех погребений получены радиоуглеродные даты [Очир-Горяева, Малек 2008: 78–90; Очир-Горяева, Малек 2009: 187–193; Очир-Горяева, Малек 2010: 305–306; Очир-Горяева, Малек 2011: 73–81; Malek, Ochir-Goryaeva 2012: 499–508].

Примечательной находкой оказались обнаруженные нами в балке Кюре-Сала в 0,9 км от пос. Ергенинский несколько мелких и один крупный конкреции мелового кремня. Выходы кремня известны на Кавказе, это означает, что конкреции кремня из балки Кюре-Сала попали сюда в результате деятельности людей. Даже если предположить местное происхождение мелового кремня, эта находка дает надежду на обнаружение поблизости стоянки или мастерской людей каменного или меднокаменного века. На том же месте на южном крутом, почти вертикальном склоне балки Кюре-Сала был найден фрагмент ножевидной пластины.

Район проведенной работы имеет протяженность вдоль долины на 15,5–18 км. Выявлено шесть курганных групп, в которых нами насчитано 259 курганов (рис. 1). Три курганные группы расположены на гребнях Ергенинской возвышенности с южной и северной сторон балки, в которой находятся еще три курганные группы. На гребне, обрамляющем долину рр. Шар Элси и Кек Булук с южной стороны, расположена курганная группа из 68 курганов, тянущихся в виде широтно ориентированной цепочки протяженностью 13,5 км. Эта группа названа нами Субурган по названию балки с другой (южной) стороны хребта. Цепь курганов прервана асфальтовой дорогой. Поэтому курганы группы Субурган видны с асфальтовой дороги при въезде в пос. Ергенинский со стороны г. Элисты. Достопримечательностью этой группы является расположенный в центральной части цепи курган-гигант с плоской вершиной, размеры которого несколько превышают размеры футбольного поля. Высота насыпи кургана — 4 м, диаметр — 120 м. Вокруг кургана прослеживается обширный ров, имеющий переув с юго-восточной стороны. Поле вокруг кургана неоднократно распахивалось, поэтому очертания рва прослеживаются неотчетливо. На северном краю насыпи остались столбы от установки тригометрического пункта. Площадь платформы неровная, есть следы современных перекопов. Повсюду на поверхности можно заметить фрагменты белого камня-ракушечника. Вполне возможно, что в насыпи имеется каменная вымостка. На поверхности кургана были сделаны находки в виде нескольких мелких фрагментов красноглиняной керамики хорошего качества и одного флажковидного кремневого наконечника стрелы. В. П. Шилов считал этот курган недостроенным до конца курганом катакомбной культуры¹.

С северной стороны балки на следующем хребте Ергенинской возвышенности расположена другая цепь курганов, тянущаяся также в широтном направлении. Эта цепь курганов начинается с восточной стороны все той же асфальтовой дороги и продолжается дальше в западную сторону. Один курган этой группы распо-

---

¹ Устная информация. Высказана была В. П. Шиловым в 1986 г.

ложен с восточной стороны дороги, между кюветом асфальтовой дороги и лесополосой. В группе насчитывается 26 курганов. Эта группа названа нами Кюре-Сала по названию балки с южной стороны гребня.

Третья группа курганов расположена на том же гребне, только на его восточном конце, заканчивающимся крутым спадом вниз более чем на 100 м и переходящим в обширную, уходящую до горизонта низину. На этой высокой оконечности хребта расположено обширное курганное поле из 80 курганов. Специального порядка в расположении курганов не наблюдается, но наиболее высокие (более 3 и 5 метров) курганы расположены в виде нестройной широтно ориентированной цепочки. Остальные более мелкие курганы, сосредоточенные на южной стороне плато, расположены сплошным массивом. Курганная группа названа нами Хурул, так как до культурной революции 1930-х гг. здесь в летние месяцы располагался местный хурул. Эта группа примечательна тем, что в ней имеется несколько больших курганов, в абрисе насыпей которых просматривается трех и четырехгранность. Указанная особенность просматривается только при заходе солнца или поздней осенью, когда солнце стоит низко. Именно в этот период года и были замечены нами «границы» насыпей. Впоследствии мы узнали у местных чабанов, что они называют эти курганы «Һурвлжн» и «Дөрвлжн» (калм. 'треугольный' и 'четырёхугольный'). Научно доказать это наблюдение мы надеемся путем точного замера этих курганов с помощью электронного тахеометра.

Перечисленные три группы расположены на высоких хребтах возвышенностей на высотах более 100–150 м над уровнем моря. Такое расположение типично для Ергенинской возвышенности. Как мы полагаем, это были наиболее престижные и наиболее предпочтительные места для родовых кладбищ древнего населения, проживавшего в низменных балках поближе к источникам воды. Именно на такое расположение указывает нам поселение бронзового века Ергенинское. Оно находится прямо у среза воды речушки Шар Элсн и на таком низком месте побережья, что проезжающим по проселочной дороге, проходящей мимо поселения,

не была видна стоявшая на раскопе экспедиционная машина «Газель».

В долине рр. Шар Элсн и Кюре-Сала в непосредственной близости к пос. Ергенинский и на его территории нами были учтены еще три курганные группы.

Первая курганная группа получила название Ергенинский Центральный. Курганы этой группы находятся на территории пос. Ергенинский. Сохранились только наиболее крупные насыпи высотой более 2 метров. Первые два кургана находятся перед жилыми домами по ул. Джангара, на южной окраине села. Далее цепочка из четырех курганов тянется на север и одновременно наверх по склону. Последний из этих курганов расположен на северной окраине села, с южной стороны кафе-гостиницы (владелец В. Н. Яшлаев). Курганы расположены на расстоянии друг от друга, составляющем соответственно 52, 106, 174, 236, 398 метров. Понятно, что более мелкие курганы, находившиеся между большими, были разрушены в ходе строительства поселка.

Параллельно курганам группы Ергенинский Центральный на расстоянии 800 м на восток от него, на восточной окраине поселка, тянутся по тому же склону на север в виде цепочки курганы группы Ергенинский (Восточный), где проводились вышеописанные раскопки 14 курганов. В настоящее время здесь насчитывается 29 курганов, без учета раскопанных.

С западной стороны поселка расположена курганная группа, названная нами Ергенинский Западный, представляющая собой три параллельных ряда курганных цепочек, расположенных на участке между рр. Шар Элсн и Кюре-Сала. В группе насчитывается 46 курганов. Наиболее отчетливо прослеживается первая северная цепь курганов. Эта цепь тянется по наиболее высокой части водораздела между р. Шар Элсн и ручьем Кюре-Сала в широтном направлении. Именно эти наиболее высокие точки преследует и проселочная дорога, поэтому все курганы этой цепочки идут параллельно проселочной дороге. Начинается эта цепь курганов на востоке от большого кургана, на котором расположено сельское кладбище, на отметках 68 м над уровнем моря и достигает наибо-

лее высоких точек водораздельного возвышения — 111–115 м. Порядок расположения курганов во второй и третьей цепи не столь последователен. Обе цепи расположены на южном склоне водораздела в виде нестрогих рядов в широтном направлении.

Кроме этих курганов, на восточном конце курганной группы Ергенинский Западный нами обнаружены четыре погребальных сооружения, не типичные для степной зоны, а именно курганы с плоской вершиной (рис. 2). Группа из четырех плоских курганов находится на западной окраине поселка, между крайними строениями и кладбищем. Курганы с плоской вершиной расположены как будто в три ряда, направленных широтно вдоль течения речушки Шар Элсн, так же, как и остальные курганы. То есть плоские курганы примыкают к рядам обычных курганов. Первый ряд из двух курганов с плоской вершиной расположен наиболее близко к срезу воды и образован из плоских курганов под номерами 1 и 2. Второй ряд состоит только из одного сохранившегося плоского кургана, расположенного примерно между курганами 1 и 2 первого ряда. В третьем ряду различаются и зафиксированы также два кургана с плоской вершиной, расположенные соответственно замеченному шахматному порядку напротив двух первых платформ первого ряда.

Первым был обнаружен курган с плоской вершиной 1 с наилучшей сохранностью, он был замечен при облете местности на легкомоторном самолете. Остальные были выявлены при просмотре космоснимков Google. Поверхности плоских курганов мало задернованы и покрыты суглинком белесоватого цвета, поэтому они видны на космоснимках в виде белесых пятен. Выходы суглинка белесоватого, иногда чисто белого, иногда кремового цвета имеются в береговых отложениях ручья Кек Будук. Использование этого суглинка для погребальных сооружений известно нам по раскопкам курганов группы Ергенинский [Очир-Горяева, Малек 2011: 73–81]. Курган 1 был расположен в 40 м от русла р. Шар Элсн. Поверхность его была задернована в наибольшей степени. Диаметр кургана — 57,8 м, высота — 0,65 м. Со всех сторон, кроме юго-восточной, курган-платформа окружен рвом, имеющим

серповидную форму. Ров достигает максимальной своей ширины в северо-восточном секторе, сходя на нет в юго-западном секторе. Ширина рва в максимальной части достигает 13,2 м, в наиболее узкой его части, ближе к разрыву рва — 7 м. Глубина рва — 0,53 м. Разрыв рва составляет по прямой 33 м. Таким образом, серповидный ров направлен своей вершиной на северо-восток, определяя тем самым ориентацию всего сооружения или ось симметрии. Такой же серповидной формы западина, также направленная своей вершиной на северо-восток, прослеживается в центре насыпи. Создается впечатление, что под насыпью был выкопан ров, в котором почва осела глубже, чем вокруг. Ширина проседания составляет почти 2 м. Расстояние между концами полулуницы — 8 м. Таким образом, устанавливается, что ось сооружения (или ось симметрии) была ориентирована по линии северо-восток — юго-запад.

Такая же ориентация характерна и для кургана с плоской вершиной 2. Второй курган расположен на территории, где проходят регулярные конные скачки. Западный край этого кургана нарушается распаханной полосой для скачек малых дистанций, проходящей в этом месте в виде дуги. Диаметр кургана 2 составляет 47,4 м. Курган обрамлен рвами с двух сторон, расположенных так, что они напоминают скобки, так как северо-восточная и юго-западная стороны сектора открыты. На этих участках внешний ров кургана сходит на нет.

Курган с плоской вершиной 3 обнаружен в 128 м к северо-востоку от плоского кургана 2 и в проекции расположен на участке между ними. Полоса распахки для конных скачек проходит прямо по центру этого кургана. Слой светлого суглинка с поверхности кургана оказался растащенным во все стороны. Насыпь кургана разрушена до такой степени, что невозможно определить его диаметр.

Курган 4 расположен в 300 м к северо-северо-востоку от кургана-платформы 1 или в 155 м к северо-западу от кургана-платформы 3. Судя по этому расположению, представляется, что плоские курганы были установлены в шахматном порядке в три ряда, проходящих параллельно течению речушки Шар Элсн. Курган 4 был

наименьшим, его диаметр составлял 26,7 м. С северо-западной и юго-восточной сторон кургана едва прослеживаются рвы-скобки. Ширина рвов составляет 2 м. Курган 4 подходит близко к крайнему кургану из группы Ергенинский (Западный), расположенному на одной линии с курганом, на котором устроено сельское кладбище. Вполне возможно, что еще, по крайней мере, три кургана оказались разрушенными. Об этом свидетельствуют два бесформенных (расташенных) концентраций светлого суглинка, расположенных: один — в одну линию с платформами 1–2 в 250 м на восток от кургана-платформы 2, а второй — в одну линию с платформой 3 на восток.

Таким образом, представляется, что курганы с плоской вершиной были расположены в три ряда в шахматном порядке, при этом размеры сооружений уменьшались с юга на север так же, как в рядах шахматных фигурок. Это предположение как будто подтверждается тем, что на противоположном берегу речушки Шар Элси, на гребне хамура, прямо напротив исследованных нами плоских курганов располагается курган-гигант Субурган с плоской вершиной, который был описан выше (рис. 1).

Курганы с плоской вершиной известны на Северном Кавказе, в зоне распространения майкопской археологической культуры эпохи раннего бронзового века [Кореневский 2004: 15, 151; рис. 23; Резепкин 2012: 140–141; рис. 11–12]. Плоские насыпи встречаются также и в степях над раннекатакомбными погребениями, например, в Большом Ипатовском кургане и в кургане 15 группы Ша-рахулсун [Кореневский и др. 2007: 147–152; рис. 7–12; Яковлев 2004]. Элементы погребального обряда и предметы материальной культуры, характерные для майкопской культуры, в памятниках степной зоны неоднократно отмечались исследователями [Шилов, Багаутдинов 1998: 160–178; Шишлина 2002: 164–173; Шишлина и др. 2012: 390–398]. В отношении плоских курганов группы Ергенинский Западный обращает внимание использование белесого суглинка для покрытия сплошным слоем поверхности насыпей. Покрытие насыпей желтыми глинистыми прослойками и использование почв различных цветов в оформлении погребальных со-

оружий также характерно для майкопских курганов [Кореневский 2010: 149–168].

Проведенный обзор археологических памятников на участке протяженностью 15–18 км в окрестностях пос. Ергенинский Кетченеровского района Республики Калмыкия, расположенного в долине р. Шар Элси и ручья Кек Булук, наглядно продемонстрировал, что здесь наблюдается высокая плотность археологических памятников, среди которых впервые выявлены и описаны плоские курганы, характерные для майкопской культуры Северного Кавказа.

Литература

- Гак 2004 — *Гак Е. И.* О древнейших латунях Евразии // Древний Кавказ: Ретроспекция культур: Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Е. И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2004. С. 47–48.
- Егорьков, Гак, Шишлина 2004 — *Егорьков А. Н., Гак Е. И., Шишлина Н. И.* Могильник Ергени в Калмыкии: латунь в бронзовом веке // Древний Кавказ: Ретроспекция культур Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа) / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. М.: ИА РАН, 2004. С. 77–78.
- Кольцов 1988 — *Кольцов П. М.* Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 52–92.
- Кольцов 2004 — *Кольцов П. М.* Поселение Джангар в Сарпинской низменности // Эпоха меди юго-восточной Европы. Куйбышев: КГПИ, 1984. С. 79–91.
- Кореневский 2004 — *Кореневский С. Н.* Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья. Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. М.: Наука, 2004. 242 с.
- Кореневский, Белинский, Калмыков 2007 — *Кореневский С. Н., Белинский А. Б., Калмыков А. А.* Большой Ипатовский курган на Ставрополье. М.: Наука, 2007. 228 с.
- Кореневский 2010 — *Кореневский С. Н.* Феномен больших майкопских курганов: социально-трудовой и культовый аспект строительства //

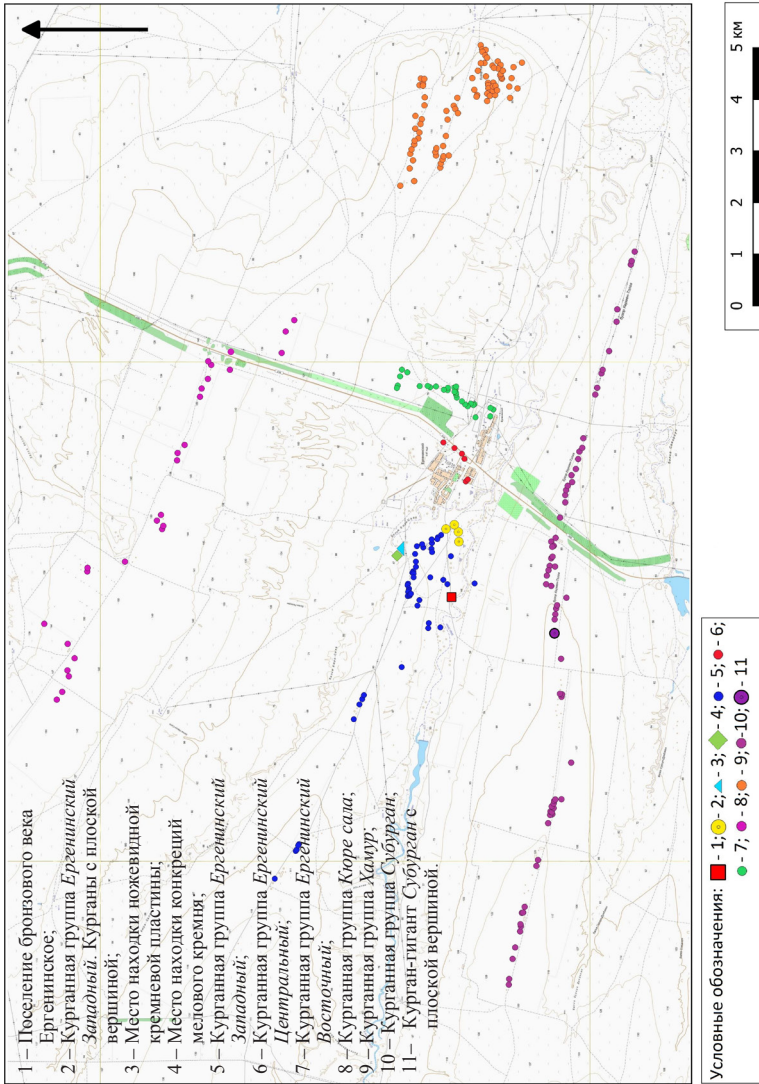

Рис. 1. Археологические памятники у пос. Ергенинский,
Кетченеровский район Республики Калмыкия. Карта

Рис. 2. Археологические памятники у пос. Ергенинский, Кетченеровский район Республики Калмыкия. Карга

- Краткие сообщения Института археологии. Вып. 224. М.: ИА РАН, 2010. С. 149–168.
- Очир-Горяева, Малек 2008 — *Очир-Горяева М. А., Малек К.* Об итогах археологического исследования Ергенинского могильника, проведенного в рамках совместного проекта КИГИ РАН и Евразийского отделения Германского археологического института // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 3. С. 78–90.
- Очир-Горяева, Малек 2009 — *Очир-Горяева М. А., Малек К.* Результаты междисциплинарных исследований в рамках германско-калмыцкого проекта по археологии бронзового века // Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее. Мат–лы Междунар. науч. конф. Элиста: ЗАОР НПП «Джангар», 2009. С. 187–193.
- Очир-Горяева, Бросседер 2008 — *Очир-Горяева М. А., Бросседер У.* Поселения в степи: проблемы изучения и интерпретации // Вестник Прикаспия: археология, история, этнография. Элиста: Калмыцкий государственный университет, 2008. Вып. 1. С. 42–47.
- Очир-Горяева, Малек 2010 — *Очир-Горяева М. А., Малек К.* Исследования курганного могильника Ергенинский // Археологические открытия-2007. М.: Наука, 2010. С. 305–306.
- Очир-Горяева, Малек 2011 — *Очир-Горяева М. А., Малек К.* Результаты исследования детского погребения № 10 из кургана № 13 Ергенинского могильника // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат–лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 73–80.
- Очир-Горяева, Кекеев, Карнап-Борнхейм, Фассбиндер 2011 — *Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А., Карнап-Борнхейм К., Фассбиндер Й.* Комплексные исследования на поселении Ергенинское // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат–лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 20–23 сентября 2011 г.). Ч. II. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 81–84.
- Очир-Горяева, Ситдииков, Кияшко, Нага 2016 — *Очир-Горяева М. А., Ситдииков А. Г., Кияшко Я. А., Нага Т.* К изучению памятника эпохи раннего средневековья Башанта-II // Поволжская археология. 2016. № 4 [18]. С. 23–36.
- Очир-Горяева, Карнап фон Борнхайм 2015 — *Очир-Горяева М. А., Карнап фон Борнхайм К.* Исследования в рамках совместного проекта

- «Поселения в степи» (2010–2013 гг.) // Археологические открытия. 2015. Т. 2010–2013. С. 412–414.
- Очир-Горяева 2015 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники срубной культуры в Волго-маньчских степях // Ежегодные научные чтения Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № V. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 32–37.
- Резепкин 2012 — *Резепкин А. Д.* Новосвободненская культура (на основе материалов могильника Клады). СПб. Нестор-История., 2012. 344 с.
- Шишлина, Александровский 1999 — *Шишлина Н. И., Александровский А. Л.* К хронологии предкавказской катакомбной культуры // Археология. 1999. № 3. С. 55–65.
- Шилов 2009 — *Шилов В. П.* Древние скотоводы калмыцких степей. Элиста: Герел, 2009. 303 с.
- Шилов, Цуцкин 1986 — *Шилов В. П., Цуцкин Е. В.* Исследования Волго-Донской экспедиции // Археологические открытия. М.: ИА РАН, 1986. С. 160–161.
- Шилов, Багаутдинов 1998 — *Шилов В. П., Багаутдинов Р. Х.* Погребения энеолита-ранней бронзы могильника Эвдык // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: Сам. гос. пед. ун-т, 1998. С. 160–178.
- Шишлина 2002 — *Шишлина Н. И.* Майкопские погребения Южных Ергеней // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград: ВолГУ, 2002. С. 164–173.
- Шишлина, Казарницкий, Белькевич 2012 — *Шишлина Н. И., Казарницкий А. А., Белькевич Е. В.* Курган 3 могильника Улан-IV: археология, антропология и хронология культур бронзового века средних Ергеней // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. Мат–лы Междунар. конф., посвященной 110-летию со дня рождения выдающегося российского археолога Михаила Петровича Грязнова. Том 2. СПб.: Периферия, 2012. С. 390–398.
- Яковлев 2006 — *Яковлев А. В.* Отчет о раскопках курганного могильника Шарахулсун-5 на территории Апасенковского района Ставропольского края в 2001 г. М. // Архив ИА РАН. Р 1-28242., 2006. 86 с.
- Malek, Ochir-Goryaeva 2012 — *Malek K., Ochir-Goryaeva M.* Wagengrab 3 Kurgannekropole Ergeninskij, Teilrepublik Kalmykien, Russische Föderation — ein Vorbericht // Gräberlandschaften der Bronzezeit. Internationales Kolloquium zur Bronzezeit. Darmstadt: Verlag Philipp von Zabern, 2012. С. 499–508.

Shishlina, Alexandrovskii, Chichagova, Van der Plicht 2000 — *N. I. Shishlina, A. L. Alexandrovskii, O. A. Chichagova, J. Van der Plicht*. Radiocarbon chronology of the Kalmykia culture of the west Eurasian steppe. *Antiquity*. ISS. 74. 2000. ISS. Pp. 793–799.

УДК 92

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-46-63

Погребения восточно-маньчской катакомбной культуры из курганной группы Малые Дербеты-II (анализ половозрастного состава)

*Цагана Владимировна Шарманджиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
E-mail: tsaganashm@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Шарманджиева Ц. В., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается половозрастной состав погребений восточно-маньчской катакомбной культуры из двух курганов группы *Малые Дербеты-II*, расположенной в северной части Ергенинской возвышенности (Малодербетовский район Республики Калмыкия). Курганы были насыпаны над ямно-катакомбными погребениями женщины (курган 1) и мужчины (курган 2). Вокруг основного погребения располагались впускные погребения катакомбной культуры. Публикация материалов группы *Малые Дербеты* в монографии «Древние некрополи Ергенинской возвышенности» сопровождается авторскими приложениями с анализом антропологического материала (М. А. Балабанова) и исследованием патологических изменений (Е. В. Перерва). В связи с многочисленностью погребений, относящихся к одной археологической культуре и расположенных в определенном порядке под насыпью одного и того же кургана, представляет интерес дополнительное, более подробное изучение особенностей их половозрастного состава и места расположения на плане кургана. *Результаты.* В погребениях эпохи бронзы археологи обнаружили 3 мужских, 7 женских и 8 детских костных останков. В обоих курганах обнаружено по одному погребению мужчин зрелого возраста: основное в кургане 2 (40–50 лет) и впускное в кургане 1 (35–45 лет), рас-

положенное к югу от центра кургана. К группе мужских погребений относится также погребение подростка в возрасте 14–16 лет из коллективного впускного погребения (курган 1, погребение 7). К группе женских погребений относятся погребения двух женщин преклонного возраста: из основного погребения кургана 1 (40–45 лет) и впускного погребения 6 кургана 1 (50 лет). Последнее было расположено в восточной половине кургана и сопровождало ребенка 1,5 года. Остальные женщины из впускных погребений отличались молодым возрастом (от 17 и до 30 лет). Одна из них была на последней стадии беременности (курган 2, погребение 5). Важным является то, что все погребения молодых женщин расположены в западной половине кургана. Детей насчитывалось 8, половина из них была захоронена совместно с женщинами.

Ключевые слова: антропологический материал, эпоха бронзы, патология, скелет, группа, курган, погребение, Ергенинская возвышенность, Республика Калмыкия

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Шарманджиева Ц. В. Погребения восточно-маньчжурской катакомбной культуры из курганной группы *Малые Дербеты-II* (анализ половозрастного состава) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 4. С. 46–63. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-46-63

UDC 92

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-46-63

The Burials of the East-Manych Catacomb Culture from the Malye-Derbety II Mound Group

*Tsagana V. Sharmandzhieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate

E-mail: tsaganashm@gmail.com

Abstract: *Introduction.* The article focuses on the gender-age composition of the burials of the East-Manych Catacomb culture from the two mounds of the *Malye-Derbety II* mound group located in the northern part of the Ergenskiy heights (Maloderbetovskiy region of the Republic of Kalmykia). The mounds were built on the Yamna-catacomb burials of a woman (mound No. 1) and a man (mound No. 2). Around the main burial there were inlet burials of the Catacomb culture. The publication of the materials of the Malye Derbety mound group in the monograph “The Ancient Necropolises of the Ergenskiy Heights” is supplemented by the author’s appendices with the analysis of the anthropological materials (M. A. Balabanova) and the analysis of the pathological changes (E. V. Pererva). Due to the great number of burials belonging to the same archaeological culture and located in the certain order under the same mound, the additional more detailed examination of the peculiarities of their gender-age composition and the position on the mound plan is of great interest. *Results.* The archaeologists found the bones of three men, seven women and eight children in the Bronze Age burials. Both mounds each had one burial of a middle-age man: the main burial in mound 2 (40–50 years old) and inlet burial in mound 1 (35–45 years old), located to the south of the center of the mound. To the group of the men burials belongs the burial of a teenager (14–16 years old) from the group of inlet burials (mound 1, burial 7). To the group of women burials belong the burials of two elderly women: from the main burial of the mound 1 (40–50 years old) and the inlet burial 6 of the mound 1 (50 years old). The latter was located in the eastern part of the mound and was next to an 18-months old child. The other women of the inlet burials were younger (from 17 up to 30 years old). One of them was in the last months of pregnancy (mound 2 burial 5). It should be noted that all the burials of the young women were located in the western part of the mound. There were eight children and half of them were buried together with women.

Keywords: anthropological material, Bronze Age era, pathology, skeleton, group, mound, burial, Ergenskiy height, Republic of Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: a Comprehensive Research of Respective Processes” (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Sharmandzhieva Ts. V. The Burials of the East-Manych Catacomb Culture from the Malye-Derbety II Mound Group. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2020. No. 4. Pp. 46–63. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-46-63

В рамках плановой темы исследования «Новые и забытые памятники Республики Калмыкии» в Калмыцком научном центре РАН активно ведется работа по изучению древнего населения. С открытием первых курганов археологи столкнулись с необходимостью определения социального статуса персон, погребенных в одном кургане, и их взаимосвязи друг с другом. Привлечение методик антропологического исследования к анализу костного материала позволяет более детально реконструировать и оценить особенности погребений. Подавляющее большинство археологических памятников Республики Калмыкия составляют курганы бронзового века. Количество погребений эпохи бронзы, раскопанных с 1929 по 1997 гг., в 3,2 раза превышает количество памятников раннего железного века (64,6 % против 20,2 % от общего числа) и в 7,6 раза — памятников средневековья (64,6 % против 8,5 % от общего числа). Наиболее многочисленными и наиболее богатыми некрополи образованы из курганов эпохи бронзы. Это рассматривается как свидетельство достаточно стабильного и плотного проживания населения эпохи бронзы в волго-маньчских степях [Очир-Горяева 2008: 364].

Поэтому возник вопрос о проведении дополнительного и детального анализа половозрастного состава погребений бронзового века курганной группы *Малые Дербеты-II*.

Курганная группа *Малые Дербеты-II*, названная по ближайшему населенному пункту — с. Малые Дербеты Малодербетовского района Республики Калмыкия, от которой она находилась в 6,3 км на юго-восток, располагалась на пологом восточном склоне гребня Ергенинской возвышенности. Она состояла из 5 курганов, расположенных по склону вдоль западного берега пересыхающей в летнее время речки Пришиб. Раскопаны были курганы 1, 2, которые являются самыми северными в цепи курганов этой группы [Очир-Горяева 2017: 15].

Полные сведения о погребальном инвентаре и костном материале курганной группы *Малые Дербеты-II*, исследованы и опубликованы М. А. Очир-Горяевой в монографии «Древние некрополи Ергенинской возвышенности». Кроме того, в книге имеются авторские приложения антропологического определения пола и возраста остеологического и краниологического материала из курганной группы *Малые Дербеты-II*, который был проведен М. А. Балабановой. Там же помещены данные исследования паталогических особенностей костных останков, проведенного Е. В. Перервой.

Раскопанная курганная группа *Малые Дербеты-II* состояла из 2 курганов и 20 погребений. Антропологический материал значительной части погребений (14 погребений), который и стал предметом изучения, относился к эпохе бронзы. По культурно-хронологической принадлежности и половозрастному составу данные погребения распределены следующим образом:

- 1) в кургане 1 основным погребением было женское (оно принадлежит ямно-катакомбной культуре), имелись и 7 впускных погребений (восточноманычской катакомбной культуры). Погребение мужчины было совершено на южном краю входной ямы основного погребения. Совместные погребения детей с женщинами находились в восточной стороне кургана. На западной стороне от основного кургана обнаружено погребение взрослой женщины и одиночное погребение 6-месячного ребенка.
- 2) в кургане 2 основным погребением было мужское (датировано ямно-катакомбной культурой), имелись также 5 впускных погребений (восточно-манычской катакомбной культуры), которые были расположены в виде дуги вокруг основного погребения. На восточной стороне кургана от основного погребения было расположено погребение женщины с ребенком. На западной стороне располагались погребение молодой беременной женщины и погребение двух детей. Одно детское погребение располагалось на южной стороне кургана. Все погребенные в своих погребениях лежали на левом боку скорченно.

При проведении антропологического исследования М. А. Балабановой и Е. В. Перервой была использована общепринятая классическая методика антропологических исследований, основанная на морфологическом анализе костного материала. Она включает осмотр костей, их определение, сравнение формы и длины парных костей, выявление степени срастания костей скелета и анализа пола и возраста по доступным признакам, а также сохранность костного материала [Алексеев 1966].

Возраст неполовозрелых индивидов определялся по степени прорастания молочных и постоянных зубов и программе, разработанной Д. Убелакером, а также по размерам диафизов длинных костей скелета и ключицы (схема также предложена Д. Убелакером).

Череп были анализированы согласно методике краниометрических исследований с изучением облитерации швов и определении степени изношенности зубов [Алексеев, Дебец 1964].

Палеопатологический анализ костных останков основывался на описании и морфологической методике. Дополнительно для изучения антропологического материала использовалась методика исследования аномалий черепа [Мовсесян, Мамонова, Рычков 1975], отдельные разделы методики одонтологических исследований [Зубов 1968].

В связи с большим количеством в исследованных двух курганах группы *Малые Дербеты-II* антропологического материала (18 скелетов) появилась необходимость более подробно рассмотреть половозрастной состав костных останков. Для этого были составлены три таблицы, в которых выделены курган, погребение, положение скелета, половозрастные определения, патологические признаки и культурно-хронологическая принадлежность. Из 18 изученных индивидов эпохи бронзы — 10 взрослых скелетов и 8 детских. К женским относятся 7 скелетов, у которых средний возраст на момент смерти 32 года. Взрослых мужских скелетов в данной курганной группе, относящихся к эпохе бронзы, всего 2, возраст их в среднем составлял 42,5 года. Также в погребениях обнаружен 1 подросток мужского пола, возраст которого на момент смерти был 14–16 лет. Детей насчитывалось 8, и средний возраст их смерти был 4,6 лет.

Описание группы мужских погребений (таблица 1)

В погребении 7 кургана 2, которое является основным, был захоронен мужчина (*maturus*) 45–50 лет. Данное погребение было обнаружено в центре кургана. Погребение подверглось ритуальному разрушению, кости человека были разбросаны по всей площади камеры. В обширной катакомбе также находились изделие из рога, а место расположения туловища мужчины было обильно посыпано охрой. Кости мужчины были представлены черепной коробкой, костями верхних конечностей, правой бедренной и малой берцовой костями, правой ключицей, костями стоп и полного набора ребер. Судя по массивности и размерам костей, мужчина был высокого роста и мощного телосложения.

При изучении костного материала мужчины на предмет выявления патологических особенностей были зафиксированы на лобной кости признаки васкуляризации костной ткани. Васкулярная реакция по типу «апельсиновая корка» является последствием холодового стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе. На исследованных зубах был отмечен пародонтоз и сильная стертость эмалевой поверхности зубов. На посткраниальном скелете установлены следы деформирующего артроза и остеофитоза. Мышечный рельеф на длинных костях скелета развит выше среднего. На позвоночном столбе обнаружены хрящевые грыжи поясничных позвонков и костные разрастания на телах позвонках, в виде спондилоартроза.

Во впускном одиночном погребении 10 кургана 1 были обнаружены костные останки взрослого мужчины (*maturus*) возрастом 35–45 лет. Погребение было обнаружено на южной стороне от основного погребения кургана 1.

При антропологическом определении на черепной коробке были выявлены следы преднамеренной искусственной деформации. На черепе в затылочной области обнаружена вставочная родничковая кость, которая является дискретно-варьирующим признаком. При изучении зубной системы погребенного с целью выявления патологии были выявлены признаки пародонтоза эмалевой недостаточности и гипоплазии. Из патологических отклонений

на костях посткраниального скелета на суставных поверхностях больших берцовых костях отмечены краевые разрастания, что свидетельствует о развитии остеофитоза.

Молодой парень, подросток (*juvenis*) 14–16 лет был обнаружен в коллективном захоронении кургана 1 погребения 7. Погребение подростка, который был захоронен вместе с ребенком 7 лет и женщиной 30–45 лет, было расположено в восточной стороне кургана.

При исследовании черепа отмечены пальцевидные вдавления, которые объясняются повышенным внутрочерепным давлением. На зубах подростка отмечены также эмалевая гипоплазия и зубной камень. Патологические отклонения на посткраниальном скелете не обнаружены. Однако следует отметить на хорошо выраженный рельеф локтевых костей, это указывает на высокую нагрузку на эти кости подростка.

Мужские погребения курганной группы *Малые Дербеты-II* малочисленны (3 погребения), однако имеют свою возрастную специфику, они соответствуют возрастным когортам *juvenis* — подросток (14–16 лет) и *matures* — двое мужчин отличались зрелым возрастом. Анализ патологических отклонений всей мужской группы показал, что значительные нагрузки при жизни выпадали на верхние и нижние конечности и их суставы. Среди этих патологий выделяют: деформирующий артроз, остеофитоз, позвоночные грыжи. Данные признаки указывают на высокую степень физической и двигательной активности [Перерва 2016]. Важно отметить, что и у мужчины из основного погребения с высоким социальным статусом также имелись признаки физических нагрузок.

Описание женских погребений (таблица 2)

Женская группа скелетов из погребений из курганной группы *Малые Дербеты-II* относится к 7 разным по возрасту индивидам. Анализ данной группы по возрастным когортам распределяется так: *adultus* ‘молодые’ (15–35 лет) — 3 костяка, *maturus* ‘зрелый возраст’ (35–50) — 3 костяка и *senilis* ‘пожилые’ (старше 50 лет) — 1 костяк.

Возрастная группа *senilis* представлена единственным погребением 6 из кургана 1, являющимся впускным. В данном погребении

нии женщина старше 50 лет была захоронена вместе с ребенком, в восточной стороне от основного погребения.

При исследовании костного материала женщины на патологические отклонения посткраниального скелета были выявлены: деформирующий артроз, остеохондроз, сколиоз. У женщины также обнаружен лобный гиперостоз, который является признаком гормонального нарушения. Зафиксированы нарушения зубочелюстной системы в виде изношенности суставов и зубов, дегенеративного артроза и прижизненной утраты зубов. Все эти патологические особенности связаны с возрастом пожилой женщины.

Захоронение женщины зрелого возраста (*matures*) в основном погребении встречено в кургане 1 погребении 9. Это погребение было обнаружено в центре кургана. В обширной катакомбе кости погребенной были обильно посыпаны охрой, под черепом были найдены 12 бронзовых подвесок.

Остальные два погребения женщин зрелого возраста (*matures*) являются впускными. В одном случае женщина была погребена одна в кургане 1, погребении 11 в западной стороне от основного погребения. В другом случае женщина была погребена с ребенком в кургане 2, погребении 6 на востоке от основного погребения.

Из патологических отклонений на зубной системе зрелых женщин присутствуют: зубной камень, пародонтоз, эмалевая гипоплазия и прижизненная утрата зубов. У всех женщин этой группы имелись возрастные разрастания костной ткани посткраниального скелета, деформирующий артроз и остеофитоз. Надо отметить, что все женщины постоянно пребывали на холодном воздухе, так как была зафиксирована на черепах васкуляризация костной ткани. У женщин из основного погребения кургана 1 и впускного погребения 6 кургана 2 были замечены следы искусственной деформации черепа. Кроме того, у женщины зрелого возраста из погребения 6 кургана 2 был отмечен венозной застой, который свидетельствует о высоких нагрузках на нижние конечности. Стоит отметить, что у женщины из основного погребения на лицевом отделе установлена прижизненная травма носа.

Погребения молодых женщин (*adultus*) во всех трех случаях впускные, одно из которых является коллективным. Во всех трех случаях на посткраниальных скелетах молодых женщин не было патологических отклонений, кроме как у женщины 30–35 лет из коллективного захоронения погребения 7 кургана 1 был зафиксирован остеофитоз поясничных позвонков. Все женщины из данной возрастной группы имели патологии зубочелюстной системы: эмалевую гипоплазию и зубной камень. Следует отметить, что следы искусственной деформации черепа наблюдались у двоих из данной группы.

В погребении 5 кургана 2 были обнаружены останки молодой женщины 17–20 лет. Данное погребение находилось в западной стороне от центра кургана. Молодая женщина была беременна, так как под правой бедренной костью был найден череп младенца. Судя по месту нахождения его черепа, в данном случае можно предполагать, что плод выскользнул при разложении трупа. Кроме того, эта женщина страдала головными болями и внутричерепным давлением, так как на внутренней стороне лобной кости обнаружены пальцевидные вдавления и пороз костной ткани.

Анализ женских погребений курганной группы *Малые Дербеты-II* на предмет выявления патологий показал, что патологических отклонений, связанных с физической активностью и нагрузками, у женской группы не наблюдалось.

Описание детских погребений (таблица 3)

Детская группа погребений состояла из 8 костяков, которые были отнесены к детям в возрастной категории с младенчества до 10 лет. Также был один подросток — мальчик в возрасте 14–16 лет, который был отнесен к мужской группе. Высокая детская смертность в младшем возрасте весьма характерна для древнего населения, до подросткового возраста доживают наиболее здоровые и выносливые дети.

Трое детей были похоронены в одиночных погребениях (курган 1, погребение 1; курган 1, погребение 12; курган 2, погребение 3) с юго-восточной стороны от основных погребений данной курганной группы. Остальные дети были захоронены вместе с жен-

щинами в коллективных погребениях на восточной и юго-восточной стороне. Все детские погребения являются впускными.

При анализе детских костных останков черепов на предмет выявления патологических отклонений был зафиксирован поротический гиперостоз, который является признаком витаминной и микроэлементной недостаточности. В изучаемой группе гиперостоз был выявлен у 4 неполовозрелых индивидов, возраст которых был 6 мес., 1,5 года, 3 года и 7 лет. Воспалительные процессы, которые представлены порозом костной ткани посткраниального скелета, зафиксированы у всей детской группы. У троих детей возрастом 1,5 года, 2 лет и 3 лет были замечены пальцевидные вдавления на внутренней стороне лобной кости. Перечень признаков, связанных с недостатком витаминов и микроэлементов, воспалительных процессов, эндокринных нарушений, чаще всего фиксируется на детских костях, тем самым позволяя предположить, что именно дети в первую очередь являлись самой уязвимой частью древнего населения [Балабанова 2016].

Заключение

В статье проведен детальный анализ трех половозрастных групп погребений катакомбной культуры из двух курганов, насыпанных над ямно-катакомбными погребениями. Всего из двух соседних курганов происходит 14 погребений, доля мужских захоронений равна 16,6 %, доля женских — 38,8 %, детских — 44,4 %.

В первую группу вошли мужские погребения. Они характеризуются более зрелым возрастом и большим количеством патологических изменений, связанных с пребыванием на холоде и физическими нагрузками. Высокий социальный статус погребенного из погребения 7 кургана 2 не повлиял на указанные показатели. Во вторую группу вошли женские погребения, состоящие из 7 разных по возрасту костных останков. При анализе данной группы были отмечены патологии зубочелюстной системы и признаки, появляющиеся с возрастными изменениями. Однако патологических особенностей, связанных с трудовой деятельностью, не имелось. Третья группа состояла из детских погребений, в которую вошли 8 неполовозрелых индивидов. Следы воспалительных процессов,

пороз, поротический гиперостоз подтверждают предположение о воздействии на детскую группу неблагоприятных факторов среды.

Важно также отметить, что при краниологических исследованиях на 6 черепных коробках индивидов были обнаружены следы искусственной деформации (4 женщины, 1 мужчина, 1 ребенок). Невысокая доля деформированных черепов (всего 31 % от всех индивидов) позволяет говорить об элитарности общества, практикующего обычай деформации [Балабанова 2018: 226].

При исследовании планиграфии погребений кургана 1 и кургана 2 наблюдается интересная закономерность. Детские погребения были расположены преимущественно в восточной половине курганов. Женские одиночные погребения были расположены с западной стороны в обоих курганах. Мужские погребения находились на южной стороне курганов, а основные два погребения находились в центре. Все эти наблюдения показывают, что курганы 1 и 2 курганной группы *Малые Дербеты-II* были усыпальницей одной большой патриархальной семьи или клана. Вокруг основных погребений были совершены по полукругу все остальные погребения родственников [Очир-Горяева 2017: 31].

Литература

- Алексеев 1966 — *Алексеев В. П.* Остеометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев, Дебец 1964 — *Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Балабанова 2016 — *Балабанова М. А.* К антропологии населения энеолита — ранней бронзы (по материалам могильников Волгоградской области) // Нижневолжский археологический вестник. 2016. Т. 15. № 1. С. 72–93.
- Балабанова 2018 — *Балабанова М. А.* Антропологический аспект обычая искусственной деформации черепа у населения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и сопредельных территорий // Самарский научный вестник: Исторические науки и археология. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 219–227.
- Зубов 1968 — *Зубов А. А.* Одонтология. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 1968. 199 с.

- Мовсесян, Мамонова, Рычков 1975 — *Мовсесян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г.* Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы Антропологии. 1975. Вып. 51. С. 127–150.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники волго-маньчских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН, 2017. 420 с.
- Очир-Горяева, Кекеев 2013 — *Очир-Горяева М. А., Кекеев Э. А.* Археологические раскопки поселения эпохи бронзы *Ергенинское* // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 4. С. 18–26.
- Перерва 2013 — *Перерва Е. В.* Палеопатологические особенности населения Нижнего Поволжья из подкурганых захоронений эпохи ранней бронзы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2013. № 8 (83). С. 47–53.
- Перерва 2016 — *Перерва Е. В.* К вопросу о патологических особенностях неполовозрелого и подросткового населения эпохи бронзы из покурганых захоронений Нижнего Поволжья // Экология древних и традиционных обществ : мат-лы V Междунар. науч. конф. Тюмень: изд-во ТГУ, 2016. С. 51–57.

Таблица 1. Результаты изучения М. А. Балабановой и Е. В. Перерва антропологического материала из мужских погребений курганной группы *Малые Дербеты-II* [Очир-Горяева 2017]

№	Курган	Погребение Костяк	Пол	Возраст	Патология	Антропология	Датировка
1	1	7 Костяк 1	Мужчина	14–16 лет	Пальцевидные вдавления, эмалевая гипоплазия, зубной камень		Эпоха бронзы (катакомбная культура)
2	1	10	Мужчина	35–45 лет	Остеофитоз, пародонтоз, зубной камень, эмалевая гипоплазия	Искусственная деформация черепа, вставочная родничковая кость	Эпоха бронзы (катакомбная культура)
3	2	7 (основ- ное)	Мужчина	40–50 лет	Васкулярная реакция, пародонтоз, грыжи, артроз, остеофитоз, спондилоартроз		Эпоха бронзы (ямно-катакомбная культура)

Таблица 2. Результаты изучения М. А. Балабановой и Е. В. Перерва антропологического материала из женских погребений курганной группы *Малые Дербеты-II*. [Очир-Горяева 2017]

№	Курган	Погребение	Костяк	Пол	Возраст	Патология	Антропология	Датировка
1	2	5	Женщина (беременная)	17–20 лет	Пороз костной ткани, пальцевидные вдавления, зубной камень	Искусственная деформация черепа	Эпоха бронзы (катакомбная культура)	
2	2	1	Женщина	20–25 лет	Эмалевая гипоплазия, зубной камень	Надмышцелковые отверстия на плечевых костях	Эпоха бронзы (катакомбная культура)	
3	1	7	Женщина	30–35 лет	Остеофитоз, васкулярная реакция, эмалевая гипоплазия, зубной камень	Искусственная деформация черепа, вставочная родничковая кость	Эпоха бронзы (катакомбная культура)	

4	2	6	Женщина	35–45 лет	Остеома, пальцевидные вдавления, артроз, остеофитоз, эмалевая гипоплазия,	Искусственная деформация черепа	Эпоха бронзы (катакомбная культура)
5	1	9 (основное)	Женщина	40–45 лет	Травма носа, васкулярная реакция, артроз, остеофитоз, пародонтоз, зубной камень, венозный застой	Искусственная деформация черепа	Эпоха бронзы (ямно-катакомбная культура)
6	1	11	Женщина	40–45 лет	Лобный гиперостоз, васкулярная реакция, пальцевидные вдавления, пародонтоз, артроз, венозный застой		Эпоха бронзы (катакомбная культура)
7	1	6	Женщина	Старше 50 лет	Лобный гиперостоз, артроз, сколиоз, остеохондроз	Вставочная кость в затылочном шве	Эпоха бронзы (катакомбная культура)

Таблица 3. Результаты изучения М. А. Балабановой и Е. В. Перерва антропологического материала из детских погребений курганной группы *Малые Дербеты-II* [Очир-Горяева 2017]

№	Курган	Погребение	Пол	Возраст	Патология	Антропология	Датировка
1	1	1	Ребенок	6 месяцев	Пороз костной ткани, периостит надкостницы		Эпоха бронзы (катакомбная культура)
2	1	6 Костяк 2	Ребенок	1,5 года	Поротический гиперостоз, пороз костной ткани		Эпоха бронзы (катакомбная культура)
3	1	12	Ребенок	1,5-2 года	Пальцевидные вдавления, пороз костной ткани	Искусственная деформация черепа	Эпоха бронзы (катакомбная культура)
4	2	6 Костяк 2	Ребенок	2 года	Пороз костной ткани, пальцевидные вдавления		Эпоха бронзы (катакомбная культура)
5	2	3	Ребенок	3-3,5 года	Пороз костной ткани, пальцевидные вдавления		Эпоха бронзы (катакомбная культура)

6	2	2	Ребенок	7 лет	Пороз костной ткани		Эпоха бронзы (катакомбная культура)
7	1	7 Костяк 2	Ребенок	7–7,5 лет	Поролитический гиперостоз, зубной камень	Вставочная кость затылочного родничка	Эпоха бронзы (катакомбная культура)
8	1	3	Ребенок	10–11 лет	Поролитический гиперостоз, пороз костной ткани, эмалевая гипоплазия, зубной камень		Эпоха бронзы (катакомбная культура)

УДК 94(47).084

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 1

*Уташ Борисович Очиров*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очиров У. Б., 2020

Аннотация. В статье рассматривается военная служба воинских формирований тюрко-монгольских народов Великой степи и прилегающих к ней территорий в составе российской армии в XVIII – начале XIX в. В этот период в составе иррегулярной конницы российской армии служили национальные формирования монголоязычных калмыков и бурят, тюркоязычных башкир, мишарей, тептярей, татар. В работе особый упор сделан на изучение наиболее многочисленных воинских формирований — калмыков и башкир. Несмотря на то, что в начале XVIII в. российская армия была реорганизована в регулярную, в ее составе оставался значительный иррегулярный компонент, в том числе и из числа тюрко-монгольских народов. Первоначально эти этносы самостоятельно формировали свои воинские контингенты, используя традиционную структуру, тактику и вооружение, но уже к концу XVIII в. все национальные воинские формирования были переведены на полковую организацию по образцу донских казачьих полков. В первой части статьи рассматриваются особенности военной службы калмыков и башкир в привычной среде обитания — в Великой степи. Во второй части статьи, которая будет опубликована в следующем номере, анализируются действия тюрко-монгольской конницы в трех крупнейших войнах России XVIII – нач. XIX вв. (Северной, Семилетней, Отечественной 1812 г. и Заграничном походе

1813–1814 гг.). В случае грамотного применения и руководства национальные формирования были весьма эффективны, причем не только на своих театрах военных действий в Великой степи, но и на европейских театрах. Использование национальных воинских формирований российской армии позволило не только существенно сэкономить финансовые и материальные ресурсы для охраны огромных территорий и протяженных границ, но и способствовало интеграции национальных элит указанных народов в имперское общество.

Ключевые слова: российская армия, национальные части, кочевники, Великая степь, калмыки, башкиры, русско-турецкие войны, русско-шведские войны, Семилетняя война, наполеоновские войны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очиров У. Б. Конница тюрко-монгольских народов Великой степи в российской армии XVIII – начала XIX в. Часть 1 // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 64–97. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

UDC 94(47).084

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 1

*Utash B. Ochirov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor, Chief Research Associate

E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ochirov U. B., 2020

Abstract. The article examines activities of Turko-Mongols to have inhabited the Great Steppe and adjacent territories in the military service of Russia throughout the 18th and early 19th centuries. The period witnessed the employment of ethnic military units of irregular cavalries Russian army recruited from the Mongolian-speaking Kalmyks and Buryats, Turkic-speaking Bashkirs, Teptyars, Mishar and Tatars. The work focuses on the largest ethnic military forces — those of the Kalmyks and Bashkirs. Despite Russian forces were reorganized to from a regular army in the early 18th century, the latter still contained significant irregular components, including ones recruited from Turko-Mongols. Initially, the ethnic groups had served as independent military contingents with traditional structures, tactics, and weapons, but by the late 18th century all ethnic forces were clustered into Don Cossack-type regiments. In the first part of the article, published in the previous issue, the features of military service of the Kalmyks and Bashkirs in their usual habitat — in the Great Steppe were considered. The second part of the article analyzes the actions of the Turkic-Mongol cavalry in the three largest wars of Russia in the XVIII-early XX century. XIX centuries. (The Northern, Seven-Year War, the Patriotic War of 1812 and the Foreign Campaign of 1813–1814). Rational approaches and command of the ethnic units would yield good results — both in Eurasian plains and European battlefields. The use of ethnic forces within the Russian army not only saved essential financial and physical resources for the defense of large territories and dramatically long frontiers but also facilitated further integration of their elites into the Empire’s community.

Keywords: Russian army, ethnic units, nomads, Great Steppe, Kalmyks, Bashkirs, Russo-Turkish wars, Russo-Swedish wars, Seven Years’ War, Napoleonic Wars

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes” (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Ochirov U. B. Turko-Mongolic Cavalries in the Military Service of Russia: 18th – Early 19th Centuries. Part 1. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 64–97. (In Russ) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-64-97

Служба воинских формирований из нерусских национальностей в составе русской армии имеет очень давние традиции. В ранней истории Древнерусского государства фиксируется постоянное использование русскими князьями скандинавских наемных отрядов, да и само основание государства и некоторых княжеств было осуществлено при активном участии варяжских дружин. Следует заметить, что помимо иностранных наемников, которые после завершения контракта или прекращения оплаты могли покинуть своего князя и территорию Руси, существовали и национальные контингенты, сформированные из нерусских этносов, поселенных или уже проживающих на русских землях и принявших обязательства (присягу) о несении военной службы. При этом они могли иногда получать дополнительную оплату в период службы, но не всегда. Ярким примером такой службы были «черные клобуки» (торки, печенеги, берендеи, ковуи), поселенные на территории Поросья, вдоль южной границы Руси, игравшие важную роль в политической истории Киевского княжества. После вторжения Батыя и превращения Руси в вассала Золотой орды «черные клобуки» частично были переселены, частично оказались ассимилированы местным славянским населением.

В XIV–XV вв. по мере расширения власти и территорий Московского княжества в сферу его влияния стали входить тюркские (татары-мишари и бургасы) и финно-угорские (мещера и мордва) этносы, которые, как и присоединенные русские территории, были обязаны предоставлять свои военные отряды по призыву новых сюзеренов. Мало того, на территорию Московского княжества неоднократно бежали выходцы из золотоордынских ханств, в том числе и представители правящих родов чингисидов вместе со своими дружинами. В 1445 г. Василий II принял царевича Касима, бежавшего из Казани после переворота и убийства хана-отца, и поселил его в Мещерском городке, позже переименованного в Касимов. Здесь было основано Касимовское «царство», в котором проживали как татары — выходцы из золотоордынских ханств, так и местные жители Мещерского края (татары-мишари и мордва), обязанные нести военную службу в составе армии Московского княжества [Рахимзянов 2009; и др.].

В середине XVI в. при Иване IV происходит присоединение Казанского и Астраханского ханств, Ногайской орды, значительной части башкирских племен. В то же время в Москву прибыло несколько посольств от различных черкесских князей, заключивших союз (в первую очередь, с военными целями) с Иваном Грозным. В период Ливонской войны применение национальных воинских контингентов в русской армии доимперского периода достигает своего апогея. В первом походе (зимняя кампания 1558 г.) русской армией, вторгшейся в Прибалтику, командовали касимовский «царь» Шах-Али (Шигалей) и князь М. В. Глинский. В ее составе были служилые касимовские и казанские татары, темниковские мишари, муромская и нижегородская мордва, черкесы, при этом их князья числились в командном составе почти всех полков: «царь» Шах-Али был среди трех командиров Большого полка, татарский царевич Кайбула — полка Правой руки, татарский царевич Тохтамыш и черкесский князь Маашук (Иван) Каноков — передового полка [Разрядная книга 1975: 73–74]. По оценке А. Н. Лобина эти союзные контингенты составляли треть конницы русской армии [Лобин 2009: 69–70]. В последующих кампаниях из этой армии исчезают черкесы Маашука Канокова (переброшенные на крымское направление, где этот князь вскоре погиб), но взамен появляются горные и луговые черемисы (марийцы), кадомские и ценские мишари и др.

К сожалению, наиболее ранние сведения о численности армии Ивана Грозного в Ливонской войне, дошедшие до нас, относятся к Полоцкому походу 1562 / 1563 г. Эти данные весьма приблизительные, поэтому специалисты интерпретируют их по-разному. Например, В. В. Пенской полагает, что армия Ивана Грозного в этом походе насчитывала 70–75 тыс. «сабель и пицалей», из которых 5,5 тыс. являлись татарами, черемисами и мордвой — максимум того времени для развертывания на одном театре военных действий на очень короткий срок и при большом напряжении сил [Пенской 2008: 10–11]. По мнению В. А. Волкова, армия Ивана Грозного в Полоцком походе насчитывала 55–60 тыс. ратников (без учета даточных и посошных людей), в том числе 6,5 тыс. татар

[Волков 2020: 100]. Таким образом, численность национальных контингентов в отдельных кампаниях Ливонской войны могла превышать 10 % численности всей русской армии.

По мере расширения границ государства в его состав входили все новые народы. В 1585 г. были присоединены зауральские башкиры. В 1598 г. в результате окончательного разгрома Кучума и пленения его внука Арслана (позже ставшего касимовским «царем») было покорено Сибирское ханство. Вслед за тем началось присоединение Восточной Сибири. Характерно, что при освоении Сибири отряды русских казаков и служилых людей продвигались в основном по лесным, лесостепным и лесотундровым районам на восток и север вплоть до Тихого и Ледовитого океанов. К югу от них находилась огромная полоса Великой степи, протянувшаяся от Карпат и до отрогов Хингана, центральная часть которой в XVI–XVII вв. не входила в состав близлежащих государств, в том числе и России. Ключевым фактором, обусловившим независимость этих территорий, были населявшие их кочевые тюркские или монгольские кочевники. Основу их войск составляли конные отряды, отличавшиеся большой легкостью и маневренностью, которые могли уклоняться от боя в невыгодных для них условиях, разрывая дистанцию с более медленным противником и навязывать ему новый бой в более оптимальных условиях. Войска земледельческой цивилизации (как русская армия, так и армии европейских государств) не могли догнать мобильную конницу кочевников. Единственной возможностью для борьбы с кочевниками было использование самих кочевников. Проиллюстрируем этот тезис на примере вхождения калмыков в состав России.

Ойраты (калмыки) впервые прикочевали к русским границам в начале XVII в., когда этнополитические объединения дербетов Далай-Баатра и торгутов Хо-Орлёга перешли в Южную Сибирь в поисках рынков для продажи лошадей и приобретения необходимых товаров. Тарский воевода С. И. Гагарин в 1607–1608 гг. взял у них устные шерты (клятвы), по которым ойраты в обмен на символический ясак и согласие числиться *«под государевою высокою рукою»* получили разрешение кочевать в южносибирских степях и доступ

на российские рынки [Очиров, Лиджиева 2019]. Одно из посольств Далай-Баатра даже добралось до Москвы и было принято царем Василием Шуйским. Однако, решив насущные проблемы, ойратские тайши без разрешения воеводы покинули пределы России и откочевали в более удобные для них места. Сибирские и уральские воеводы стали брать у ойратских тайшей новые шерти. Например, в 1620 г. они добились получения новых шертей не только от Далай-Баатра и Хо-Орлёга, но и от хошутского Байбагаса и зюнгарского Хара-Хулы, которые в этот момент вели тяжелую войну с западномонгольским алтан-ханом Шолой-Убаши-хунтайджи [Очиров 2010: 39]. Однако из-за отсутствия долгосрочных перспектив эти шерти свою силу сохраняли недолго. Мало того, имели место и набеги ойратов на русские поселения и крепости в Сибири, и походы русских войск на ойратские кочевья. При этом для борьбы с ойратами российские власти использовали и национальные контингенты, в частности, башкир (например, в 1633, 1635, 1636, 1643–1644 гг. и др.) [Рахимов 2014: 39–40]. Имели место и столкновения между калмыками и башкирами, в результате которых последним пришлось оставить кочевья в степном Заволжье или войти в состав калмыцких улусов [Маннапов 2008: 156–158].

В 1629–1630 гг. в ходе одной из междоусобных войн торгуты Хо-Орлёга и его сына Шукур-Дайчина, преследуя разгромленного противника, вышли в район Эмбы и Яика, где столкнулись с ногайцами. Российские власти выступили на стороне своих данников — ногайцев и попытались вынудить калмыков покинуть этот регион. В апреле 1633 г. против торгутов было направлено войско, состоявшее из стрельцов, юртовых татар и ногайцев. Однако калмыки приняли бой на наиболее удобной для себя позиции и окружили противника. Ногайцы стали переходить на сторону победителей, и стрелецкие «головы» пошли на переговоры с калмыками. Признав ногайцев данниками калмыков (на что они полномочий не имели), стрельцы добились мира и свободного прохода в Астрахань. В последующие годы торгуты начали переходить Волгу и проводить рейды на Дон и Кавказ. В 1644 г. отряд Хо-Орлёга, дошедший до Кавказа, был окружен в горных теснинах объединенными сила-

ми черкесов, ногайцев и их союзников. Лишь полутора тысячам калмыков, которым пришлось бросить лошадей и перебираться через горы пешком, удалось вырваться из западни. Сам Хо-Орлёг погиб в бою. Его преемник Шукур-Дайчин взял курс на благожелательные отношения с российскими властями, однако последние по-прежнему требовали ухода калмыков из Волго-Яицкого междуречья.

После Переяславской рады 1654 г. и присоединения Левобережной Украины Богдана Хмельницкого к России ситуация резко изменилась. В начавшейся русско-польской войне 1654–1667 гг. Крымское ханство после некоторых колебаний выступило на стороне Речи Посполитой. Для борьбы с крымско-татарской конницей России требовались войска кочевников, но большой надежды на старых данников — мусульман-ногайцев у Москвы не было, поэтому она решила привлечь к защите южных рубежей калмыков-буддистов. В 1655–1657 гг. принимаются новые шерты калмыцких тайшей, которые принципиально отличались от предыдущих. Во-первых, калмыкам разрешили кочевать в Нижнем Поволжье, а с 1657 г. им определили контуры территории кочевий: по правой стороне Волги — от Каспия до Медведицы, по левой — от Каспия до Самары. Во-вторых, вместо вассальной формулы *«под государвою высокою рукою»* появилась новая, государственного характера: *«быть в вечном подданстве и послушанье»*. Вместо символического ясака калмыки дали обязательство принимать участие в военных действиях на стороне России, а некоторым тайшам царское правительство стало выплачивать жалованье за несение военной службы. Шерть 1657 г. фактически завершила процесс вхождения калмыков в состав России [Максимов 2002: 60–63]. Так в Нижнем Поволжье сформировалось Калмыцкое ханство — вассальное государственное образование в составе России (уже фактически являвшейся империей).

С увеличением территории Российского царства тюркские и финно-угорские народы Среднего Поволжья и Поочья, ранее находившиеся в приграничных районах, к началу XVIII в. оказались чуть ли не в центре новой империи и их все меньше привлекают

к военной службе. Если во времена Ивана Грозного татары, мишари, мордва, черемисы (мари) составляли основу национальных формирований русской армии, то в имперский период воинские контингенты от этих народов (за исключением части мишарей, переселенных в Заволжье и Приуралье) встречаются намного реже. Их место заняли другие народы России, проживавшие в ее тогдашнем приграничье. Например, в 1-й пол. XVIII в. в составе русской армии наиболее многочисленными были отряды, сформированные из украинских казаков (как из гетманского войска, так и полков Слободской Украины). Если же говорить только о тюрко-монгольских кочевниках, проживавших в Великой степи и на прилегающих к ней территориях, то в русской армии в исследуемый период служили калмыки, башкиры, заволжские мишари, тептяри (сословная группа башкир, с XVIII в. активно пополнявшаяся из других этносов, и к концу столетия в ней стали преобладать татары и мари [Рахимов 2014: 50–57]). До 1750-х гг. имели место случаи привлечения на службу казанских и астраханских татар, в конце XVIII в. появились крымско-татарские части. Кроме того, для несения пограничной службы в Сибири привлекались сибирские татары, буряты, а также тунгусы (эвенки, язык которых относится к тунгусо-маньчжурской группе языков, родственной тюрко-монгольским языкам).

Прежде чем приступить к анализу военной службы тюрко-монгольских кочевников в составе российской армии в исследуемый период, оценим их боевой потенциал. Наиболее многочисленными из них были воинские контингенты калмыков и башкир, поэтому их рассмотрим более подробно.

Калмыки, как и другие кочевники Великой степи, *«от младых ногтей»* учились обращаться с конем, осваивали боевые искусства, которые могли пригодиться в конном бою: стрельбу из лука на полном скаку, бросание аркана, борьбу на поясах. Они воевали в основном в конном строю (хотя могли и спешиваться при необходимости, например, при штурме крепостей) и не уступали татарам в мобильности. В калмыцких войсках сохранилась стандартная для кочевников десятичная система: десятки, сотни, тысячи, но

туменов уже не было. Войска Калмыцкого ханства несли службу не постоянно, а по специальным царским указам. Ханы, получив задачу (иногда, но не всегда с определением численности войск), самостоятельно формировали необходимые воинские контингенты, определяли их внутреннюю структуру, командный состав, вооружение и т. д. Десятками обычно командовали простолюдины, сотнями и тысячами, как правило, — зайсанги (управители родов-аймаков, должность, которая у многих позже стала наследственной). Командование отдельными отрядами и многотысячными частями в составе крупных армий возлагалось на нойонов (владельцев улусов). Если армия была достаточно крупной, то ее мог возглавить сам хан или его наследник. В боевых действиях отряды Калмыцкого ханства могли действовать самостоятельно или в союзе с частями русской армии, казаков или отрядами других народов. На мой взгляд, такие автономные воинские формирования правильнее классифицировать как союзные контингенты.

У калмыков каждый мужчина считался воином и должен был, когда приходила его очередь, выступать в поход «о дву-конь», с собственным оружием и запасом пищи. Бывали даже случаи, когда калмыки брали с собой 3 или даже 4 лошади, как, например, в 1729 г., когда наместник Церен-Дондук приказал каждому воину взять с собой *«по три лошади, да на пропитание по одной кобыле, по три барана живьем, по суме пшена и по суме же сушеного мяса»* [цит. по: Батмаев 2009: 383]. Исходя из потребности, нойоны объявляли покибиточные военные сборы в своих улусах, стараясь эту нагрузку распределить пропорционально. Как правило, это определялось так: один воин в полном снаряжении от двух, трех кибиток и т. д. При этом оставшиеся мужчины обязаны были помогать семье ушедшего на войну. В походы калмыки ходили по очереди, которая соблюдалась строго: *«ни стараго ни малаго и даже убогаго и богатаго и неспособнаго как то слепых и безногих не обходит»* [НА РК. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 84. Л. 40]. Разумеется, слепые и безногие на войну не ходили, но обязаны были нанимать вместо себя добровольца. Такая практика существовала среди калмыков даже в начале XIX в. К сожалению, наиболее ранний сохранив-

шийся список воинов (с указанием возраста) калмыцкого войска, отправленного в русскую армию, датируется 1807 г., и в нем мы видим мужчин в возрасте от 17 до 60 лет [Захаревич, Очиров 2012: 122]. Нет сомнения, что такие же возрасты привлекались на службу и в XVII–XVIII вв.

Калмыки в военные походы ходили с большой охотой, поскольку это занятие высоко почиталось как особо достойное для мужчины (как, впрочем, и у всех кочевников). В походах калмыки могли захватывать богатую добычу и получать жалование и награды от российского командования и правительства. Например, Мончак во время русско-польской войны 1654–1667 гг. получал 810 руб. жалования в год. При этом суммы могли меняться в зависимости от различных обстоятельств. Например, за Чигиринский поход 1678 г., в котором 3-тысячный отряд калмыков сыграл важную роль, было выдано 2 164 руб., за участие во 2-м Азовском походе, в котором 3-тысячный калмыцкий отряд действовал на вторых ролях, — 5 112 руб., а за участие в подавлении Астраханского восстания 1706 г. — 7 624 руб. [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1736 г. Д. 29. Л. 5]. Правда, из документов осталось неясным: доставались ли все деньги хану или он их как-то делил с подчиненными. Однако в некоторых документах XVIII в. есть сведения о раскладке жалования всему войску, в зависимости от должности. Например, в 1725 г. правительство просило направить в район крепости Святого Креста 6 тыс. калмыков, пообещав за них 500 руб. наместнику Церен-Дондуку и его матери ханше Дармабале, 50 руб. — командиру отряда, 30 руб. — его помощнику, по 5 руб. — «офицерам», по 2 руб. — рядовым [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1736 г. Д. 29. Л. 5]. Правда, этот поход так и не состоялся. Как правило, служба осуществлялась в течение короткого периода, и после окончания похода или кампании ополчение возвращалось домой и там распускалось. Для нового похода или кампании ополчение собиралось заново.

Особой «изюминкой» калмыцкой конницы, обеспечившей им превосходство над местными кочевниками, было применение центральноазиатского комплекса вооружения и тактики. Это очень важное для кочевниковедения открытие сделал известный оружи-

евед и медиевист Л. А. Бобров, который провел большой комплекс работ по изучению сохранившихся источников (археологических, музейных, изобразительных и др.) по истории вооружения кочевников Великой степи позднего средневековья и раннего Нового времени. На основе полученных результатов исследователь пришел к выводу, что крымские татары и ногайцы имели свой западно-азиатский комплекс вооружения и соответствующую тактику. Они, утратив традиции золотоордынской конницы, отказались от длиннодревкового вооружения и сделали ставку на легковооруженных конных лучников. Лишь небольшая часть отборных и знатных воинов имела кольчуги и сабли [Бобров 2016: 221–232]. Кроме того, могли использоваться небольшие отряды пеших стрелков и легкой артиллерии, однако уже во 2-й пол. XVI в. от их использования в походах против европейских армий отказались [Пенской 2010: 62–63]. Это обусловило особенности тактических приемов («хоровод», притворное отступление и внезапная контратака, «воронья стая» и др.) крымских татар, которые осыпали противника стрелами, ускользали от его ударов благодаря скорости и выносливости степных лошадей и навязывали новый бой на наиболее выгодных позициях [Бобров 2016: 232–280].

Ойраты, как и монголы, не только сохранили традиции конницы империи Чингис-хана, но и развили их. Первоначально их войска состояли из легковооруженных конных лучников (которых было большинство) и тяжеловооруженных панцирников с длинными пиками и мечами, однако в позднее средневековье монголы и ойраты начали вооружать легких лучников длиннодревковым оружием. Многократное увеличение количества конных копейщиков заметно усилило ударную мощь ойратской конницы [Бобров 2014: 56–58]. И если крымские и турецкие луки по своим тактико-техническим характеристикам не уступали ойратским лукам, то «куяшным» и «пансырным» сотням татары противопоставить ничего не могли. При этом оторваться от противника крымцы не могли: калмыцкие скакуны не уступали татарским. Благодаря этому, как подчеркнул Л. А. Бобров, *«в ходе фронтальных столкновений с теми же крымцами, а также ногайцами, башкирами, казахами,*

каракалпаками, казаками и даже польской шляхетской конницей калмыки, как правило, выходили победителями». Поэтому не удивителен «неподдельный ужас, который испытывали крымские полководцы перед калмыцкой конницей, рекомендуя своим воинам избегать рукопашных схваток с ойратскими копейщиками» [цит. по: Бобров 2009: 83].

По подсчетам Л. А. Боброва в ходе русско-польской войны 1654–1667 гг. калмыки выиграли 45 столкновений из 49 с крымскими татарами и ногайцами (в том числе все крупные сражения) [Бобров 2014: 53–54]. Сначала калмыцкие войска разгромили и подчинили ногайские улусы, откочевавшие на Северный Кавказ. В 1661–1663 гг. основной вектор калмыцких походов переместился на Крым. Конечно, крымские татары неоднократно пытались переломить эту тенденцию. Они стали изготавливать и закупать пики для своих отрядов, однако навыки копейного боя требуют длительной и грамотной подготовки, причем не только воинов, но и скакунов, поэтому татары успеха не добились [Бобров 2014: 50–58]. В 1663 г. крымский хан был вынужден избрать оборонительную тактику и стянуть свои войска на полуостров: *«по сю сторону Перекопи в степи кочевых крымских и ногайских людей нигде нет, да и кочевать от калмыков и от войска Запорожского не смеют»* [цит. по: Батмаев 2009: 379].

Уже в 1663 г. отряды калмыков дошли до Запорожской Сечи, а затем они, заключив союз с запорожцами, *«ходили под Чигирин»* на Правобережной Украине, где одержали ряд побед над поляками. Численность калмыцких отрядов на Украине доходила до 20 тыс. Апогеем их участия в этой войне стала битва под Белой Церковью 21 мая 1665 г., в ходе которой 7 тыс. калмыков вместе с запорожцами И. Брюховецкого и русскими ратниками разгромили армию коронного гетмана С. Я. Яблонского, в которую входили гусары, рейтары, *«пансырные»* и немецкая наемная пехота [Бобров 2014: 52–53].

Активно использовалась калмыцкая конница и в ходе русско-турецкой войны 1673–1681 гг., в которой Россия выступала уже союзником Польши. В разные годы отряды численностью от 7 до

15 тыс. воинов неоднократно ходили походами под Азов, к Перекопу и на Правобережную Украину. Основные сражения с турками в 1677–1678 гг. развернулись за важнейшую крепость Чигирин. Описывая ход военных действий под крепостью, гетман И. Самойлович подчеркнул, что *«во всех тех боях, отпорах, стравках и побойщах наших воинских, с неприятелями бывших, был нам великою помощью... князь Каспулат Муцалович Черкесский... с тайшами и с ордами калмыцкими, которые все против неприятелей стояли с нами мужественно, как им воинская храбрость повелевала, и за то достойны суть похвалы»* [цит. по Батмаев 2009: 381].

В следующей русско-турецкой войне 1686–1700 гг. калмыки использовались уже не так активно: основной вектор боевых действий первоначально сместился на днепровское направление. К тому же правительство Софьи Алексеевны вдвое сократило жалование калмыцким тайшам, поэтому в набег к Крыму (в том числе и для поддержки армии князя В. В. Голицына) вместе с донскими казаками вышел только отряд калмыков из зюнгарского улуса Цаган-Баатра, кочевавшего отдельно от ханских улусов [Тепкеев 2016: 15]. Позже, при Петре I, взаимоотношения с калмыками улучшились, и во 2-м Азовском походе приняли участие 3 тыс. конников, которые были направлены в армию А. С. Шеина и сыграли важную роль в отражении атак противника, пытавшегося вернуть крепость. Помимо этого калмыки принимали участие в охране границ от набегов татар. Например, в 1700 г. команда из 700 казаков и калмыков перехватила и разгромила на реке Соляной сильный отряд кубанских татар, возвращавшихся с богатой добычей после набега на окрестности Камышина [Чонов 2006: 18].

При этом калмыки постоянно совершенствовали свое военное дело за счет освоения новых методов ведения боя и видов оружия, в первую очередь, огнестрельного. Уже в XVII в. ойраты активно использовали не только трофейные и покупные русские и черкесские кремневые и среднеазиатские фитильные ружья, но и сами их производили (турки). *«Турки калмыцкие»* изготавливались по образцу среднеазиатских фитильных ружей (более оптимальных для природно-климатических условий Великой степи), имели

длинный железный ствол и могли снабжаться сошками для прицельной стрельбы. Также калмыки использовали малокалиберные орудия без «лафетов», которые перевозились на верблюдах. При необходимости их устанавливали на земле и закрепляли, чтобы погасить отдачу. Конечно, такие орудия нельзя было столь же быстро перезарядить и сменить им наводку, как в европейских армиях, но в боях с войсками кочевниками они были вполне эффективны. Казахи и каракалпаки вообще не имели орудий, а крымские татары не брали их с собой в набеги, используя их только в укреплениях. Неудивительно, что калмыцкая артиллерия использовалась в основном против кочевников [Бобров 2009: 97–100].

Среди тюрков наиболее многочисленные воинские контингенты в состав российской армии в XVIII – нач. XIX вв. направляли башкиры. При вхождении (присоединении) в состав России они приняли обязательства о выплате своего прежнего ясака русскому царю и несении воинской службы. Взамен они сохранили вотчинное право на свои земли, ислам в качестве религии и собственное самоуправление. Однако со временем российские власти начали активно вмешиваться во внутреннюю жизнь башкир. Государство, считая себя верховным собственником всех башкирских земель, с 1730-х гг. начинает их изымать под строительство новых городов и крепостей, нарушая таким образом вотчинные права инородцев. Это привело к участию башкир в серии восстаний (1662–1664, 1681–1684, 1704–1711, 1735–1740, 1755–1756 гг.) [Рахимов 2009: 170–171]. Большую роль башкиры сыграли и в восстании Е. И. Пугачева 1773–1775 гг. Тем не менее, российские власти активно привлекали башкир к несению службы в армии и на границе.

В этот период башкиры, которые сохранили родоплеменную систему, вели полукочевой образ жизни и находились на стадии перехода к оседлости. Однако кочевые традиции и менталитет еще сохранялись: поэтому каждый мужчина считался воином и обязан был ходить в походы. Башкиры сызмальства учились владению конем, навыкам обращения с оружием, особенно с луком. Предводителями родов были бии, которых российские власти именовали сотниками, старшинами, мурзами. Большую роль в управлении

рода играли советы старейшин (аксакалов). Кроме того, были словесные группы тарханов и батыров, которые старались профессионально заниматься военным делом, при этом звание тархана могло передаваться по наследству или присваиваться за особые заслуги, а звания батыра мог быть удостоен любой храбрый воин. При необходимости собирались народные собрания (йыйыны), на которых могли приниматься решения, затрагивающие интересы всех родов, в том числе и о формировании отрядов, назначении командиров и т. д. Им предшествовал совет аксакалов — курултай. Если принималось решение об участии в походе, то требуемое количество воинов пропорционально распределялось по родам и «дорогам» (областям), самостоятельно формирующим свои ополчения, которые затем сводились в войско. Военные отряды организовывались по традиционной для кочевников десятичной системе: десятки, полусотни, сотни, тысячи. Командирами полусотен и сотен были, как правило, тарханы и батыры, командиром крупного отряда мог быть предводитель рода [Рахимов 2014: 30–31].

В походы башкиры, как и большинство кочевников, выступали «о дву-конь» и вели боевые действия в конном строю. Они имели огромные табуны и даже вывели башкирскую породу лошадей, оптимальную для сурового уральского климата. В походе башкиры обязаны были самостоятельно обеспечивать себя провиантом и фуражом, что при боевых действиях на западных границах оказалось для них весьма обременительно. Поэтому в ряде случаев башкиры получали от казны жалование и провиант.

Их военное дело восходило к золотоордынской традиции и к началу XVIII в. в целом пережило ту же эволюцию, что и у других тюркских народов — наследников Золотой орды. Почти все башкиры были вооружены составными луками, которыми мастерски владели. Также на вооружении могли быть сабли и огнестрельные турки. Защитное вооружение было представлено шишаками, шлемами, кольчугами, металлическими панцирями, кожаными доспехами, наручами. Вооружение в массе своей было либо привозным, либо трофейным, в основном иранским или турецким. Единственным коренным отличием от татарской традиции было наличие

большого числа копий, но они были произвольной длины, поэтому таранные удары копейщиков и плотные построения не практиковались. Боевое и защитное вооружение определяли тактику ведения боя, похожую на ту, что была у татар. Противник обстреливался стрелами, а в случае бегства его начинали колоть и рубить копьями и саблями. Навыками фехтования владели в основном тарханы и батыры, которые могли практиковать индивидуальный бой батыров перед сражением, однако в целом башкиры использовали рассыпной строй и бой на дистанции [Рахимов 2009: 171].

Следует заметить, что первоначально вхождение башкир в состав России было больше номинальным, поэтому впервые на военную службу в состав русской армии они оказались призваны только в период Смуты, когда страна находилась в тяжелом положении и требовалось максимальное напряжение сил. В 1608–1610 гг. отряды башкир в составе нижегородской рати воеводы А. С. Алябьева сражались против Лжедмитрия II, а в 1611–1612 гг. ходили на Москву в составе Первого и Второго ополчений. В последующие десятилетия отряды башкир службы на европейские театры военных действий не посылались, а использовались в основном для службы в Сибири, в том числе и для борьбы с калмыками. Нарушения вотчинных прав башкир и злоупотребления сборщиков ясака спровоцировали восстания инородцев, что также не способствовало их привлечению к службе в русской армии. Лишь в 1675 г. была набрана группа добровольцев для похода в Крым в составе отряда князя К. М. Черкасского, сформированного из стрельцов, калмыков, запорожских и донских казаков. 52 башкира за отличия в этом походе получили тарханские звания [Рахимов 2014: 36–41]. С конца XVII в. башкиры стали привлекаться на службу более интенсивно. В 1696 г. они приняли участие во 2-м Азовском походе и вместе с казаками и калмыками прикрывали осадный корпус от набегов ногайцев и черкесов. 62 башкира за отличия в этом походе получили тарханские звания [Рахимов 2014: 36–41].

Конечно, в рамках одной статьи рассмотреть всю военную службу нескольких этносов в течение XVIII – нач. XIX вв. невозможно. Например, в Северной войне 1700–1721 гг. в составе войск

Петра I сражались отряды калмыков, башкир, казанских татар, мишарей и мордвы (без учета валашских хоругвей, которые к тюрко-монголам не относятся). В Семилетней войне 1756–1763 гг. в российской армии числились отряды калмыков, казанских татар, башкир, мишарей. В войне с Наполеоном 1812–1814 гг. воевали башкирские, крымско-татарские, калмыцкие, мишарские (мещеряцкие) и тептярские полки. Если же говорить только о калмыцких национальных частях, то они в описываемый период участвовали в Северной, Семилетней, наполеоновских войнах 1806–1807 гг. и 1812–1814 гг., русско-турецких войнах 1710–1713 г., 1735–1739 гг., 1768–1774 гг., 1806–1812 гг., Персидских походах 1722–1723 гг. и 1796 г. И это без учета службы калмыков, принятых в казачьи войска, которые участвовали почти во всех войнах России исследуемого периода [Максимов 2016: 52–208]. Поэтому в данной статье я сконцентрируюсь на освещении наиболее характерных особенностей военной службы народов, выставявших самые крупные воинские контингенты (калмыков и башкир), как в привычной среде обитания (для калмыков — это степи Причерноморья и Северного Кавказа, для башкир — приграничные степи Урала и Сибири), так и в трех крупнейших войнах России: Северной, Семилетней и войне 1812–1814 гг. (которые будут рассмотрены во 2-й части статьи).

Основным театром военных действий, для которых калмыков в общем-то и поселили в Нижнем Поволжье, являлись степи Северного Причерноморья, Кубани и Терека, где они должны были вести борьбу с тюркскими кочевниками (крымскими татарами и ногайцами) и их союзниками (казаками-некрасовцами и горцами). В течение XVIII в. калмыки вовлекались на военную службу России тремя путями:

1) призыв улусных ополчений на время войны или одной кампании с роспуском на зиму. При этом калмыцкие ханы и нойоны сами определяли штат своих войск, их численность, внутреннюю структуру, вооружение, командный состав, тактику и т. д., исходя из своего опыта кочевых войн.

2) принятие одиночек или небольших групп калмыков, покинувших по разного рода причинам территорию Калмыцкого хан-

ства, на военную службу в состав казачьих войск. Вновь принятые на службу получали равные права с казаками и служили в казачьих полках на общих основаниях, причем в некоторых войсках (например, Донском и Уральском) крещение не было обязательным.

Могли быть варианты, сочетающие оба пути. Например, дербетовские и зюнгарские улусы, которые в начале XVIII в. временно прикочевали на Дон, в казачество не вступали, но в случае нужды выставляли ополчения наряду с казаками.

3) формирование сотен, полков или даже отдельного войска, полностью укомплектованного из калмыков. Они создавались по казачьим образцам, но имели свои особенности, связанные с национальными традициями калмыков (например, Ставропольское калмыцкое войско или калмыцкие сотни в Чугуевском полку, а затем в Екатеринославском казачьем войске). Как правило, крещение для таких казаков являлось обязательным условием, поскольку российские власти обязаны были возвращать улусовладельцам всех бежавших подданных за исключением крещеных.

В русско-турецких войнах XVIII в. Россия, как правило, была вынуждена оперировать на трех театрах военных действий: молдавском, крымском (в 1736 г. было еще азовское направление, которое исчезло после взятия Азова армией П. П. Ласси) и кавказском. Калмыцкая конница, как правило, оперировала на кавказском театре, хотя могла по необходимости выделять какие-то контингенты для других направлений. При этом поддержка казаков и регулярных частей русских войск была минимальной: калмыки почти всегда составляли большую часть армии этого театра.

В русско-турецкой войне 1710–1713 гг. калмыцкая конница использовалась исключительно для операций на кубанском направлении, превратившись здесь фактически в главную ударную силу русской армии. Уже в 1710 г. согласно договоренности с губернатором П. М. Апраксиным Аюка-хан выслал на Маныч 10 тыс. воинов во главе с нойонами Чиметом Батуровым, Четерем и Дондук-Омбо для охраны границы от кубанских татар, совершавших набеги на города и села Слободской Украины и Среднего Поволжья. Услышав о появлении калмыков в своем тылу, кубанцы прервали свои

набеги и повернули назад. Весной 1711 г. калмыки и царицынские казаки отбили у татар огромное количество русских и украинских пленников, захваченных во время набега. Когда противник стал преследовать отходящие калмыцко-казачьи отряды, Чимет Бату-ров с небольшим арьергардом остался на Аксае и надолго задержал татар. Согласно легенде последним в бою пал смертью храбрых доблестный нойон, который усеял поле вокруг себя «ковром» вражеских трупов. Татары, обрадованные этим успехом, отослали его голову в Стамбул *«по причине, что он на Кубани частые делал поиски и всегда с успехом»* [Чонов 2006: 21].

Аюка-хан, разгневанный гибелью своего троюродного брата и старого соратника, отправил П. М. Апраксину 20 тыс. калмыков под командованием своего наследника Чагдорджаба, которые составили большую часть корпуса, формируемого для похода на Кубань. Ногайцы пытались укрыться в горах, но П. М. Апраксин *«калмыцким войскам дал волю идти на кубанцев вперед, которые сколько их, кубанцев, на обеих сторонах реки Кубани найти могли, всех перерубили, а жен и детей их многие тысячи побрали в полон, а лошадей и скот их отогнали весьма великое множество»* [цит. по: Батмаев 2009: 383]. По итогам рейда казанский губернатор доносил: *«в бою пало татар 11 460, на реке Кубани потоплено 5 000, в плен взято мужчин 7 000, женщин и детей 21 400...»* [Чонов 2006: 21]. Сам П. М. Апраксин с русскими и калмыцкими войсками взял город Копыл.

На обратном пути *«Апраксин узнал, что 20 татарских мурз с своими войсками, под общим начальством Чан-Араслана, идут из Саратовского и Пензенского уездов, где грабили и разоряли русские села... отрядил против них калмыцкого хана; который отбил весь русский полон и нанес татарам такое поражение, что из трех тысяч всадников остались в живых только один мурза и два простых татарина»* [Потто 1887: 19]. Нурадын собрал на Кубани войско, усиленное черкесами и казаками-некрасовцами, чтобы отомстить калмыкам, но был наголову разбит. По итогам похода Аюка-хан и его родственники в вознаграждение получили 1 300 червонцев и огромное количество мехов, украшений и прочей ут-

вари на общую сумму 5 026 руб. 23 коп., не считая добычи, полученной в бою [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. 1726 г. Д. 8. Л. 8]. В целом война 1710–1713 гг. была неудачной для российской армии, однако известный военный историк В. А. Потто так оценил эту операцию: *«среди бедствий, постигших русское оружие в эту несчастную кампанию, блестящий поход Апраксина является единственным отрядным и светлым эпизодом»* [Потто 1912: 108].

Следует заметить, что калмыки вели боевые действия на этом театре не только в период войн и не всегда в интересах России, а иногда даже и вопреки им. Например, после заключения Адрианопольского мира в 1713 г. между калмыками и кубанскими татарами развернулась необъявленная пограничная война. Несмотря на попытки Москвы и Стамбула остановить ее, небольшие отряды калмыков и татар чуть ли не каждый год пересекали или пытались пересечь границу для набегов на вражескую территорию. В декабре 1727 г. – январе 1728 г. на Кубань вторглись 30 тыс. калмыков под руководством наместника Церен-Дондука, которые, проигнорировав запреты губернских властей, в четырехдневной битве разбили татар и поставили своего ставленника *«действительным султаном»* [НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 199. Л. 277]. Стамбулу и Бахчисараю в тот момент война была не выгодна, и они вынужденно признали нового правителя Кубани.

В русско-турецкой войне 1735–1739 гг. участие калмыков в войнах России достигло своего апогея, как по численности выставляемых контингентов, так и по интенсивности походов. Уже в первой же весенней кампании 1736 г. 20-тысячная калмыцкая армия наместника Дондук-Омбо, усиленная небольшими отрядами донцов И. М. Краснощекова, кабардинцев, терских семейных и гребенских казаков, под общим командованием атамана Д. Е. Ефремова произвела набег на Кубань, чтобы прикрыть от вражеской конницы южный фланг Донской армии П. П. Ласси, осадившей Азов. Потери ногайцев исчислялись десятками тысяч, многие из них были вынуждены присягнуть России, а вся Кабарда отпала от Османской империи. По итогам похода атаман Ефремов с радостью рапортовал: *«Ныне кубанским татарам не токмо к сикур-*

су Азова дороги пересекаютца, но самим приходит до того, где б себя скрыть могли» [История... 1988: 430]. Азов, лишившись «надежды на помощь», капитулировал. Императрица Анна Иоанновна за «такие добрые и ревностные поступки» наградила наместника Дондук-Омбо собольей шубой и саблей и добавила к его ежегодному жалованью (500 руб. и 1 000 четвертей ржаной муки) еще 2 500 руб. и 1 000 четвертей ржаной муки. Вознаграждение получили и другие нойоны с войском — на сумму 2 000 руб. [Бичурин 1991: 101–102].

После этого Дондук-Омбо в течение всей войны ежегодно (иногда и два раза в год) отправлял в походы на Кубань крупные контингенты конницы. Калмыки при поддержке казачьих полков и кабардинских отрядов, оперируя на самостоятельном театре военных действий, сумели разгромить противника и полностью прикрыть левый фланг российских войск, обеспечив их безопасность от набегов татар. При этом одновременно отправлялись крупные отряды в состав армии П. П. Ласси, действовавшей на крымском направлении, который высоко оценил их действия, особенно отряда Галдан-Норбо во время похода в Крым [Очиров 2009: 412–416]. Оценивая деятельность конницы Дондук-Омбо (удостоенного в 1737 г. титула «хан») в русско-турецкой войне 1735–1739 гг., следует отметить, что в этих кампаниях калмыки выставили в состав российской армии наибольшее количество войск (по некоторым данным, до 40 тыс. воинов). В период этой войны калмыки не проиграли ни одного сражения и одержали серию впечатляющих побед, причем некоторые из них нетипичным для кочевников пешим строем или путем штурма укреплений. Г. Н. Прозрителев, оценивая военные кампании России на Кавказе, писал: «Нельзя не отметить с особенной настойчивостью, что спор России с Турцией и Персией велся Россией при весьма небольших силах... Войска было мало. И вот, в виду этого обстоятельства, само собою приобретает особенно важное значение участие калмыков» [Прозрителев 1990: 30].

Для анализа планов внешней политики Российской империи в Великой степи очень важен обзор военной мощи монгольских,

тюркских и горских народов, сделанный канцлером М. И. Воронцовым. Мною в статье был использован «экстракт» из его аналитической записки, поступившей в Коллегию иностранных дел 4 января 1762 г. В этой записке Воронцов обозрел все народы от монголов на востоке до ногайцев в Новороссии на западе (но почему в нем нет крымских татар), относящиеся к ведению Коллегии иностранных дел. Например, «*мунгальской народ китайской подданной Закона идолопоклонническаго*», по его мнению, мог выставить до 100 тыс. всадников. Средняя и Малая орды (жузы) «*киргизкайсацкой народ*» по этой записке насчитывали 40 тыс. кибиток и могли выставить до 30 тыс. воинов, в том числе с огнестрельным оружием. Численность каракалпаков канцлер оценивал до 10 тыс. кибиток. Очень высоко М. И. Воронцов отозвался о боевом потенциале кумыков Костиковской (Костек), Андреевой (Эндирей), Аксайской и Брагунской (Барагун) «деревень» (княжеств): до 20 тыс. воинов, «*все весьма ружейныя и храбрыя люди*». «Шафкал» (тарковский шамхал), по мнению канцлера, мог выставить до 10 тыс. воинов. Потенциал Большой Кабарды Воронцов оценил в 6 тыс. воинов, Малой Кабарды — 3 тыс. воинов. При этом подчеркивалось, что большинство из них имеют пищали «*крымские и кубачинские винтовальные*», а «*сабли и сашки припущенные у каждого кабардинца*». Дети владельцев и узденей «*с малолетству обучаются своим экзерцициям*», имеют «*лехких и проворных лошадей*», поэтому «*никакое нерегулярное войско с кабардинцами сравняться не может*». Характерно, что о многих кавказских народах канцлер имел смутное впечатление. Например, осетины и «киштинцы» (вайнахи) считались небольшими народами, «*которыя вообще могут быть причислены к тавлинцам*». Они могли якобы выставить всего лишь 3 и 2 тыс. воинов соответственно. О черкесах и абазинцах точных данных не было, писалось, что «*все оные народы весьма многочисленны*». Ногайские орды северного Причерноморья оценивались в 30 тыс. кибиток. При всем этом численность населения Калмыцкого ханства оценивалась по данным 1737 г. в 40 тыс. кибиток, и канцлер полагал, что из-за отсутствия мятежей их количество должно было вырасти. О башкирах в записке го-

ворилось, что они народ «довольно многочисленной» и числились за Сенатом (как «внутренний» этнос), но часто бунтуют [АВПРИ. Ф. 119. Оп. 5. 1762 г. Д. 82. Л. 3–12об.].

Этот обзор показывает, что, по мнению российского правительства, калмыцкая конница по своей численности превосходила или была сопоставима с численностью войск кочевников и горцев на любом из оперативных направлений: северночерноморских ногайцев, кавказских горцев, казахов Младшего и Среднего жузов. Соответственно, при планировании внешней политики и боевых операций до ликвидации Калмыцкого ханства этот фактор всегда учитывался.

В следующей русско-турецкой войне 1768–1774 гг. 10-тысячная калмыцкая конница под командованием наместника Убаши при поддержке 2-тысячного отряда генерал-майора И. Ф. де Медема вновь «закрывает» кубанское направление. При этом еще два крупных контингента были направлены в состав корпуса Г. Г. Берга (крымское направление) и армию П. А. Румянцева. Войско Убаши при поддержке драгун и казаков подполковника И. А. Кишенского выдвинулось к Моздоку и 29 апреля¹ на р. Калаус атаковало отряд из 6 тыс. отборных кубанцев Арслан-Гирея и Максуд-Гирея. Татары выстроились в три линии, но огонь пушек смешал вражеские ряды, а конница закончила дело, вырубая бегущих до самой ночи. Были захвачены все 5 знамен, множество оружия и панцирей, 5 тыс. лошадей и обоз. На месте боя были воздвигнуты курганы Победы и Пиршества, которые сохранились и поныне. Затем войско Убаши и де Медема вторглись в Кабарду, в результате чего 28–29 мая кабардинские князья присягнули России. В награду за отличия в кампании 1769 г. ряд нойонов были награждены Золотыми медалями с портретом императрицы Екатерины II на голубой (андреевской) ленте.

Кампания 1770 г. также началась вполне успешно. Убаши снова произвел набег на Кубань, но де Медем был недоволен самостоятельными действиями наместника и обидел его, хотя имел приказ «командовать ханом, но так чтобы это командование ему

¹ Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

не было заметно». Обиженный Убаши увел свои войска. Это оказался последний поход войск Калмыцкого ханства на службе России. В 1771 г. группа заговорщиков во главе с Убаши, недовольных политикой усиления абсолютизма и централизации имперской власти, увели почти $\frac{3}{4}$ калмыков в Джунгарию. После этого Калмыцкое ханство было ликвидировано.

У оставшихся калмыцких улусов уже не было возможностей для отправки на Кавказ 40, 20 или хотя бы 10-тысячного войска, и в последующих русско-турецких войнах и 2-м Персидском походе они играли уже вспомогательную роль. Для «закрытия» кавказского театра российской армии пришлось развернуть здесь соединения регулярной армии (в 1770-х – 1780-х гг. — Кубанский и Астраханский корпуса, в 1796 г. — 10-ю Кавказскую дивизию, с 1801 г. — Кавказскую инспекцию, вскоре развернутую в 19-ю и 20-ю пехотные дивизии, ставшие затем основой для Кавказского корпуса, с 1857 г. — армии), строить протяженные кордонные линии, переселять к ним казацьи войска (Черноморское, Екатеринославское, Хоперское, Волгское).

Следует учесть еще один нюанс, который зачастую выпадает из внимания военных историков. Калмыцкое ханство де-факто осуществляло охрану южных границ России в районе Нижнего Поволжья: на нагорном берегу от татар и ногайцев, на луговом — от казахов и кара-калпаков. Набеги кочевников были достаточно частыми и жестокими, но с 1720-х гг. в этом районе они прекратились. Конечно, свой вклад в охрану границы вносили уральские и волжские казаки, гарнизоны регулярных войска, Царицынская укрепленная линия, но калмыки в этой системе безопасности играли ключевую роль. После ликвидации Калмыцкого ханства вновь встал вопрос об охране границы. Правда, в 1783 г. Крымское ханство было ликвидировано, а вдоль Кубани и Терека в 1770-х – 1780-х гг. пролегли кордонные линии и поселены казацьи и регулярные войска, которые надежно закрыли границу. Однако на левом берегу Волги опасность набегов казахов сохранялась. Поэтому на оставшихся калмыков была возложена повинность по несению сторожевой службы на Узнях, которые кочевники несли

посменно. В 1794 г. выяснилось, что служба калмыков обходится казне в 39,3 тыс. руб., поэтому возник проект их замены на карабинерные полки. Однако ряд сенаторов выступили против этого, подчеркнув, что данная сумма *«не столь велика в сравнении того, что ими оберегается тамошняя граница»*, а карабинерные полки, несмотря на всю свою выучку и опыт, не будут столь же эффективными в степи, как кочевники [Рахимов 2014: 75–76].

Башкиры (также как и заволжские мишари и тептяри) в XVIII в. чаще всего призывались на пограничную службу, в основном на Оренбургскую линию, а также на сибирские линии (Иртышскую, Тоболо-Ишимскую и Колывано-Кузнецкую).

Оренбургская пограничная линия была построена в 1730-х – 1750-х гг. для защиты от набегов казахов и протянулась от Каспия до Тобола более чем на 1,7 тыс. верст. Отряды «степных хищников», поддерживаемые хивинским ханом, довольно часто нападали на русские поселения, угоняли скот, грабили торговые караваны, захватывали людей для продажи на невольничьих рынках. Конечно же, вновь созданное Оренбургское и старое Уральское казачьи войска не могли обеспечить гарнизонами столь протяженную границу, не говоря уже об охране степных караванов. Кроме того, на линии несли службу гарнизонные и ландмилицкие полки. В 1801 г. гарнизонные полки и батальоны были сведены в Оренбургскую инспекцию, которую в 1808 г. преобразовали в 23-ю пехотную дивизию (в 1811 г. ее переименовали в 28-ю). Но всех этих сил было явно недостаточно. Уже с 1742–1744 гг. для службы на линии стали привлекать башкир и мишарей, позже — калмыков Ставропольского войска, поселенного в Среднем Поволжье в 1737 г. При этом иррегулярные войска на Оренбургской линии составляли большинство. По данным крупного специалиста по истории национальной конницы имперского периода Р. Н. Рахимова, в 1764 г. на линии несло службу 4 461 чел.: 928 драгун, 1 226 казаков, 2 004 башкир, мишарей и служилых татар, 303 ставропольских калмыка. Таким образом, иррегулярные войска составляли 79 % всех войск на линии [Рахимов 2014: 76]. В последующем численность иррегулярной конницы на границе увеличилась и стала

сокращаться лишь в нач. XIX в. По подсчетам Р. Н. Рахимова в среднем в XVIII в. «для содержания линейной стражи» направлялось 12–15 тыс., в нач. XIX в. — 9–10 тыс. воинов из «казацких, башкирских, мещеряцких² и калмыцких народов, которые для сих выкомандировок избавлены от государственной подати» [цит. по: Рахимов 2014: 80].

Башкиры, мишари, тептяри, ставропольские калмыки каждые полгода направляли на Оренбургскую линию специальные команды: с 15 мая по 15 ноября (летняя командировка) и с 16 ноября по 15 мая (зимняя командировка). При этом в летние командировки направлялось больше людей, поскольку в зимние месяцы набеги казахов были менее вероятны. Иностранцы обязаны были выступать на службу «о дву-конь», с собственным оружием и снаряжением. Командированные освобождались от податей на время командировки, кроме того, с 1797 г. они стали получать небольшое жалование, которое, впрочем, не покрывало реальных расходов на продукты и фураж.

Кроме того, башкиры и мишари участвовали в несении службы и на сибирских линиях. В коллективной монографии «История казачества Азиатской России» утверждается (без указания ссылки), что на эти линии «с 1745 г. ежегодно командировались на линейную службу сроком на 1 год около 1 500 донских и яицких казаков, башкир и мещеряков» [История... 1995: 145]. По мнению Р. Н. Рахимова, начало службы башкир и мишарей на сибирских линиях следует датировать 1760 г., по мнению В. Д. Пузанова, — 1761 г. [Рахимов 2014: 85; Пузанов 2016: 62–63]. На сибирские линии обычно направлялась команда из 500 башкир и мишарей, которые несли службу в течение года. С 1769 г. в связи с началом новой русско-турецкой войны были прекращены командировки тысячной команды донских казаков, которым приходилось тратить на дорогу туда и обратно несколько месяцев. Вместо казаков стали посылать еще одну пятисотенную команду башкир и мишарей, а срок их службы на линии увеличили до двух лет. Лишь в 1800 г. Павел I отменил службу башкир на сибирских линиях, заменив ее

---

² Мещеряки — устаревшее название мишарей.

этапной службой по Сибирскому тракту [Рахимов 2014: 85; Пузанов 2016: 64–65].

По прибытии на линию иррегулярные сотни распределялись по крепостям, форпостам и редутам. Между ними разворачивались цепи постов на расстоянии от 2 до 5 верст, которые могли сигнализировать друг другу огнями в случае прорыва границы. Кроме того, вдоль этой цепи постоянно передвигались конные разъезды. Помимо пограничной службы иррегулярные конники могли использоваться для охраны степных караванов или для рейдов возмездия против налетчиков. Вот как оценивал И. Г. Георги боевые качества башкир в боях с казахами: *«лошади под ними бываю-ют добрые; они ездят на них хорошо и смело... небольшое число башкирцев и одерживает всегда победу над гораздо большим количеством Киргизов; да при том часто башкиры и одним полком странствуют долго, и не будучи поражаемы, в Киргизских ордах»* [Георги 1799: 96].

Условия службы на пограничных линиях были весьма тяжелыми: бесплодная степь, плохого качества вода, суровая зима и жаркое лето, характерные для резкого континентального климата уральских степей и предгорья. Спешно построенные крепости были обычными дерево-земляными укреплениями, огражденные осыпавшимися рвами, полуметровыми валами или деревянными заборами. Редутами чаще всего называли обычные «балаганы», которые использовались в основном летом. Однако отряды «степных хищников» были небольшими и состояли из нескольких десятков или сотен удалцов. Нападения тысячных отрядов были редкими. Поэтому главной защитой линии были не крепости с ротой гарнизона, а ударные действия иррегулярной конницы, которые могли успешно противодействовать налетчикам [Рахимов 2014: 78–84].

Следует заметить, что в XVIII в. башкиры и мишари помимо пограничной службы также принимали участие и в войнах России на европейских театрах, хотя и с меньшей интенсивностью, чем калмыки. Башкиры и мишари участвовали в Северной войне 1700–1721 гг., Семилетней войне 1756–1763 гг., походах в Польшу в 1771–1773 и 1790–1792 гг., русско-шведской войне 1788–1790 гг.

Очевидно, что на интенсивности использования башкирской конницы на европейских театрах военных действий сказались восстания башкир. Например, в начале русско-турецкой войны 1735–1739 гг. планировалось послать 3 тыс. башкир в армию Б. К. Миниха, но восстание 1736–1740 гг., вспыхнувшее в ответ на действия Оренбургской экспедиции, сорвало этот проект [Рахимов 2014: 190]. В последней четверти XVIII в. интенсивность привлечения башкир к военной службе в Европе заметно возрастает. Закономерным итогом этого процесса стала кантонная реформа, проведенная 10 апреля 1798 г. по инициативе оренбургского губернатора О. А. Игельстрема [Рахимов 2011: 115].

В результате этой реформы башкир и мишарей официально перевели в военно-служилое сословие для несения пограничной службы на юго-восточных рубежах России. Были созданы 11 башкирских, 5 мишарских, 5 оренбургских, 2 уральских и 1 калмыцкий кантоны. Фактически в составе Оренбургского корпуса (в 1816 г. это наименование было присвоено официально), помимо пехотной дивизии и различных мелких подразделений находилось 4 войска: Оренбургское и Уральское казачьи, Башкиро-Мещерякское и Ставропольское калмыцкое, а также два тептярских полка. В результате кантонной реформы жизнь башкир и мишарей оказалась строго регламентирована, над ними был установлен военно-административный и военно-судебный контроль. Все мужчины-инородцы в возрасте от 20 до 50 лет были обязаны нести службу поочередно каждые 4 или 5 лет. Следует заметить, что официальное оформление Башкиро-Мещерякского войска, де-факто образованного кантонной реформой 1798 г., произошло лишь в 1834 г. [Рахимов 2014: 433–436].

Источники³

АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи Министерства иностранных дел РФ.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

---

³ Список источников и литературы в обеих частях статьи приводится полностью.

- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
- Письма... 1951а — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 8. Вып. 2 (Примечания к № 2461–2953, напечатанным в первом выпуске VIII тома). М.: АН СССР, 1951. С. 411–1178.
- Письма... 1951б — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 1 (Январь–декабрь 1709 г.). М.: АН СССР, 1950. 526 с.
- Письма... 1951в — Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 9. Вып. 2 (Примечания к № 2954–3560, напечатанным в первом выпуске IX тома). М.: АН СССР, 1951. С. 531–1619.
- Разрядная книга 1975 — Разрядная книга 1550–1636 гг. Т. I / Сост. Л. Ф. Кузьмина. М.: Наука, 1975. 460 с.

Sources

- Archive of Foreign Policy of the Russian Empire, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Russian State Military Historical Archive.
- Emperor Peter the Great: Letters and Papers. Vol. 8. Part 2: Comments on Files No. 2461–2953 Published in Part 1 of Volume 8. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. Pp. 411–1178. (In Russ.)
- Emperor Peter the Great: Letters and Papers. Vol. 9. Part 1: January–December of 1709. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1950. 526 p. (In Russ.)
- Emperor Peter the Great: Letters and Papers. Vol. 9. Part 2: Comments on Files No. 2954–3560 Published in Part 1 of Volume 9. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. Pp. 531–1619. (In Russ.)
- Kuzmina L. F. (comp.) Razriad Books: 1550–1636. Vol. I. Moscow: Nauka, 1975. 460 p. (In Russ.)

Литература

- Батмаев 2009 — *Батмаев М. М.* Участие калмыков в войнах России с 50-х гг. XVII в. до 1725 г. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1. Элиста: Герел, 2009. С. 377–385.
- Беликов 1965 — *Беликов Т. И.* Калмыки в борьбе за независимость нашей Родины. Элиста: Калмиздат, 1965. 179 с.
- Бичурин 1991 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф).* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.

- Бобров 2009 — *Бобров Л. А.* Военное дело и его эволюция в XVII–XVIII веках // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 3. Элиста: Герел, 2009. С. 83–103.
- Бобров 2014 — *Бобров Л. А.* Калмыцкая конница в Русско-польской войне 1654–1667 годов. Вооружения, тактика, военная стратегия // История давньої зброї. Дослідження 2014: зб. наук. пр. / упорядник Д. Тоїчкін; Інститут історії України НАН України; Національний військово-історичний музей України. К.: Ін-т історії України НАНУ, 2014. С. 47–63.
- Бобров 2016 — *Бобров Л. А.* Тактическое искусство крымских татар и ногаев конца XV – середины XVII вв. // История военного дела: исследования и источники. 2016. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. С. 210–388.
- Броневский 1834 — *Броневский В. Б.* История Донского войска. СПб.: Типография заготовления Государственных бумаг, 1834. Ч. III. 214 с.
- Волков 2020 — *Волков В. А.* Были и небыли ливонской войны 1558–1583 годов. М.: Прометей, 2020. 412 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. В 4 ч. Ч. II. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. 178 с.
- Захаревич, Очиров 2012 — *Захаревич А. В., Очиров У. Б.* Калмыки и донские казаки на службе в калмыцком ополчении 1808 года на Кавказской линии (к постановке проблемы) // Участие народов России в Отечественной войне 1812 г.: Материалы Всероссийской научной конференции (Элиста, 11–14 сентября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 121–129.
- Земцов 2018 — *Земцов В. Н.* Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. М.: Эксмо, 2018. 640 с.
- Иванюк 2019 — *Иванюк С. А.* Малая война русской армии в период подготовки Полтавского сражения. СПб.: Историческая иллюстрация, 2019. 352 с.
- История... 1995 — История казачества Азиатской России. В 3 т. Т. 1. XVI – первая половина XIX века. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН, 1995. 316 с.

- История... 1988 — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Калинин 2007 — *Калинин С. Е.* Ставропольское калмыцкое войско // Рейтар. 2007. № 38. С. 26–38.
- Кротов 2018 — *Кротов П. А.* Полтавская битва. Переломное сражение русской истории. М.: Яуза-каталог, 2018. 640 с.
- Лобин 2009 — *Лобин А. Н.* К вопросу о численности вооруженных сил Российского государства в XVI в. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2009. № 1–2. С. 45–78.
- Максимов 2002 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М.: Наука, 2002. 523 с.
- Максимов 2016 — *Максимов К. Н.* Калмыки в составе донского казачества (XVII – середина XX в.). Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2016. 576 с.
- Максимов, Очиров 2012 — *Максимов К. Н., Очиров У. Б.* Калмыки в наполеоновских войнах. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. 519 с.
- Маннапов 2008 — *Маннапов М. М.* К вопросу о межэтнических контактах и летних кочевках башкир и калмыков в XVII в. в Степном Заволжье // *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4–3 (60). С. 156–159.
- Масловский 1886 — *Масловский Д. Ф.* Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1-й. Поход Апраксина в Восточную Пруссию (1756–1757 гг.). М.: Типография Округного штаба, 1886. [678] с. разд. паг.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн изд-во, 1998. 384 с.
- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Участие калмыков в войнах в 1724–1771 гг. // *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Т. 1.* Элиста: Герел, 2009. С. 410–420.
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Формирование калмыцкого этноса // *Калмыки (серия «Народы и культуры»)*. М.: Наука 2010. С. 35–47.
- Очиров 2020a — *Очиров У. Б.* 1st and 2nd Kalmyk Regiments in the War of 1812–1814: Military Awards of Their Members // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 56. Is. 2: P. 604–613.
- Очиров 2020b — *Очиров У. Б.* Stavropol Kalmyk Regiment in the Napoleonic Wars: Military Awards of Their Members // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57. Is. 3. P. 993–1002.

- Очиров, Лиджиева 2019 — *Очиров У. Б., Лиджиева И. В.* Калмыки в составе Российского царства и империи // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840006047-0-1>
- Пенской 2008 — *Пенской В. В.* Военный потенциал Российского государства в конце XV–XVI вв.: количественное измерение // Отечественная история. 2008. № 1. С. 3–13.
- Пенской 2010 — *Пенской В. В.* Военный потенциал Крымского ханства в конце XV – начале XVII в. // Восток (Oriens). 2010. № 2. С. 56–66.
- Потто 1887 — *Потто В. А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях: в 5 т. Т. 1. От древнейших времен до Ермолова. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887. 737 с.
- Потто 1912 — *Потто В. А.* Два века терского казачества (1577–1801). В 2 т. Владикавказ: Электротпечатня Типографии Терского Областного Правления, 1912. Т. 1. IX+118 с.
- Прозоровский 2003 — *Прозоровский А. А.* Записки генерал-фельдмаршала князя Александра Александровича Прозоровского (1756–1776). М.: Российский архив, 2003. 784 с.
- Прозрителев 1990 — *Прозрителев Г. Н.* Военное прошлое наших калмык. 2-е изд., репринтное. Элиста: Санан, 1990. 144+28+60+44+30+XXXXIII с.
- Пузанов 2016 — *Пузанов В. Д.* Военная служба нерегулярных частей Российской империи в Сибири XVIII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2016. № 4. С. 61–67.
- Рахимзянов 2009 — *Рахимзянов Б. Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань: Татар. кн. изд-во, 2009. 207 с.
- Рахимов 2009 — *Рахимов Р. Н.* Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII–XVIII вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)» (Казань, 17 октября 2009 г.). Вып. 1. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2009. С. 170–174.
- Рахимов 2011 — *Рахимов Р. Н.* «Представления барона Игельстрома» как план реформирования Оренбургского корпуса // Человек — текст — эпоха. Сб. науч. статей и мат-лов. Вып. 4. Аналитические практики и перспективы современного источниковедения. Томск: изд-во Томского ун-та, 2011. С. 115–121.

- Рахимов 2013 — *Рахимов Р. Н.* Национальная конница императора Александра I в наполеоновских войнах. 1807–1814 гг. Москва: ИД Клио, 2013. 104 с.
- Рахимов 2014 — *Рахимов Р. Н.* На службе у «Белого царя». Военная служба нерусских народов юго-востока России в XVIII – первой половине XIX в. М.: РИСИ, 2014. 544 с.
- Соловьев 1993 — *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. VIII. История России с древнейших времен. Т. 15–16. М.: Мысль, 1993. 639 с.
- Тепкеев 2016 — *Тепкеев В. Т.* Джунгары на Юге России в конце XVII в. // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 1. С. 12–18.
- Чонов 2006 — *Чонов Е.* Калмыки в русской армии XVII, XVIII вв. и 1812 год. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2006. 142 с.
- Шовунов 1990 — *Шовунов К. П.* Во славу Отечества. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 60 с.
- Шовунов 1991 — *Шовунов К. П.* Очерки военной истории калмыков (XVII–XIX вв.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 189 с.
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: КИОН, 1992. 320 с.

УДК 821.584.6

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-98-106

Калмыцкие рукописи из фонда Российской национальной библиотеки

*Долеева Айса Олеговна*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник, аспирант
E-mail: aisasarpa10@mail.ru

Аннотация. Статья вводит в научный оборот один из текстов калмыцких (ойратских) рукописей, хранящихся в Российской национальной библиотеке в Санкт-Петербурге в Фонде № 918 («Калмыцкие рукописи. Новая серия. Собрание»). В коллекцию ойратских рукописей входят «Ваджраччхедика праджня-парамита сутра», «История Белой Тары», «Алтн Герл нертэ номин хуранһу оршв», молитва покаяние «Цогт зандн оршв» и др. В статье приводится транслитерация рукописи письма калмыцкого хана Аюки астраханскому губернатору П. М. Апраксину с переложением на современный калмыцкий язык и переводом на русский язык. Введение в научный оборот транслитерации и переложение на современный калмыцкий язык данных рукописей внесет вклад в исследование письменной культуры калмыцкого народа.

Ключевые слова: ойратские рукописи, ясное письмо, Российская национальная библиотека, транслитерация, письмо, Аюка-хан

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольязычных народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Долеева А. О. Калмыцкие рукописи из фонда Российской национальной библиотеки // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 98–106. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-98-106

UDC 821.584.6

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-98-106

Kalmyk Manuscripts from the Russian National Library Fund

*Aisa O. Doleyeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Researcher, Postgraduate Student

E-mail: aisasarpa10@mail.ru

Abstract. The article introduces the texts of the Kalmyk (Oirat) manuscripts kept at the Russian National Library in Saint Petersburg in the Fund No. 918 (“Kalmyk manuscripts. New series. Meeting»). The collection of Oirat manuscripts includes “Vadzhrachkhedika Pradzhnya-paramita Sutra”, “The History of White Tara”, “Altn Gerl Nertya Nomin Khurangu Orshv”, prayer-repentance “Tsogt Zandn Orshv”, etc. The article gives the transliteration the manuscript of the letter of the Kalmyk Khan Ayuki to the Astrakhan Governor P. M. Apraksin, translated into the modern Kalmyk language and translated into Russian. The introduction of the transliteration and translation into modern Kalmyk of these manuscripts will contribute greatly to the research of the Kalmyk written culture.

Keywords: Oirat manuscripts, clear script, Russian National Library, transliteration, letter, Ayuka Khan

Acknowledgment. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Doleyeva A. O. Kalmyk Manuscripts from the Russian National Library Fund. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3 Pp. 98–106. (In Russ.). DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-98-106

Собрание, археографическое описание и введение в научный оборот ойратских рукописей является одной из актуальных проблем монголоведения. Письменные памятники на ойратском языке

ке исследовали такие ученые, как А. Г. Сазыкин [Сазыкин 1988], В. Л. Успенский [Uspensky 2001], Н. С. Яхонтова [Яхонтова 1996], Д. Н. Музраева [Музраева 2012], Б. А. Бичеев [Ойратская версия 2013] и др.

Во время научной командировки в г. Санкт-Петербург в ходе поисков рукописей на «ясном письме» нами были обнаружены 10 ксилографов, хранящихся в Российской национальной библиотеке в Фонде № 918 («Калмыцкие рукописи. Новая серия. Собрание») за XVIII–XIX вв. Данный фонд сложился из поступлений разных лет (в частности, от архим. Амфилохия, 1881 г.) и содержит сочинения религиозного, магического и фольклорного характера на калмыцком языке:

1. Рукопись Calm 1 «xutuqtu biligiyin činadu kürüqsen tasuluqçı oçig kemëkü yeke kölgöni sudur ogošiboı» («Ваджраччхедика праджня-парамита сутра») состоит из 27 листов, пагинация начинается с титульного листа. Название рукописи заключено в двойную рамку красного цвета, как и текст на л. 1b–2a; начиная с л. 2b — текст без рамки. Большая часть текста написана черными чернилами, ключевые слова выделены красными чернилами.

2. Рукопись Calm 2 «saγān Dāre ekeyin tuuǰı ogošobo» («История Белой Тары» («Повести о Багамай-хатун»)) состоит из 17 листов, название рукописи написано черными чернилами, красным цветом обозначены ключевые слова. Данная рукопись была исследована такими учеными, как Ц. Дамдинсурэн [Дамдинсурэн 2003], Д. Сумья [Сумья 2011], Б. А. Бичеев [Ойратская версия 2013].

Б. А. Бичеев в своей монографии «Ойратская версия „Истории Белой Тары“ („Повести о Багамай-хатун“») ввел в научный оборот 9 рукописей текста на ясном письме из России, Монголии и Китая, что в свою очередь является доказательством широкого хождения этого памятника. Данные рукописи по сюжету идентичны, различие состоит только в разном написании определенных слов. Б. А. Бичеев делит сюжет «Повести о Багамай-хатун» «на 7 сравнительно небольших по объему частей, в которых в полной мере отражены своеобразие и художественные особенности этого интересного произведения ойратской литературы:

1. Духовные подвиги Багамай-хатун и рождение сына Аю-бодхисаттвы;

2. Путешествие Багамай-хатун по различным мирам в поисках перерождения сына;

3. Встреча Багамай-хатун с ламой-отшельником;

4. Нахождение сына;

5. Добродействия Багамай-хатун и Аю-бодхисаттвы;

6. Обретение чудесного коня-помощника;

7. Уход Багамай-хатун в нирвану» [Ойратская версия 2013: 51–52].

3. Рукопись Calm 3 «altan gerel neretü nomiyin xuranу orošiboі» состоит из 3 листов, пагинация отсутствует. Название рукописи написано черными чернилами и заключено в двойную рамку красного цвета, как и текст на л. 1b–2a; начиная с л. 2b — текст без рамки. Большая часть текста написана черными чернилами, ключевые слова — красными.

4. Рукопись Calm 4 «Zubdrduyin sudur orošaibui» состоит из 12 листов, пагинация начинается с первой страницы. Название написано красными и черными чернилами, название и текст по всей рукописи обрамлены двойными рамками, ключевые слова выделены красными чернилами.

5. Рукопись Calm 5 «Coqtu zandan orošiboі» состоит из 10 листов, название написано черными чернилами, весь текст обрамлен черными рамками, ключевые слова выделены красными чернилами. Б. А. Бичеев и Е. В. Бембеев в своей статье «О текстах буддийских молитв покаяний» дают подробный анализ содержания данной рукописи [Бичеев, Бембеев 2016: 113].

6. Рукопись Calm 6 «Okini üzelgeni sudur orošibo» состоит из 7 листов, название и рукопись написаны черными чернилами, ключевые слова выделены желтым цветом.

7. Рукопись Calm 7 состоит из 10 листов, без названия, пагинация отсутствует, края рукописи с надрывами, весь текст написан черными чернилами.

8. Рукопись Calm 9 состоит из разрозненных листов, без названия, пагинация начинается со страницы 6. Весь текст написан

черными чернилами, обрамлен в рамку черного цвета. В описании рукописи приводится: «Калмыцкое богословие от Арх. Амфилохия. Девять продолговатых листов представляют собою отрывок из какого-то нравственного религиозного трактата на калмыцком языке, а именно 6–14 листы из цельного кодекса. Рукопись написана на чистой грубой желтоватой бумаге [РНБ. Ф. 918. Ед. хр. Calm 9. Л. 14].

9. Рукопись Calm 10 состоит из 1 листа, написана черными чернилами, без названия и пагинации.

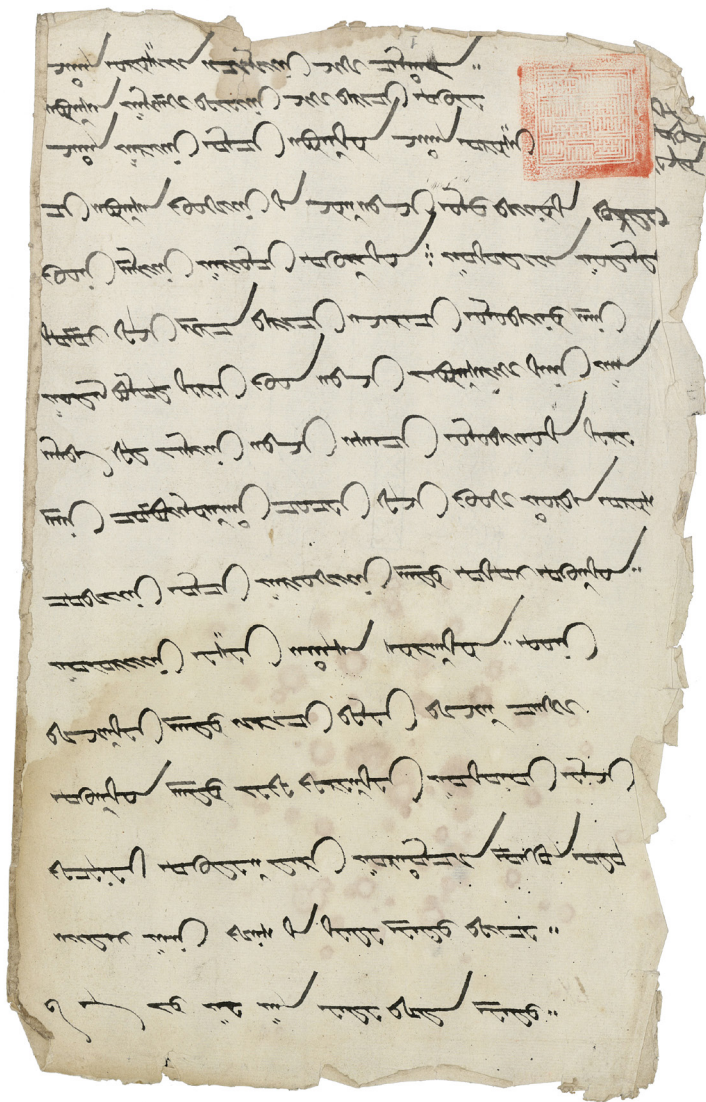
10. Рукопись Calm 12 состоит из 1 листа, написана черными чернилами, печать красного цвета в конце письма, края рукописи подогнуты. В материалах фонда № 918 («Калмыцкие рукописи. Новая серия. Собрание») Российской национальной библиотеки за XVIII–XIX вв. удалось обнаружить письмо, написанное калмыцким ханом Аюкой астраханскому губернатору П. М. Апраксину.

Данное письмо поступило в 1859 г. от барона Ф. А. Бюлера, передано из собр. Им. Автографов 14.12.89. Рукопись также хранится в Российском государственном архиве древних актов [РГАДА. Ф. 186 («Бюлер Федор Андреевич (1821–1896), барон, директор Московского Главного архива Министерства иностранных дел») Оп. 2. Собрание «автографов» Д. 7].

№	Транслитерация ойратского текста	Калмыцкий текст	Русский перевод
1	ā yu xe xān ende bida mendü:	Аюка хан энд бидн менд.	Аюка хан здесь со всеми пребывает в здравии.
2	ayidar xani kinas ta tende mendü beyize:	Эддрхнэ кинэс та тенд менд бииз?	Астраханский князь, Вы там, надеюсь, пребываете в здравии?
3	kezēnei ögüdeq dari xorjoljin mönggöñ odö ögüqtün	Кезэнэ өгдг дэр, хорһлжн, мөңгн ода өгтн.	Как и прежде выдаваемые порох, свинец, деньги сейчас выдайте.

4	mandu yeke kereqtei	Маднд ик кергтэ.	Нам очень нужно.
5	xotonoi elči bičiqtei mandu iriji belei	Хотна элч бичгтэ маднд ирж билэ.	Посланник из хотона с письмом приехал к нам.
6	bičiq zanggi xoyoriyini ešei aγasa suragtun::	Бичг зэңг хойриннь Эшей аһас суртн.	Письмо и вести спросите у Эшей-аги.
7	öüni zöbiyini olji xariugiyini mandu ötör ögüqtün:	Үүнэ зөвинь олж хэрүһинь маднд өтр өгтн.	Его решение найдите, и ответ нам быстро дайте.
8	mani zomboyiluqγai züzei gēci küügi γurban orus alaba gēd yalayini abči asanji ülübayinuta	Мана жамбулгин Жүжэ гигч күүт hurвн орс алв гийэд яльнь авч санж үлү бээнүт?	Оказывается, трое рус- ских, приняв нашего джембойлукского тата- рина по имени Джужа за подданного, оштра- фовали его, не так ли?
9	tere xudal bolöd terei küün abči yabuqsayigi tanaï xan tömör gēci mirza bariji acaraji ülü bayinu	Тер худл болад, тер күүт авч йовсиг тана ах Төмр гигч мирза бэрж асрж (авчрж) үлү бээнүт?	Это неправда и то, что того человека привез ваш мирза по имени Төмр. Не так ли?
10	manai küüni maliyini xariulji ögüqtün::	Мана күн-малынь хэрүлж өгтн.	Наших людей и скот верните.
11	xotodiyin xudald= ji abuqsan küügiyini ta cuq abči ülü baiynuta	Хотдин худлж авсн күүһинь та цуг авч үлү бээнүт?	Всех купленных людей вы забираете, не так ли?
12	kürd .... саγān xarayini olji abuqtun	Күрд ... цаһан харыг олж автн.	.... Разберитесь в этом деле (букв. черное от белого отделите).
13	саγān oruši abuqsan xalimagi beyeyni čigi bariji ögyue	Цаһан орсиг авсн хальмгин бийинь чигн бэрж өгий.	Русского, взявшего в плен калмыков, выда- дим (под суд).
14	саγān orušiyyin ijiliyyini čigi zalγaya ==	Цаһан Орсин Ижлинь чигн залһий.	Сохраним России волжские земли.

Факсимиле. Рукопись Салт 12. Письмо калмыцкого хана Аюки астраханскому губернатору

П. М. Апраксину

Текст данной рукописи изложен в традиционном эпистолярном жанре, который характерен для официальных писем того времени. По манере изложения оно идентично другим калмыцким письмам, которые отличают такие особенности, как сжатость, ясность и точность языка с элементами образности. Как отмечает Д. А. Сусеева, «несмотря на свою лаконичность, язык писем полон правды, жизни, динамизма, напряженности» [Сусеева 2003: 15]. В конце письма — красная квадратная печать хана Аюки, которую ему в 1698 г. пожаловал Далай-лама VI.

Из содержания письма мы узнаем, что Аюка-хан просит астраханского губернатора П. М. Апраксина прислать порох, свинец, деньги. В связи с тем, что калмыки пришли на территорию, вытеснив ногайцев с традиционных мест обитания, между ними часто происходили конфликты. Данные взрывчатые смеси Аюка-хан просил губернатора прислать для защиты своих семей и новой территории от ногайцев. Далее Аюка-хан просит П. М. Апраксина разобраться в конфликте, который произошел между русскими и калмыками. Как отмечает К. В. Орлова в своей статье «Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов», между русскими и калмыками происходили ссоры, «когда калмыки брали в плен или захватывали скот у русских, или русские крестили захваченных калмыков, либо не доставляли ежегодное жалование или продовольствие» [Орлова 2019: 17].

Введение в научный оборот транслитерации и переложения на современный калмыцкий язык данного рукописного текста внесет определенный вклад в исследование письменной культуры калмыков.

Литература

- Бичеев, Бембеев 2016 — *Бичеев Б. А., Бембеев Е. В.* О текстах буддийских молитв покаяний // Монголоведение. 2016. Вып. 8. С. 111–119.
- Дамдинсурэн 2003 — *Дамдинсурэн Ц.* Повесть о Зеленой Дарь-эхэ // Буддизм и литература. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 164–185.
- Сумъяа 2011 — *Сумъяа Д.* Монгол Ногоон Дара эхийн тууж. Улаанбаатар: ШУА-ийн ХЗХ, 2011. 412 х.

- Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2012. 224 с.
- Ойратская версия 2013 — Ойратская версия «Истории Белой Тары» («Повести о Багамай хатун»). Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод с ойратского, комментарии Б. А. Бичеева. Элиста: КИГИ РАН, 2013. 248 с.
- Орлова 2019 — *Орлова К. В.* Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // История и архивы. 2019. № 3. С. 12–19.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения АН СССР: в 3-х т. Т. 1. М.: Наука, 1988. 512 с.
- Сусеева 2003 — *Сусеева Д. А.* Письма хана Аюки и его современников (1714–1724 гг.): опыт лингвосociологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
- Яхонтова 1996 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский литературный язык XVII века. М.: Вост. лит., 1996. 152 с.
- Uspensky 2001 — *Uspensky V. L.* Catalogue of the Mongolian Manuscripts and Xylographs in the St. Petersburg State University Library / compiled by V. L. Uspensky. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 2001. 529 p.

УДК 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-107-121

Рукопись Д. С. Бембеева-Сальмина «Ойратские триады»

*Лариса Бадмаевна Манджикова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
E-mail: 0862larisa@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Манджикова Л. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* Дордже Соктунович Бембеев-Сальмин — один из известных представителей старой калмыцкой интеллигенции, лингвист, востоковед, общественный и политический деятель. Его научные работы, сведения биографического характера сохранены в личном фонде Д. С. Бембеева-Сальмина в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН (Ф. 10). Данный фонд содержит 12 единиц хранения за 1959 г. Среди них переводы на калмыцкий язык произведений русских писателей, рукописи текста «Орфография ойрат-монгольского письма», записанные Д. С. Бембеевым-Сальминым калмыцкие народные пословицы и поговорки, триады, пятистишия. Особый интерес представляют триады «орчлнгин хурвнтс» ('что в мире по три'), записанные им в 1931 г. и относящиеся к одной из разновидностей калмыцких загадок. Тематика загадок триад разнообразна: быт, хозяйственная деятельность, материальная культура, природа, семейно-родственные отношения, этика. Некоторые трехстишия Д. С. Бембеев-Сальмин перевел сам. Этим и определяется ценность собранного им материала и ввода его в научный оборот. Полный текст рукописного материала впервые публикуется в данной статье.
Ключевые слова: рукопись, триада, трехстишие, калмыцкий язык, Д. С. Бембеев-Сальмин

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских наро-

дов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджикова Л. Б. Рукопись Д. С. Бембеева-Сальмина «Ойратские триады» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С.107–121. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-107-121

UDC 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-107-121

D. S. Bembeev — Salmin’s Manuscript “Oirat Triad”

*Larisa Badmaevna Mandzhikova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Researcher

E-mail: 0862Larisa@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Mandzhikova L. B., 2020

Abstract. Introduction. Dorje Suktunovich Bembeyev-Salmin is one of the famous representatives of the old Kalmyk intelligentsia, a linguist, orientalist, public and political figure. His scientific works and biographical information are preserved in the private archive of D. S. Bembeev-Salmin in the Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (F. 10). This archive contains 12 items of storage for 1959. Among them are translations of works by Russian writers to the Kalmyk language, manuscripts of the text «The Orthography of the Oirat-Mongolian writing», Kalmyk folk proverbs and sayings, triads, pentastiches recorded by D. S. Bembeev-Salmin. Of particular interest are the triads — «orchlŋgingurvnts» (‘that there are three in the world’), recorded by him in 1931, they are one of the varieties of Kalmyk riddles. The themes of the riddles of the triads are diverse: everyday life, household activities, material culture, nature, family and kinship relations, ethics. D. S. Bembeyev-Salmin translated some of the three verses himself. This

determines the value of the materials collected by him and their introduction into scientific circulation. The full text of the manuscript materials is published for the first time in this article.

Keywords: manuscript, triad, poem, Kalmyk language, D. S. Bembeev-Salmin
Acknowledgment. The research was conducted under the scope of the state subsidy – the project “Oral and Written Heritage of the Mongolian-origin peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border traditions and interactions” (state registration number: AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Mandzhikova L.B. D. S. Bembeev — Salmin’s Manuscript “Oirat Triad”. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 107–121. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-107-121

В Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН (НА КалмНИЦ РАН) отдельный фонд (Ф. 10) составляет личный фонд Дордже Соктуновича Бембеева-Сальмина — одного из известных представителей старой калмыцкой интеллигенции, лингвиста, востоковеда, общественного и политического деятеля.

Необходимо отметить, что в разных документальных источниках написание имени и фамилии исследователя разнятся. В автобиографии, написанной собственноручно, он пишет о себе как Бембеев-Сальмин Дордже Соктунович. В личном деле пишется имя «Дорджи». В научном мире он известен как Д. С. Сальмин.

Д. С. Бембеев-Сальмин родился в 1902 г. в Бюдермес-Кюбевтовском аймаке Большедербетовского улуса Медвеженского уезда Ставропольской губернии в семье калмыка-простолюдина [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 6]. В автобиографии Д. С. Бембеева-Сальмина, написанной им в октябре 1959 г. при поступлении на работу в Калмыцкий научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, имеются сведения о его жизненном пути, трудовой и общественной деятельности.

Начальное образование он получил в Кердетовской сельской приходской школе, где он учился с 1912 по 1915 гг. В 1924 г. Дордже Соктуевич поступает на рабфак Ленинградского института живых восточных языков [НА КалмНИЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1. Л. 8]. В институте он изучает научную литературу по лингвисти-

ке, уделяет особое внимание востоковедению. Слушает лекции знаменитых востоковедов — академиков Б. Я. Владимирцова и В. В. Бартольда. За годы учебы в институте Д. С. Бембеев-Сальмин «...основательно изучил монгольские языки и историю восточных народов. Он был большим знатоком родного калмыцкого языка. Прекрасно разбирался в редчайших памятниках на Зая-пандитской¹ письменности, в которой была заложена основа современного калмыцкого языка» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 3]. Так писал известный калмыцкий ученый-лингвист Б. Д. Муниев², работавший в КНИИЯЛИ в разные годы заведующим сектором языкознания и ученым секретарем, в биографической справке о Д. С. Бембеев-Сальмине.

В 1925 г. Д. С. Бембеев-Сальмин вступает в ряды Всесоюзной коммунистической партии большевиков, что и повлияло на его трудовую деятельность. После окончания обучения, в апреле 1927 г., Д. С. Бембеев-Сальмин возвращается в Калмыкию и работает в аппарате Большедербетовского уисполкома и улускома ВКП (б). С 1931 г. до 1942 г. он работает в областной, районных редакциях газет на руководящих должностях. В период депортации калмыцкого народа Д. С. Бембеев-Сальмин жил в Казахстане, трудился на холодильном комбинате. После восстановления автономии калмыцкого народа в 1957–1959 гг. работал техническим редактором калмыцкого издательства.

В личном деле Д. С. Бембеева-Сальмина сохранилось письмо-обращение от 3 октября 1959 г. директора института И. К. Илишкина в адрес Е. Б. Шургучиновой, заместителя Председателя Совета Министров Калмыцкой АССР о разрешении принять на работу «т. Сальмина Д., имеющего среднее образование в порядке исключения, заведующим архивом», так как «...для заведывания архивом института нужен практически подготовленный товарищ,

---

¹ Так в источнике.

² Б. Д. Муниев — один из составителей Русско-калмыцкого и Калмыцко-русского словарей, ответственный редактор Калмыцко-русского словаря, автор учебников калмыцкого языка для начальных классов калмыцких школ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 3л. Д. 218].

хорошо владеющий калмыцким и русским языками, знающий и умеющий переводить со старой (зая-пандитской) письменности на новый алфавит, умеющий производить записи песен, поговорок, пословиц и др.» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 10. Л. 2].

С 1959 по 1964 гг. Д. С. Бембеев-Сальмин работал младшим научным сотрудником Калмыцкого НИИЯЛИ. Он занимался транслитерацией текстов, написанных на ойратской письменности «тодо бичиг» (‘ясное письмо’), на современный калмыцкий алфавит, выполнял транслитерацию словарей А. М. Позднеева и П. Смирнова³. Дордже Соктунович участвовал в составлении калмыцко-русского словаря (им составлены словарные статьи по буквам: «С», «У», «Ф», «Х», и «Ц» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 12. Л. 4]), им также составлены словарик синонимов и краткий калмыцко-русский словарь.

Исследовательской деятельностью Д. С. Бембеев-Сальмин начал заниматься еще до начала Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Его интересовало устное народное творчество калмыков. В личном фонде сохранились рукописи калмыцких народных пословиц и поговорок, загадок, записанные им за долгие годы поисков источников народной мудрости [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6].

В 1931 г. Д. С. Бембеев-Сальмин записал у чабанов совхоза «Улан Хееч» Центрального улуса Калмыцкой автономной области трехстишия. Материалы, собранные им, вошли в состав архивного дела № 5 «Ойратские триады, записанные им у чабанов совхоза „Улан Хееч“» [НА КалмНЦ РАН. Ф. 10. Оп. 1. Д. 5]. В деле сохранились два варианта записей трехстиший на желтой бумаге (формата А4) и две ученические тетради, в которых записаны пятистишия.

---

³ Смирнов Пармен Андреевич (1824–1886), протоиерей, миссионер, настоятель походно-улусной церкви, переводчик церковных текстов на калмыцкий язык, автор этнографических записок о калмыках и составитель русско-калмыцкого словаря // <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/person/11835/>

В данной статье мы рассмотрим рукописи ойратских трехстиший. Два варианта записей имеют как сходства, так и различия. Автор статьи представляет оба текста в табличной форме.

Сходство:

- тесты напечатаны;
- имеются авторские правки;
- записано по 49 трехстиший;
- начиная с номера 50 тексты трехстиший записаны карандашом, почерк читаемый.

Различия:

– в первом варианте текст рукописи дописан трехстишиями с номера № 50 по № 55; во втором с № 50 по № 66, при этом тексты загадок-триад не совпадают;

– в трехстишии под номерами 14 имеются следующие отличия: в первом варианте — во второй строке написано слово «махн», во втором — «маха»;

– в трехстишии под номерами 35: в первом варианте написаны слова «берк номтин», во втором варианте эти слова зачеркнуты и вписано над строкой слово «амурсана».

– во втором варианте рукописи слово «хурвнтс» написано как «гурвнтс».

Кроме того, во втором варианте текста рукописи над трехстишием написана карандашом тема загадки-триады, например: *хурвн цаһан, хурвн элвгт, хурвн уланиг* и т.д.

Л. 1

Бембеев-Сальмин Д. С.

ӨӨРДИН ЁУРВНТ

Ойратские триады

Цаһан буурл үстэ, цал буурл сахлта көгшэ ачтаһан хойурн ге-
риинь өөр делгсн ширдг деер сууна. Ач көвүнь бортхта өөр эркэсн
хурв кед өгчкэд, — мана өөрд эмтнэ йирн йисн хурвнт бээнэ гидг,

көгшн аав медүлхнтн — гиж келэд цаган мөңгн цокарта һанзднь тэмк нерэд һал кеһэд бэрүлчкэд, өөрнь чөклэд суув.

1 вариант	2 вариант
Л. 1	Л. 5
	Һурвн цаһант келтн! ⁴
Өвгн эклв: 1. Өсч йовхд — шүдн цаһан, Көгшрэд ирхлэ — үсн цаһан, Үкклэ — йасн цаһан.	Өвгн келв: 1. Өсч йовхд — шүдн цаһан, Көгшрэд ирхлэ — үсн цаһан, Үкклэ — йасн цаһан.
	Һурвн көкиг ⁵ .
2. Көкрсн дала йорал уга, Күңклин ухан йорал уга, Күмнэ мууһин мунхг йорал уга.	2. Көкрсн дала йорал уга, Күңклин ухан йорал уга, Күмнэ муугин мунхг йорал уга.
	Һурвн уланиг ⁶ .
3. Сээн залун һанзн улан, Сууж йовх нарна сүүр улан, Жирмэх заһсна живр улан.	3. Сээн залун һанзн улан, Сууж йовх нарна сүүр улан, Жирһмэх заһсна живр улан.
	Һурвн элвгт ⁷ .

⁴ Слова *Һурвн цаһант келтн!* вписаны над строкой.

⁵ Слова *Һурвн көкиг* вписаны над строкой.

⁶ Слова *Һурвн уланиг* вписаны над строкой.

⁷ Слова *Һурвн элвгт* вписаны над строкой.

4. За мүнэ усн элвг, Залхугин амн элвг, Заман үмсн элвг.	4. За мүнэ усн элвг, Залхугин амн элвг, Заман үмсн элвг. Нурвн дүрңчиг ⁸
5. Полин эрг хаврт дүүрң, Өглһин эзнэ хээсн дүүрң, Өнчнэ зовлң дүүрң. 6. Халта хаана зэрлг догшн, Харвхар шуугж йовх бургдин шүүрмгн догш, Хорнь күцсн моһа догшн. 7. Чидлнь чилсн сумн этцн, Чидлнь буурсн этцн, Мөн мууһин седкл этцн.	5. Полин эрг хаврт дүүрң, Өглһин эзнэ хээсн дүүрң, Өнчнэ зовлң дүүрң. 6. Халта хаана зэрлг догшн, Харвхар шуугж йовх харцгин шүүрлһн догш, Хорнь күцсн моһа догшн. 7. Чидлнь чилсн сумн этцн, Чидлнь буурсн этцн, Мөн мууһин седкл этцн.
8. Келн угад белн уга, Өнчнд өргмж уга, Дурн угад нүдн уга. 9. Байна нөр тату, Жорад өөкн тату, Һэргин ухан тату. 10. Урна урл тоста, Малчин амн тоста, Ут толврин ашнь тоста.	8. Келн угад белн уга, Өнчнд өргмж уга, Дурн угад нүдн уга. 9. Байна нөр тату, Жорад өөкн тату, Һэргин ухан тату. 10. Урна урл тоста, Малчин амн тоста, Ут толврин ашнь тоста.
Л. 2	Л. 6
11. Күнклин чееж сарул, Күрисн малта тег сарул, Һазрчд хаалһ сарул. 12. Бух йовсн царас зээлү йов, Гелң йовсн харас зээлү йов, Буру седклтэ күүнэс зээлү йов.	11. Күнклин чееж сарул, Күрисн малта тег сарул, Һазрчд хаалһ сарул. 12. Бух йовсн царас зээлү йов, Гелң йовсн харас зээлү йов, Буру седклтэ күүнэс зээлү йов.

⁸ Слова *Нурвн дүрңчиг* вписаны над строкой.

<p>13. Улан уутиг уудлж төгсэдг уга, Урхан сангас авч төгсэдг уга, Уулин чолуг зөөж төгсэдг уга.</p> <p>14. Теңгс дoльгaлхлaрн көөстө, Му махн буслхлaрн көөстө, Му күүн өдлхлэpн көөстө.</p> <p>15. Хөөнд орсн чон халзу, Хотнд орсн хулхач халзу, Донрсн ноха халзу.</p> <p>16. Уул деер аһар салыкта, Аксг улана гүүдл салыкта, Баһ наснд седкл салыкта.</p> <p>17. Һаха хадрсн һазр ээмшгтэ, Моомрсн малин күш ээмшгтэ, Му күн одлхлaрн ээмшгтэ.</p> <p>18. Далаһин усн йорал уга, Алдр цецнэ ухан йорал уга, Авһара һэргин һэрг йорал уга.</p> <p>19. Куун өнчндөн үкд уга,⁹</p> <p>20. Сээн мөрнд һазр өөрхн, Му седклтин ухан өөрхн, Хулхачин олз өөрхн.</p> <p>21. Жилэс жилв ахлдг, Ламас зам ахлдг, Цолас медрл ахлдг.</p> <p>22. Бичкн холин усн хээр, Хату һартин хээсн хээр, Өөрхн ухатин тоолвр хээр.</p>	<p>13. Улан утиг удиж төгсэдг уга, Урхан сангас авч төгсэдг уга, Уулин чолуг зөөж төгсэдг уга.</p> <p>14. Теңгс долгалхларн көөстө, Му маха буслхларн көстө, Му күүн өдлхлэpн көстө.</p> <p>15. Хөөнд орсн чон халзу, Хотнд орсн хулхач халзу, Донрсн ноха халзу.</p> <p>16. Уул деер аһар салыкта, Аксг улана гүүдл салыкта, Баһ наснд седкл салыкта.</p> <p>17. Һаха хадрсн һазр ээмшгтэ, Моомрсн малин күш ээмшгтэ, Му күн одлхлaрн ээмшгтэ.</p> <p>18. Далаһин усн йорал уга, Алдр цецнэ ухан йорал уга, Авһара һэргин һэрг йорал уга.</p> <p>19. Куун өнчндөн үкд уга¹⁰,</p> <p>20. Сээн мөрнд һазр өөрхн, Му седклтин ухан өөрхн, Хулхачин олз өөрхн.</p> <p>21. Жилэс жилв ахлдг, Ламас зам ахлдг, Цолас медрл ахлдг.</p> <p>22. Бичкн холин усн хээр, Хату һартин хээсн хээр, Өөрхн ухатин тоолвр хээр.</p>
<p>23. Хуучан хатхсн урн, Һартан нольмсн урн, Һалдан ус кесн урн.</p>	<p>23. Хуучан хатхсн урн, Һартан нольмсн урн, Һалдан ус кесн урн.</p>

⁹ Далее текст трехстишия отсутствует.

¹⁰ Далее текст трехстишия отсутствует.

<p>24. Нутган ээлсн нойн бөк, Номарн туурсн номт бөк, Хотан ээлсн хэрг бөк.</p> <p>25. Ар үзгин аһар киитн, Өвргт орсн моһа киитн, Буру седклтин зүркн киитн.</p> <p>26. Нутг төвкнүн болхла, байр, Орж ирсн дээсиг дархла байр, Геедрсн олдхла байр.</p> <p>27. Хахссн назр уснд хандг уга, Хармчин чееж зөөрт хандг уга, Номт сурһульгт хандг уга.</p> <p>28. Хэргин уханд өлдг уга,</p>	<p>24. Нутган ээлсн нойн бөк, Номарн туурсн номт бөк, Хотан ээлсн хэрг бөк.</p> <p>25. Ар үзгин аһар киитн, Өвргт орсн моһа киитн, Буру седклтин зүркн киитн.</p> <p>26. Нутг төвкнүн болхла, байр, Орж ирсн дээсиг дархла байр, Геедрсн олдхла байр.</p> <p>27. Хахссн назр уснд хандг уга, Хармчин чееж зөөрт хандг уга, Номт сурһульгт хандг уга.</p> <p>28. Хэргин уханд өлдг уга,</p>
Л. 3	Л. 7
<p>Ноха һөрүдэн уга, Номтин нерн үкдг уга.</p> <p>29. Көдэһин дүүрә иткдг уга, Жирһлин баран гиж иткдг уга, Зудиг зохсн гиж иткдг уга.</p> <p>30. Цецнә тоолвр ик, Хэргин санан ик, Дөглә герин тоорм ик.</p> <p>31. Үкснә цокцо бор, Һулмтин үмсн бор, Хара санатин седкл бор.</p> <p>32. Далад бүлүр уга, Уулд шат уга, Шовунд көкн уга.</p> <p>33. Дермчин һар бузр, Дегд ховдгин седкл бузр, Кирән кишгт толсна цокц бузр.</p> <p>34. Мууһин тоолвр дунд, Өгрин көдлмш дунд, Күүнә цөсн дунд.</p>	<p>Ноха һөрүдэн уга, Номтин нерн үкдг уга.</p> <p>29. Көдэһин дүүрә иркдг уга, Жирһлин баран гиж иткдг уга, Зудиг зохсх гиж иткдг уга.</p> <p>30. Цецнә тоолвр ик, Хэргин санан ик, Дөглә герин тоорм ик.</p> <p>31. Үкснә цокцо бор, Һулмтин үмсн бор, Хара санатин седкл бор.</p> <p>32. Далад бүлүр уга, Уулд шат уга, Шовунд көкн уга.</p> <p>33. Дермчин һар бузр, Дегд ховдгин седкл бузр, Кирән кишгт толсна цокц бузр.</p> <p>34. Мууһин тоолвр дунд, Өгрин көдлмш дунд, Күүнә цөсн дунд.</p>

35. Туурксн өрлгин нерн мөнк, Алдр цецнэ үүлдвр мөнк, Берк номтин нерн мөнк.	35. Туурксн өрлгин нерн мөнк, Алдр цецнэ үүлдвр мөнк, Амурсана ¹² нерн мөнк.
36. Хаврин салькн хурдн, Хатучин харг өлдг уга, Теңгрин зудт өлдг уга.	36. Хаврин салькн хурдн, Хатучин харг өлдг уга, Теңгрин зудт өлдг уга.
37. Олн үртэ көкш санамр, Олндан күндтэ залу санамр, Омг төрсн харг санамр.	37. Олн үртэ көкш санамр, Олндан күндтэ залу санамр, Омг төрсн харг санамр.
38. Ургтан цадсн нилх цадхлң, Үр сарин тег цадхлң, Үр садан төгөлүлсн көгшө цадхлң.	38. Ургтан цадсн нилх цадхлң, Үр сарин тег цадхлң, Үр садан төгөлүлсн көгшө цадхлң.
39. Ангд арат альвн, Арвн сар болсн бичкн альвн, Арун даалһврта эльч альвн.	39. Ангд арат альвн, Арвн сар болсн бичкн альвн, Арун медрлтэ ¹³ эльч альвн.
40. Күлгин хаалһ тооста, Күүнэ мууһин седкл тооста, Салңг гергнэ гер тооста.	40. Күлгин хаалһ тооста, Күүнэ мууһин седкл тооста, Салңг гергнэ гер тооста.
41. Сээн яста ¹¹ көгшән цокц чанһ, Сээн-каһас йовх эльчин үг чанһ, Сээрсн мууһин үг бас чанһ.	41. Сээнэр көгшрсн көгшән цокц чанһ, Сээн-каһас йовх эльчин үг чанһ, Декшлсн мууһин үг бас чанһ.
42. Му седклтин бээдл шүктр, Хатуч гер дотран шүктр, Бэрлдэнд шүгдсн түмч шүктр .	42. Му седклтин бээдл шүктр, Хатуч гер дотран шүктр, Бэрлдэнд шүгдсн түмч шүктр.
43. Мөн номтин седкл жөөлн, Мөн ухатин хэлэц жөөлн, Мөн мууһин толвр жөөлн.	43. Мөн номтин седкл жөөлн, Мөн ухатин хэлэц жөөлн, Мөн мууһин толвр жөөлн.
44. Мурснд дөң өгсн сээн,	44. Мурснд дөң өгсн сээн,

¹¹ Слово *көгшрсн* зачеркнуто, слово *яста* вписано над строкой.

¹² Слова *Берк номтин* зачеркнуты, слово *Амурсана* вписано над строкой.

¹³ Слово *даалһврта* зачеркнуто, слово *медрлтэ* вписано над строкой.

Л. 4	Л. 8
<p>Сансн санан хурдн, Цецнэ тоолвр хурдн.</p> <p>45. Уул өрлгин заклһн шүрүтэ, Уулин харцгин шүүрлһн шүрүтэ, Уулин барсин дэврлһн шүрүтэ.</p> <p>46. Күүн көгшрхлэрн бурмха, Көглжрң шовун бурмха, Намрин тенгр бурмха.</p> <p>47. Мунхгин ухан көшүн, Му зангтин бээдл көшүн, Му төмн көшүн. Туурснд түшг өгсн сән,¹⁴ Унсиг өргэд босхсн сән.</p> <p>48. Эк эцг уга күүкд өнчн, Эрвэ биш хазрт бээх күн өнчн, Эгл заагт бээх номт өнчн.</p> <p>49. Өмтн хурдг гер йөрэлтэ, Ачнран төгэлүлсн көгшө йөрэлтэ, Йиртмжин төр төвкнүлжэх цецн йөрэлтэ.</p> <p>50. Нолин экн — булг, Модна экн — йозур, Күүнэ экн — наһцнр.</p> <p>51. Тенгрт тулг дуту, Тенгст бүлүр дуту, Һазад далад бүр кэсн дуту.</p> <p>52. Көкн уга шовунд көкн күсл, Үрн уга күүнд үрн күсл, Ном тату сурһульчд ном күсл.</p>	<p>Сансн санан хурдн, Цецнэ тоолвр хурдн.</p> <p>45. Уул өрлгин заклһн шүрүтэ, Уулин харцгин шүүрлһн шүрүтэ, Уулин барсин дэврлһн шүрүтэ.</p> <p>46. Күүн көгшрхлэрн бурмха, Көглжрң шовун бурмха, Намрин тенгр бурмха.</p> <p>47. Мунхгин ухан көшүн, Му зангтин бээдл көшүн, Му төмн көшүн. Туурснд түшг өгсн сән¹⁵, Унсиг өргэд босхсн сән.</p> <p>48. Эк эцг уга күүкд өнчн, Эрвэ биш хазрт бээх күн өнчн, Эгл заагт бээх номт өнчн.</p> <p>49. Өмтн хурдг гер йөрэлтэ, Ачнран төгэлүлсн көгшө йөрэлтэ, Йиртмжин төр төвкнүлжэх цецн йөрэлтэ.</p> <p>50. Уул деер урһсн уласн дүүвр, Урлданд һарч йовх мөрн дүүвр, Угта эцгин көвүн дүүвр.</p> <p>51. Күүн мурхла дээсн оln, Күүн сэрхлэ, иктг оln, Цокц муурад ирхлэ гем оln.</p> <p>52. Уснд йовх онһц мөр уга, Уулин бүргдин нислһнд мөр уга, Уһад, идэд, мекләд йовдгт мөр уга .</p>

¹⁴ Так в документе.

¹⁵ Так в документе.

<p>53. Хөн уга хотн хараңһу, Зул уга өргэ хараңһу, Сургуль уга чееж хараңһу.</p> <p>54. Өрүн һарсн нарн нааран, Седкллэ өксн иньг нааран, Ээж авин санан нааран.</p> <p>55. Үксн күүнэ сүмсн цааран, Саңһаһинь илсн гергн цааран, Зооһинь илсн ноха цааран.</p>	<p>53. Алач махчин седкл хар, Авһара муутн че ж хар, Авч идж дасна ухан хар.</p> <p>54. Көллэ оралдсн моһа жигшүртэ, Хормала наалдсн бузр жигшүртэ, Хар ухарин седкл жигшүртэ.</p> <p>55. Цецн билгрин нерн алдр, Алдршксн өрлшн үүл алдр, Берк медрлрн үүлдвр алдр.</p>
	<p>56. Күнта хаалһ тооста Күүнэ мууһин седкл тооста, Салңг гергнэ гер тооста.</p> <p>57. Укжэхна хэлсц хурц, Харһнжэхин шүдн хурц, Цецн билгтин келн хурц,</p> <p>58. Унэртсн тег байн, Оли күүкдтэ арх байн, Олидан кундтэ залу байн.</p> <p>59. Уулас будн хөөдг уга, Сээнэс үүл хогдг уга, Седкл буснас нүдн хогдг уга.</p> <p>60. Сээн седклин үүлдвр өндр, Арүн номин чинр өндр, Хэр нутган харсачин седкл өндр.</p> <p>61. Далад бүркэсн уга, Үүлд бүслүр уга, Теңгрт тулг уга.</p> <p>62. Сэн санан өндр гидг, Сурһулин чинр өндр гидг, Нутгтан цаасн өндр гидг.</p> <p>63. Көкрсн теңгр йорал уга, Күмни ухан йорал уга, Күүнэ һэрг бас йорал уга гидг.</p>

	<p>64. Хаврин салькн хурдн. Аксаг улана гүүдл хурдн, Көкшн буурлин ухан хурдн.</p> <p>65. Хар бэрлдэнд орсн баатр өөргтэ, Харңһү сө орсн хулхач зөргтэ, Хэрэд һарсн герт зөргтэ.</p> <p>66. Делкэд нерэрн буурсн бату ханалдр, Орс нутган өдлүлсн Петр хан алдар, Делкэд арин төр токтасн үр Ленин алдар.</p>
--	---

В публикуемой рукописи содержатся 72 трехстишия, часть из которых ранее была введена в научный оборот, а другая часть требует перевода текста, его изучения и анализа специалистами-лингвистами. Материал, собранный Д. С. Бембеевым-Сальминым, раскрывает неповторимый колорит и многогранность калмыцкого языка. Он несет в себе мудрость и знания калмыцкого народа, передающиеся из поколения в поколение.

Трехстишия — уникальный поэтический жанр калмыцкого фольклора, обладающий неповторимым национальным своеобразием, заключающий в своих образцах народную мудрость. Фиксация лучших образцов этого жанра и его возрождение — одна из задач фольклористов.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.

Литература

Басангова 2011 — *Басангова Т. Г.* Орчлңгин хурвнтс. Калмыцкие трехстишия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2011.

Басангова 2014 — *Басангова Т. Г.* Из истории изучения и публикации калмыцких народных трехстиший // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (3). С. 94–99.

- Борджанова 1987 — *Борджанова Т. Г.* Орчлнгин хурвнтс. Калмыцкие трехстишия. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987.
- Устиева 2010 — *Устиева И. С.* Жанровая специфика калмыцких народных загадок // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2010. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanrovaya-spetsifika-kalmytskih-narodnyh-zagadok> (дата обращения: 20.12.2020).

УДК 811.512.37.

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-122-140

Тюркские топонимы в языке писем калмыцкого хана Аюки (конец XVII – начало XVIII вв.)

*Дарья Бадмаевна Гедеева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: dgedeeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Гедеева Д. Б., 2020

Аннотация. На сегодняшний день проведен ряд исследований по калмыцкой топонимии, материалами для которых послужили географические карты, историческая и художественная литература, сведения информантов. Однако до сих пор не предпринималась попытка изучить топонимы по материалам архивных документов XVII–XIX вв. (периода функционирования старописьменного калмыцкого языка). Архивные документы, которые имеют точную дату составления, дают ценный лингвистический материал для изучения калмыцких топонимов в диахронии, позволяют изучить процесс фонетической адаптации иноязычных топонимов в калмыцком языке. Старые тексты содержат не только знакомые современному поколению названия, но и забытые, неизвестные калмыцкие топонимы, которые дополняют круг исследуемого материала. Цель данной статьи — выявление топонимов в письмах Аюки хана и их историко-лингвистический анализ. Материалами данной статьи послужили письма Аюки-хана, одного из самых известных правителей Калмыцкого ханства, написанные в период с 1685 г. по 1724 г. представителям российской администрации. Письма хранятся в фондах Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Калмыкия.

Ключевые слова: калмыцкие топонимы, калмыцкие деловые документы XVII–XIX вв., вертикальное письмо, тюркские топонимы в калмыцком языке

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Гедеева Д. Б. Тюркские топонимы в языке писем калмыцкого хана Аюки (конец XVII – начало XVIII вв.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 122–140. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-122-140

UDC 811.512.37.

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-122-140

Turkic place names in the language of letters of the Kalmyk khan Ayuka (late 17th – early 18th centuries)

*Darya B. Gedeeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

E-mail: dgedeeva@mail.ru

Annotation. Currently a number of studies on Kalmyk toponymy have been carried out, materials for which were geographical maps, historical and fictional literature, information from informants. However, until now, no attempt has been made to study toponyms based on materials from archival documents of the 17th – 19th centuries (the period of the old-written Kalmyk language functioning). Archival documents, which have the exact date of compilation, provide valuable linguistic material for the study of Kalmyk place names in diachrony, allow studying the process of phonetic adaptation of foreign language toponyms in the Kalmyk language. Old texts contain not only names familiar to the modern generation, but also forgotten, unknown Kalmyk toponyms, which will complement the range of the studied material. The purpose of this article is to identify place names in the letters of Ayuki Khan and their historical and linguistic analysis. This article is based on the letters of Ayuki Khan, one of the most famous rulers of the Kalmyk Khanate, written in

the period from 1685 to 1724 to representatives of the Russian administration. The letters are kept in the funds of the Russian State Archive of Ancient Acts and the National Archives of the Republic of Kalmykia.

Keywords: Kalmyk place names, Kalmyk business documents of the 17th – 19th centuries, vertical writing, Turkic place names in the Kalmyk language

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross- Border Traditions and Interactions” (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Gedeeva D. B. Turkic place names in the language of letters of the Kalmyk khan Ayuka (late 17th – early 18th centuries). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 122–140. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-122-140

Калмыцкие топонимы всегда были предметом изучения лингвистов, и к настоящему времени опубликовано немало трудов, посвященных региональной топонимии. Исследователями проведена работа по систематизации и описанию топонимии Республики Калмыкии, рассмотрена ее региональная специфика, выявлены способы словообразования, составлены и опубликованы топонимические словари [Очир-Гаряев 1976; Монраев 2017; Корсункиев 1983; Борисенко 1983; Хонинов 2010; Кичикова 2015; Манджиева, Кичикова 1983; Гедеева и др. 2019].

Материалом для такой большой исследовательской работы служили географические карты, историческая и художественная литература, сведения информантов. Однако до сих пор учеными не привлекались в качестве материала старописьменные тексты, в частности калмыцкие архивные документы XVII–XIX вв., которые позволили бы изучить калмыцкую топонимическую систему в диахроническом аспекте. В этой связи нами сделана попытка выявить калмыцкие топонимы в деловых старописьменных текстах и ввести их в научный оборот.

Материалом для данной статьи послужили письма Аюки-хана, одного из самых известных правителей Калмыцкого ханства. Его письма, адресованные представителям российской админи-

страции, хранятся в фондах Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Калмыкия.

Была проведена выборка географических названий из 180 писем хана, написанных в период с 1685 г. по 1724 г. Письма разных лет отличаются разными объемом и содержанием. Ранние письма, направленные столичным представителям российской власти, содержат больше информации, нежели письма, адресованные администрации Астрахани, где находился государственный орган «Калмыцкие дела», осуществляющий контроль за действиями калмыков. Письма Аюки-хана астраханцам отличаются краткостью, лаконичностью изложения сути письма, часто носят требовательный характер, когда речь идет о ежегодном государевом жаловании, которое часто задерживалось и не выдавалось вовремя. В период правления Аюки-хана отношения между калмыками и российским государством основывались на взаимных договорах, поэтому их нарушения с российской стороны отражались в тональности ханских писем.

По причине своей краткости большая часть писем Аюки-хана не содержат такого богатого лексического материала, как письма последующих калмыцких правителей, когда российское государство уже полностью контролировало жизнь калмыцкого общества и в письмах обсуждались проблемы во всех сферах его жизни. Тем не менее такие лексические группы, как названия продуктов питания, военная лексика, топонимы, этнонимы, антропонимы, русские заимствования часто встречаются в письмах хана Аюки и, несомненно, представляют собой важный объект исследования.

В ходе выявления названий географических объектов в письмах Аюки-хана мы обнаружили, что большей частью в них упоминаются русские и тюркские названия, находящиеся за пределами калмыцких кочевий. Это связано с тем, что в переписке с российской администрацией ханом обсуждались вопросы военных действий, политических событий, торговли с соседними регионами и т. д., т. е. проблемы российского и международного характера.

Письма написаны на калмыцком языке национальным вертикальным письмом, поэтому они сопровождаются русскими пере-

водами, которые были составлены для адресатов, представителей российской власти. Это большая удача для исследователей, поскольку в переводах даются официальные названия городов и рек, соответствующие калмыцким топонимам, упоминающимся в письмах.

Анализ калмыцких топонимов в статье сопровождается примерами из текстов, которым дается перевод, осуществленный автором статьи. Имеющийся русский текст часто передает общий смысл большого абзаца, и не всегда дает точный перевод короткого предложения.

Основная часть названий, встречающихся в письмах, это гидронимы — названия водных объектов, в данном случае рек, и ойконимы — названия населенных пунктов.

Названия рек — самый консервативный элемент топонимии, причем крупные реки имеют более древние названия.

В письмах упоминаются известные реки *ejl* ‘Волга’, *zai* ‘Яик’, *ter* ‘Терек’, *teng* ‘Дон’, протекающие по территории юга России.

ejl (Ижл) — р. Волга

Как известно, в XVIII в. калмыки кочевали по обе стороны Волги от Астрахани до Самары. Поэтому не удивительно, что данный гидроним часто встречается в письмах хана. Название реки *ejl* представляет собой тюркское наименование, которое претерпело фонетическую адаптацию в калмыцком языке. Крупнейшая в мире река Волга, протекающая по европейской части России и впадающая в Каспийское море, имела и до сих пор имеет как русское название, так и тюркское, которое ей дали проживающие по ее берегам народы (казахское — *Едиль*, татарское — *Идел*, чувашское — *Этел*, *Атал*, башкирское — *Идель*). Оба названия имеют древнее происхождение, о чем немало писали исследователи. Так, в арабских источниках IX в. река именуется *Ателью* — «рекой рек, великой рекой». Из письменных источников средневековых авторов X в. известно о реке Итиль и одноименной столице Хазарского каганата, расположившейся в низовьях реки Волги (Итиля) [Пачкалов 2018: 11]. По поводу на-

звания Волга имеется предположение, что оно появилось в эпоху неолита [Поспелов 2003: 99].

В рассматриваемых текстах гидроним встретился в основном в глагольных словосочетаниях: *ejl-dü oröd* ‘спустившись к реке’, *ejildü buulÿäd* ‘расположившись у реки’, *ejl yatuluuya* ‘переправимся через Волгу’, *ejlër yabuqsan (ongÿoco)* ‘плывущие по Волге (лодки)’, *ejildü öböso xadaxu* ‘косить сено у Волги’ и др.: *dëdüki orus biçiqtei tamagatai ejil yatuluuya geküne gatulyaxu bişi..* ‘Верховые русские не разрешают нам даже с письмом с печатью переправиться через Волгу’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 184об.], *ejlër yabuqsan ongÿoco şüügüüli abunai töüni mani öküülüüite. xoyino abxuyini uuruuluuta..* ‘Проходящие по Волге лодки забирают наши сети. Заставьте вернуть их нам. Заставьте их прекратить в будущем забирать’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 184об.] и др.

В именных словосочетаниях гидроним обычно употребляется со словом *orus (oros, oruşi)* ‘русские’: *ejiliyin oroşi yangxala kürtele xaruulân sayitur xaruulji mandu zanggi öqçi bayıqtun* ‘Пусть волжские русские хорошо держат караулы до самого Янхал (Черного Яра). Периодически сообщайте нам новости’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 86об.]; *ö:dö uruu yabuqsan bayarmuud ejiliyin orus xalmiq köböü köükei mani kitad muxulai giyimani aba:d kiris zöülgebe bida ge:d ökü bişi..* ‘Бояре, проезжающие вверх и вниз, волжские русские забирают наших мальчиков и девочек, холопов и не отдают, говорят, что их уже окрестили’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 111об.].

xongÿor ejil (Хоңһр Ижл) — Енотаевский остров

Дважды гидроним *ejil* встречается в составе топонима *xongÿor ejil* соответствующий русскому топониму Енотаевский остров: *kezënei xongÿor ejildü bida öbösu xadadaq belei.. odö ta yeke caÿân xân-du biçiq ilgeji urdukidu adali öbösu xadaji bayıqtun.. serkesiyin balÿasunasa ene übülër öbösu ilgeji bayıqtun.. xourân xongÿor ejilëse abçi bayin bida* ‘Раньше мы тоже косили сено в Хонгор Иджл (Енотаевском острове). Сейчас отправьте Великому Белому хану письмо [с просьбой], чтобы мы косили сено как прежде. В эту зиму

присылайте сено из Серкес городка (Красного Яра). В будущем мы будем брать в Хонгор Иджиле (Енотаевском острове)’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 262об.].

Калмыцкое название, возможно, имеет как казахское происхождение, например, от *Қоңыр Еділ* ‘коричневая Волга’, так и от калмыцкого слова *хоңыр*, означающего масть коня, имеющего желтоватый оттенок. Поэтому, возможно, это и калмыцкое название.

zai (Зә) — р. Яик

В письмах часто упоминается река Яик, протекающая по территории России и Казахстана и впадающая в Каспийское море. В 1775 г. после исторических событий, связанных с восстанием крестьян под предводительством Степана Разина, Екатерина II, чтобы стереть память об этих событиях, велела переименовать реку Яик в Урал. Но у тюркских народов она продолжает называться по-старому: ног. *Яйык*; башк. *Яйык* и каз. *Жайық* со значением ‘затопляющий, разливающийся’. В современном калмыцком языке гидроним также остался в старом его тюркском названии, произносится как *Зә*. В письменном языке XVII–XVIII вв. пишется как *zai*.

В письмах гидроним часто употребляется в словосочетании *zayigiyin xazaq* ‘яицкие казаки’: *zayigiyin xazaγāsa xazaq γarčī geji ülü bayınu ta* ‘Вы говорите, что из яицких казаков выступили казаки, не так ли’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 26]; *elči möngkö tömör zayigiyin xazaq baslai talmaš dörböülen* .. ‘Посыльный Мёнк, Темир, уральский казак Басла, толмач четвером’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 55].

zayigiyin üyisüq (Зәэгин Үүсә) — Гурьев городок (г. Атырау)

Гидроним *zai* встречается в составе калмыцкого названия крепостного городка Гурьева *zayigiyin üyisüq*. Городок был построен в 1640 г., на месте впадения Яика в Каспийское море. До XIX в. его именовали Нижним Яицким городком, реже Усть-Яицким городком. В XIX в. он стал именоваться Гурьевым в честь его основатель-лей купца Гурия Назарьева и его сыновей¹.

¹ Атырау [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Атырау> (дата обращения: 15.09.2020).

Калмыцкое название *zayigiyin üyisüq* можно перевести как ‘устье Яика’, если предположить, что слово *üyisüq*, которого нет в калмыцком языке, является искаженным русским словом устье. Вероятно, калмыцкое название передает смысл ойконима Усть-Яицк. В 1991 г. городу было возвращено старое название Атырау, которое также передает его географическое местоположение. Так, в словаре Э. М. Мурзаева о термине *атрау* написано: «изрезанное побережье большого озера или моря с многочисленными заливами, островками и дельтами с их устьевыми концами речных рукавов и наносных кос, отмелей; дельта (казах.)» [Мурзаев 1984: 8]. Название в письмах встретилось один раз: *zayigiyin üyisüqtü manai mengli gedeg türküme bariji genei töüni ötör malbi geji üyisüq-tü biçiji talbiului ta* ‘Говорят, что в Зайгин Уусюг (Усть-Яицке) задержали нашего туркмена по имени Менгли. Напишите письмо в Уусюг (Усть-Яицк) с требованием срочно его выпустить’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 12. Л. 176об.].

ter (Тер) — р. Терек, Терский городок

Река Терек протекает по территориям двух государств: Грузии и Российской Федерации. Впадает в Аграханский залив и Каспийское море. Одна из наиболее вероятных версий этимологии гидронима Терек восходит к др.-тюркскому (хунно-булгар.) термину со значением ‘родник, ручей, источник’ [Поспелов 2003: 282].

В письмах Аюки-хана гидроним встречается в форме *ter* как название Терского городка на берегу реки, существовавшего в течение XVI–XVIII вв. Административно он относился к Астрахани. Представлял собой успешный городок, куда сходились многие торговые пути.

В письмах этот топоним часто встречается в сочетании со словами *mangyud* ‘татарин’, *bayar* ‘боярин’: *teriyin mangyudāsa yurban küü bariji bayiji zurgān mingyan tengge yurban mori abči töüni öküül* ‘Из терских татар задержали трех человек, забрали шесть тысяч тенге и трех лошадей. Заставь их вернуть’ [НАРК. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 64]; *teriyin bayartu adil gereyitei inaq bayiqtuyn geji biçiji ilgeyitē*: ‘Прошу послать письмо Терскому боярину чтобы он жил в дружбе с Адил Гереем’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 51об.].

Teng (Тең) — Дон

Река Дон протекает по европейской части России и впадает в Азовское море. Практически все специалисты относят этот гидроним к иранским языкам и связывают с осетинским словом *дон* ‘вода’, тем самым с более древним периодом развития иранских языков — сарматским и скифским [Крюкова, Супрун 2004: 77].

Гидроним *teng*, употребляемый в калмыцком языке, на самом деле является тюркским названием реки Дон [Рамстедт 1935: 392]. В письмах Аюки-хана гидроним часто употребляется в форме родительного падежа — *tenggiyin* ‘принадлежащий Дону, донской’ в словосочетаниях со словом *xazaq* ‘казак’: *tenggiyin xazaq oduqsan xalimagiymani ögüye geji sa:tuula:d ökü bişi* ‘Донские казаки обещают отдать нам наших ушедших калмыков и не отдают’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 111об.]; *ayidarxani ceriq yurban sayin küüteigi ögüqtün.. tenggiyin xazaq-giyin ceriq öqüqtün.. xobon-du yabuya* ‘Пришлите нам астраханское войско с тремя командирами, пришлите донских казаков. Пойдем на Кубань’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 4. Л. 77].

ayidarxan (Әәдрхн) — Астрахань

Частое упоминание (115 раз в рассмотренных письмах) города в письмах Аюки объясняется тем, что в Астрахани располагался исполнительный административный орган — Калмыцкие дела, обязанностью которого была контрольно-надзорная деятельность по отношению к калмыкам. В первое время это был надзор за внешними связями калмыков, а позднее и во всех сферах жизни калмыков. Руководитель его, назначенный Коллегией иностранных дел, подчинялся астраханскому губернатору. Иногда обязанности руководителя Калмыцких дел исполнял губернатор [Батмаев 1987: 44].

Письма Аюки, адресованные городской администрации, начинаются с дежурных приветственных фраз, в которых присутствует название города в форме родительного падежа в значении ‘астраханский’ со словами *bayar* ‘боярин’ и *kinas* ‘князь’: *a yu ka xān ende bida бүгүдәр мөндү .. ayidarxani bayar tende бүгүдәр мөндү beyize*

‘Аюка-хан здесь мы со всеми здоровы. Надеюсь, что астраханский боярин там со всеми здоров’; *a yu ka xān ende bida bügüdēr mendü.. ai darxani kinas tende mendü biyize* ‘Аюка-хан здесь со всеми здоров. Надеюсь, что астраханский князь там со всеми здоров’.

Название пишется в нескольких вариантах: *ayidarxan, ayi darxan, ai darxan, ayidar xan: ā yu kha xān ende bida mendü.. tende ayidarxani bayar mixāli liyicü mendü beyize..* ‘Аюка-хан здесь мы здоровы. И там астраханский боярин Михаил Ильич, надеюсь, здоров’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 196]; *a yu kha xān.. ayi darxani bayar-tu bičiq öqbō* ‘Аюка-хан астраханскому боярину письмо подал’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 150об.]; *ayouke xān ende bida mendü .. tende ayidar xani kinas mendü beyize* ‘Аюка-хан здесь мы здоровы. Надеюсь, что и там астраханский князь’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 84об.].

Судя по почеркам, у Аюки-хана были разные писцы, и, вероятно, в зависимости от того, какая легенда о происхождении названия писцу была ближе, так он ее и отражал в письме.

Название города впервые упоминается в арабских источниках как Хаджи Тархан ‘паломник, освобожденный от повинностей’. Эта версия считается наиболее обоснованной, поскольку археологами найдены в разных городищах золотоордынские монеты XIV–XV вв., на которых чётко читается место чеканки — город Хаджи-Тархан [Зайцев 2004: 12].

Более поздние тюркские варианты — *Ачтархан, Астархан, Астаркан, Астрахань* — появились в текстах впервые в XVII в. [Поспелов 2003: 64].

В рассматриваемых письмах ойконим часто употребляется в словосочетаниях *ayidarxani xazaq* ‘астраханские казаки’, *ayidarxani isterlči* ‘астраханские стрельцы’, *ayidarxani elči* ‘астраханский посланец’, *ayidarxani bödöün sayidud* ‘астраханские высокопоставленные чиновники’, *ayidarxani mangyud* ‘астраханские татары’, *ayidarxani ceriq* ‘астраханское войско’, *ayidarxani oros* ‘астраханские русские’: *ayidarxani xazaq bolxudu nege xoton köböün oryoji ireji* ‘Когда забирали в казачество один юноша хотон сбежал сюда’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 114об.]; *töüni ügeyini neng itegeltei*

biši.. tiyimiyini ayidarxani oros mangyud medekü čigi biyiza ‘астраханские русские и татары, надеюсь, знают, что его слова не внушают доверия’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 13. Л. 38об.]

azou (Азу) — г. Азов

Город Азов Ростовской области в историческом прошлом представлял собой Азовскую крепость, построенную в устье реки Дон. Этимология названия восходит к тюрк. *азак* ‘устье реки’. Со временем исходное название перешло в Азау. В русском языке оно адаптировалось в Азов [Поспелов 2003: 55]. Калмыки называли его тюркским названием *azou* (Азу): *xaram azou-du adou touba elči:n ilgebe genei ta.. xaram azou-du adou touqsani učirni* ‘Вы говорите, что мы погнали табун в Азов и отправили туда своего посылного. Причина того, что мы погнали табун, такова’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 15]. В истории калмыков город известен как крепость, которую они брали у турков вместе с русской армией во главе с Петром I. Однако и до этих событий калмыки имели торговую и дипломатическую связь с турецким Азовом [Тепкеев 2018: 105–106].

axaš (Ахи) — г. Царицын (г. Волгоград)

Населенный пункт возник в 1555 г. на волжском острове. Затем был перенесен на правый берег Волги при впадении р. Царица, от которой получил название. Как острог Царицын упоминается в исторических материалах в 1589 г. Предполагается, что гидроним Царица имеет тюркское происхождение от *sary su* ‘желтая вода’ [Поспелов 2003: 100]. Имеется также предположение, что название крепости произошло от своего первоначального местонахождения — острова *Sary Čin* (тюрк.) ‘желтый остров’ [Долгачев 1986].

В калмыцком языке XVIII в. город называется *axaš: axašiyin baris tani bičiq abči irebe* ‘Царицынский Борис привез Ваше письмо’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 142]; *xān tan axašiyin bayartu bičiq öqbö bičigiyin učir* ‘Ханское сиятельство подал письмо царицынскому боярину. Суть письма’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 12. Л. 247].

Калмыцкое название города обычно объясняют как перевод слова *царица*. Однако слово *царица* в калмыцком языке XVIII в. имеет лексическую форму *ауа*, поэтому, на наш взгляд, по поводу калмыцкого названия города с основой *аха* предстоит еще провести исследование.

хазан (Хазн) — Казань

В письмах часто упоминается город Казань. Это объясняется тем, что до 1717 г. в составе Казанской губернии находилась Астрахань, и соответственно административный орган «Калмыцкие дела», находившийся в городе, был на контроле казанской администрации.

О происхождении названия столицы Татарстана написано немало трудов. Популярными являются версии, выводящие названия из разных языков, связанные со значениями ‘котел’, ‘изгиб реки’, ‘названия племени’, имени человека и др. [Поспелов 2003: 143; Добродомов, Кучкин 1989: 433].

В орфографии письменного калмыцкого языка XVII–XIX вв. функционирует строгое фонетическое правило, при котором согласный к не может образовать слог с гласными заднего ряда *а, о, и*. Это правило отражает нормы устной речи и иноязычные слова со слогом *ка, ко, ку* переходят в *ха, хо, ху*.

Так, ойконим Казань в текстах передается словом *хазан*, *Камышин* — *хатисин*, *Кубань* — *хобон*, *Крым* — *харам*. Это же правило соблюдается в таких этнонимах, как казак — *хазар*, *казах* — *хасар*, *кара калпак* — *хара халбар* и т. д.

Ойконим часто упоминается по случаю отправленных казанскому боярину писем: *хазани байар-ту илгеқсен биçиқ-тен.. иреқсен болхуна манду өгүіqtün* ‘Если пришел ответ на Ваше письмо казанскому боярину, то пришлите [его] нам’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 8об.]; *хазани байарту биçиқ илгеји. олон болхуна түмен дунда болхуна долон найиман минған. сөн болхуна дөрбон табун минған моритои чериқ. саған хан-ду.. медүүлји мөсони урда өтөр илгейте геји хоқду күү өтөр илге..* ‘Пошли срочно человека с письмом к казанскому боярину с просьбой, чтобы срочно прислал ко мне до льда

самое большое — десять тысяч, в среднем — семь–восемь тысяч, самое малое количество — четыре–пять тысяч конного войска, сообщив об этом Белому хану’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 123об.].

obo (Ова) — Уфа

Столица Башкортостана г. Уфа часто встречается в письмах Аюки-хана в калмыцкой форме *obo*.

Город Уфа основан в 1574 г. для собирания ясака с башкир, получил свое название от тюркского *убэ, уба* ‘холм, курган’ [Сергеев 1876: 349].

Название реки Уфа на языке местных жителей произносилось в форме *Өнө* или *Өнэ*. Эти и их твердые сингармоничные формы *оно, она* у древних тюрков и монголов означали ‘место ритуального жертвоприношения’ [Каримов, Хабибов 2014: 580]. Это объясняет употребление названия города в калмыцком фонетическом варианте. В калмыцком языке действительно имеется слово *обō (ова)*, которое означает рукотворную насыпь из камней на высоком месте, на холме, возвышенности, у которого совершаются жертвоприношения местным духам.

В рассматриваемых текстах название города встречается по поводу вопроса о возврате угнанных башкирами лошадей и другого скота. Ойконим часто употребляется в словосочетаниях *oboyin bayar* ‘уфимский боярин’, *oboyin ešteq* ‘уфимские башкиры’: *obuyin bayar-tu elči ilgeji adougi mani büte:ji ögüqtün..* ‘Пошлите уфимскому боярину посланца, чтобы нам до конца выдали наших лошадей’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 3]; *oboyin ešteq tabun keseq adou aba urda zou ʧarun adou nige aba jiran mori nige aba arban zurʧa:n mori nige aba ene jil-dü xoyor zoun ʧarun adou aba..* ‘Уфимские башкиры забрали пять табунов. Прошлым летом забрали за один раз более ста лошадей, еще за один раз шестьдесят лошадей, еще шестнадцать лошадей за один раз. В этом году забрали свыше двухсот лошадей’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 3].

samar (Самр) — г. Самара

В письмах хана также упоминается город Самара. Калмыки с разрешения русского царя торговали в поволжских крепостях, в

том числе и в Самаре. Название города в письмах употребляется с тюркским термином *xalā*, что означает ‘крепость’ (ср.: казах. *Қала*, башк. Кала, чув. *Хула*): *oboyigi dobtulji bayinai geji ta.. obo xalāsa yaqca dāya abuqsani üne xudaliyini ayidarxan zayigin xazaq samar xala bügüdēr medekü* ‘Вы говорите о том, что мы напали на Уфу. Напали только для того, чтобы отомстить крепости Уфа. Правду от этом знают все: астраханские и яицкие казаки, крепость Самара’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 5. Л. 5].

О географическом термине *кала* (*xala*) писал Э. М. Мурзаев: «Кала — крепость, укрепленное место, замок, город, селение. Слово очень широко распространено в тюркских, иранских, арабском языках от берегов Атлантического океана до Индостана» [Мурзаев 1982: 59]. Использование ойконима с термином *xalā* наталкивает на мысль, что название города имеет тюркское происхождение. Поселение было основано по указу царя Фёдора Ивановича в 1586 г. как сторожевая крепость Самарский городок, название которой произошло от реки Самары. Поскольку это произошло после завоевания Казанского ханства в 1552 г. и Астраханского ханства в 1556 г., то логично предположить, что название реки имело тюркское название. Имеется немало предположений об этимологии гидронима. М. Фасмер, например, допускал, что гидроним мог произойти «от чагат. *samar* мешок, кирг. *samar* таз, кувшин» [Фасмер 1971: 552], вероятно, предполагая, что так могли эти народы говорить об излучине. О. Т. Молчанова ко всем имеющимся этимологиям добавляет монгольскую гипотезу: *samar* — кедровые орехи; ореховый [Молчанова 1979: 281].

***serkes* (Серкс, Шерки) — с. Красный Яр**

В письмах речь идет о населенном пункте Красный Яр, расположенном в Астраханской области, который был заложен в 1667 г. как крепость на высоком берегу р. Бузана у впадения в нее реки Ахтубы. Строительство его связано с крестьянским восстанием Степана Разина. Калмыцкое название *serkes* этого городка, на самом деле имеет тюркское происхождение, означающее, вероятно, род казахов Серкес (Шеркеш), входивший в состав Младшего

жуза, который проживал когда-то на данной территории. По некоторым данным, этот род имеет ногайское происхождение. Название могло исходить как от калмыков, так и от самих жителей этого городка.

В рассмотренных нами письмах этот городок упоминается в связи с необходимостью прислать калмыкам на зиму сено и овес: *mandu suli yeke kereqtei ali oldoxōrni ögüqtün. ögüqçi suli:n serkes dēre tabıqtun..* ‘Нам очень нужен овес. Как найдете, пришлите. Овес оставьте в Красном Яре.’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 180, 161, 127об.]; *serkesiyin balyasunasa ene übüle:r öbösi ilgeji bayıqtun..* ‘Из Красного Яра этой зимой присылайте сено’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 262об.]; *urdaki ögüqsen öbösin sulitani baraqdaba öbösin suli ali yeke bolxōrni ögöqtün.. öbösiyigi ta šerkešēse abči geji beleı ta.. öbösin baraqdaba geji ököñ uuraba* ‘Сено и овес, которые вы давали раньше уже закончились. Как можно больше пришлите сена и овса. Вы говорили, чтобы сено мы брали в Серкесе (Красном Яре). Они говорят, что сено закончилось, и перестали его нам давать’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 17].

šara tou (Шарту) — Саратов

Город был основан в конце XVI в. как крепость для охраны южных границ Русского государства. Имеется несколько гипотез о происхождении названия города, однако доминирующим является предположение, что название произошло от тюркского *šara tau* ‘желтая гора’ [Поспелов 2002: 252].

В калмыцких письмах употребляется его тюркская форма *šara tou* (совр. Шарту). Этот город упоминается в письмах хана, поскольку г. Саратов находился в зоне кочевий калмыков: *šara tou šara xamis xoyoulayın zabsara:r gatulganayibida.* ‘А будем мы переправлять [людей] между Шарту (Саратовом) и Сара Хамис (Камышином)’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 5].

šara xamis (Шар Хамис) — г. Камышин

Город расположен на берегу Волги в Волгоградской области. Первоначальные названия Петровский, затем Дмитриевск. В 1780 г. Екатериной II переименован в Камышин. Название это

сохранилось до настоящего времени. Однако название Камышин употребляется еще в письмах Аюки-хана в начале XVIII в. Калмыцкое название городка *šara xamis*, вероятно, передает его тюркское название, что означает «желтый камыш». Ср.: *sary qamys* (казах.), *sary камыш* (кирг.), *sarı qamış* (азерб.), *sаръ хәмәш* (чув.).

Окрестности городка в период хана Аюки были территорией кочевий калмыков, также в определенные годы местом военных событий, поэтому неудивительно, что название города встречается в письмах хана: *tere talki ulusa: na:ru yatulyanayibida šara tou šara xamis xoyoulayin zabsara:r gatulganayibida.. ongγoco cuqluulji ögüqtün ali olon bolxo:rni..* ‘Мы будем переправляться на эту сторону вместе с теми, кто находится на той стороне. А будем переправляться между Шарату (Саратовым) и Шара Хамис (Камышином). Соберите и пришлите как можно больше лодок’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 15]; *tenggiyin hazagiyin aduugi šara xamisai isbürke gedeq küün ezeteyini ireji abulai* ‘Табун донских казаков пришел и забрал человек из Шар Хамиса (Камышина) вместе с их хозяином’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 137об.].

***yangxal* (Янхл) — Черный Яр**

Этот населенный пункт был основан как Черноярский Новый острог на берегу Волги в 1627 г. для защиты речного торгового пути [Поспелов 2003: 315]. В калмыцких письмах он упоминается под названием *yangxal* ‘новый город, новая крепость’, которое дали ему ногайцы: *yangxala kürtele xaruulān sayituur xaruulji mandu zanggi öqči bayigtun* ‘До Янхал (Черного Яра) установите хорошие караулы и оповещайте нас [обо всем]’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 86об.]; *mandu ögüdeq mingyan tabun zoun ide:gi de:düki oroso:so abtuγai geji kelöülji üli bayinu ta yang xala:sa abuya bida elči bičiγe:n ögüqtün* ‘Нам передали, чтобы продукты на тысячу пятьсот мы взяли у верхних русских, не так ли. Будем брать в Янхал (Черном Яре). Пришлите [по этому поводу] человека с письменным распоряжением’ [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 275об.]; *manai yangxaladu orγoγi oroqson aq totoi gedeq mangγud küükün tandu kiris ügei bayinai genei töüni ögüγite mandū* ‘сбежавшая от нас в Янхал (Черный Яр)

татарка по имени Ак Тотой, говорят, находится у вас некрещеная, отдайте нам ее' [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 44об.].

Все рассмотренные нами географические названия из писем Аюки-хана представляют собой гидронимы и ойконимы тех территорий, по которым проходили кочевья калмыков.

Имеющиеся исследования свидетельствуют о том, что рассмотренные топонимы имеют тюркское происхождение, существовавшее еще до прихода калмыков на территорию восточной Европы.

В процессе политических, военных и торговых контактов тюркские названия активно употреблялись в калмыцком языке, претерпевая при этом в фонетическую адаптацию: Казань — *hazan*, Камышин — *hamis*, Уфа (*Өнә, Өнә, Оно, Она*) — *Ова*, Саратов (*Сарытау*) — *Шарту*.

Письма хана свидетельствуют о том, что калмыки пользовались в своей речи не официальными русскими названиями, а традиционными тюркскими: *yanxal* (Черный Яр), *serkes* (Красный Яр), *axaš* (Царицын), *zayigiyin üyisüq* (Гурьев), *ejl* (Волга), что указывает на их постоянные контакты с тюркскими народами.

Литература

- Ramstedt 1935 — *Ramstedt G.* Kalmukisches Wotrerbuch. Helsinki, 1935. 560 s.
- Батмаев 1987 — *Батмаев М. М.* Документальные материалы архивного фонда «Состоящий при Калмыцких делах при астраханском губернаторе» как источник по истории калмыцкого ханства // Малоисследованные источники по истории дореволюционной Калмыкии и задачи их изучения на современном этапе. Элиста, 1987. С. 43–56.
- Борисенко 1983 — *Борисенко И. В.* Топонимы Ергеней (дореволюционный период) // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1983. С. 35–51.
- Гедеева, Убушиева, Лиджиева, Баринова 2019 — *Гедеева Д. Б., Убушиева Б. Э., Лиджиева Л. А., Баринова Б. В.* Словарь топонимов Республики Калмыкия. Элиста, 2019. 343 с.
- Добродомов, Кучкин 1989 — *Добродомов И. Г., Кучкин В. А.* «Казанская история» и основание Казани // Герменевтика древнерусской литературы. № 1. М.: ИМЛИ РАН, 1989. С. 430–479.

- Долгачев 1986 — *Долгачев И. Г.* Язык земли родного края. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1986. 142 с.
- Зайцев 2004 — *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. М.: Вост. лит., 2004. 282 с.
- Каримов, Хабибов 2014 — *Каримов С. Г., Хабибов Л. Г.* К вопросу о происхождении названия города Уфы // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 2. С. 577–581.
- Кичикова 2015 — *Кичикова Н. А.* Тюркизмы в топонимии Юга России (на примере топонимов Республики) // Сталинградская гвоздика. Города-побратимы — символ совместного наследия. Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов И. Л., 2015. С. 300–304.
- Кичикова, Манджиева, Супрун 2017 — *Кичикова Н. А., Манджиева Э. Б., Супрун В. И.* Топонимический словарь Республики Калмыкия. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2017. 272 с.
- Корсункиев 1983 — *Корсункиев Ц. К.* Топонимия Яшкульского района // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИФЭ, 1983. С. 57–72.
- Крюкова, Супрун 1984 — *Крюкова И. В., Супрун В. И.* К историко-лингвистическому изучению донской гидронимии // Вопросы ономастики. № 1. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2004. С. 75–85.
- Манджиева, Кичикова 1983 — *Манджиева Э. Б., Кичикова Н. А.* Топонимы Юга России калмыцкого происхождения как результат межъязыковой коммуникации // Русский язык и культура в зеркале перевода. М.: Высшая школа перевода (факультет) МГУ им. М. В. Ломоносова. № 1. 2017. С. 295–302.
- Молчанова 1979 — *Молчанова О. Т.* Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства. 1979. 397 с.
- Монраев 2017 — *Монраев М. У.* Топонимия Калмыкии. Элиста: Изд-во Калмыцкого университета, 2017. 140 с.
- Мурзаев 1984 — *Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 466 с.
- Мурзаев 1982 — *Мурзаев Э. М.* География в названиях. Изд. 2-е, переработанное, дополненное. М.: Наука, 1982. 176 с.
- Нурмагамбетов 1984 — *Нурмагамбетов А. Н.* О казахских этнонимах адай и шеркес // Тюркская ономастика. Алма-Ата: Наука, 1984. С. 89–96.

- Очир-Горяев 1976 — *Очир-Гаряев В. Э.* Калмыцкие названия колодцев // Ономастика Поволжья. Труды IV Поволжской конференции по ономастике. Саранск, 1976. С. 266–268.
- Пачкалов 2018 — *Пачкалов А. В.* Средневековые города Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. М.: Издательство «КноРус», 2018. 180 с.
- Поспелов 2003 — *Поспелов Е. М.* Географические названия России. М.: Книжная лавка, 2003. 348 с.
- Сергеев 1876 — *Сергеев А. Н.* Опыт объяснения названий русских городов и селений. // Древняя и новая Россия. 1876. № 8. С. 343–361.
- Тепкеев 2018 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 358 с.
- Фасмер 1971 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Том III (Муза — Сят). М.: Прогресс. 1971. 827 с.
- Хонинов 2010 — *Хонинов В. Н.* Калмыцкая топонимия: лингвокультурологический аспект. М., 2010. 160 с.

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-141-165

Алтайн «Жангар»-ын уламжлалын тухай болон түүний холбогдох зарим асуудлууд (= О традиции «Джангара» у алтайских народов)

Тая Даван¹

¹ Университет Внутренней Монголии (д. 234, ул. Западная
Университетская, 010021 Хух-Хото, Китай)
доктор филологических наук, профессор
E-mail: dawataya2009@qq.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Тая Даван, 2020

Аннотация. Алтайские героические сказания представляют собой своеобразное и многостадийное явление, в числе которых сказание «Жангар» занимает свое достойное место. Исследователям ойратского эпоса «Джангар» было известно, что в том или ином виде «Джангар» бытовал не только у ойратов Китая и Монголии, калмыков России, но и у тюркоязычных тувинцев, алтайцев и сарт-калмыков. Однако помимо публикаций сведений на эту тему, сами тексты этих сказаний не были опубликованы. Одной из интересных проблем современного эпосоведения является традиция бытования и исполнительское мастерство алтайского эпоса «Жангар». Известно, что сказание было записано Т. Б. Шинжиным в период с 1977 г. по 1980 г. у талантливого алтайского сказителя-кайчи Н. К. Ялатова. Текст алтайского эпоса «Жангар» составил три тома. Однако академического монгольского и русского перевода текста эпоса пока нет. В данной статье мы рассмотрели историю записи и изучения эпоса и кратко осветили основную сюжетную канву. Сюжет сказания, несмотря на его объем, сохраняет логическую последовательность, цельность изложения, законченность сюжетных действий. Основной сюжет — борьба верхнего и нижнего миров. Требуется сравнительный анализ текста с главами ойратского эпоса «Джангар». Это позволит выяснить, является ли алтайское сказание одним из вариантов эпоса «Джангар», или оно са-

мостоятельное эпическое творение, или является его архаичным первоисточником. Перевод эпоса «Янагар» на монгольский и русский языки позволит включить сказание в научный оборот мирового эпосоведения.

Ключевые слова: эпос «Джангар», алтайский «Янагар», традиция исполнения, история записи, перевод

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Китайской Академии общественных наук в рамках научного мегагранта № 15ZDB083 «Записи песен эпоса „Джангар“ в зарубежных архивах: сбор материала и исследование». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Тая Даван. Алтайн «Жангар»-ын уламжлалын тухай болон түүний холбогдох зарим асуудлууд (= О традициях эпоса «Джангар» у алтайских народов) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 141–165. (На ойратск.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-141-165

UDC 398.22

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-141-165

About the tradition of «Dzhangar» among the Altay peoples

*Taya Davan.*¹

¹Inner Mongolian University (234, West University Road, Hohhot 010021, China)

Dr. Sc. (Philology), Professor

E-mail: dawataya2009@qq.com

© KalmSC RAS, 2020

© Taya Davan, 2020

Abstract. Altai heroic legends represent a specific and multiphase phenomenon among which «Jaŋar» takes a rightful place. The researchers of “Jangar” are aware of the fact that in one form or another “Jangar” existed not only among Oirats of China and Mongolia, Kalmyks of Russia but also among Turkic-origin Tuvinians, Altaians and Sart-Kalmyks. However, apart from publications on this theme, the texts of these stories were not published. One of the interesting problems of the contemporary Epos Studies is the tradition of existence and masterly performance of Altai «Jaŋar». It is a well-known fact that the story was recorded by T. B. Shinzhin during 1977–1980 from the talented Altai storyteller-kaichi N. K. Yalatov. The text of Altai «Jaŋar» consists of three volumes. However, there is no academic translation of the text into Mongolian or Russian. The article gives analysis of the history of recording and study of the epos and briefly highlights the storyline. The storyline despite its volume maintains logical sequence, integrity of narration and completeness of the narrative. The main storyline is the fight of the upper and lower worlds. There is a need for comparative analysis with the chapters of the Oirat “Jangar”. This will allow us to determine whether the Altai legend is one of the variants of “Jangar”, is an independent epic creation or is its archaic primary source. The translation of «Jaŋar» into Mongolian and Russian will enable to introduce the story into the world Epos Studies.

Keywords: epos «Jangar», Altai «Jaŋar», the performing tradition, history of the recording, translation

Acknowledgement. The study is funded by the Academy of Social Sciences of China under the scope of the research mega-project № 15ZDB083 “The records of epos “Jangar” in foreign archives: material collection and research”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Taya Davan. About the tradition of «Dzhangar» among the Altay peoples. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 141–165. (In Oirat.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-141-165

արյուն » սը ԵՂՍԱՌԻՆ ԽՊՍՈՒՆՅ՝ ՈՐ ԽՆԿՆՈՒՅՈՒՄՅ՝ ՅԻՆՆԵ՝ ** ՃՊՈՒՆԻՇՎ ԽՊՈՐ
 ԻՅՈՐՈՒՄՆ ԼՎ ԽՈՒՄՆ Թ ԻՇՈՒՆՈՒՆ ԹԻՆՇԹ • ՊՆՎ ԻՔ ՎԻՇՆԱՐԿ ԵՂ ՎԻՈՐՈՒՄ «
 ՎԻՊՊՍՈՒՇԹ ԽՐ ** ԻՆՎ ԽՆՎ ԽՊՈՐ « ԼՈՒՊՈՒՄ » ԼՎ ԽՊՍՈՒՆՅ՝ ԼՎ ՊՍՈՒՆ
 ՍՎ ԽՊՆՈՒՆ ԻՆՎ ԽՊՎՈՒՇՈՒՄՆ ԳՏԹ ԻՇՆՈՒՆՂ ՊՍՈՒՆ ԹԻՆՆՈՒՄՆ ԴՇՂԿ Ը
 ՎՍՆՆՆՎՎ (ԹԵԹՈՒՄ — ԽՂ ՊՍՆՆՎՎ — ՎԻՆՂ ԽՆՆՂ) ԼՆՎ ԽՈՒՍՍՎ ԹԻՊՈՒՇՈՒՄՆ
 ԽՆՆՈՒՆՎ ԽՊՈՐ ԼՎ « ԼՈՒՊՈՒՄ » ԻՔ ԼՈՒՊՈՒՄ • ՊՈՒՄ Թ ՎՃՈՒՄՆ ԽՆՆՂ ԼՎ
 ԴԻՆՂ ԻՆՎ ԽՊՎՈՒՇՈՒՄՆ » [36] (pp.125–128) ԴԻՄՎ ԹԻՆՆՂ ** ԻՄՎ ԻՆՎ
 ԼՎ ԹԵԹ) • < ՎԻՆՂ ԽՆՆՂ (Кара-Бөк) > (ԽՂ ՊՍՆՆՎՎ ԼՎ ԹԵԹ) ԼՆՆՂ ՏՐՈՒՄ
 Солонг) > (ԽՊՈՐ ՎՍՐՎՎ ԼՎ ԹԵԹ) • < ԻՆՂ ՎՐՎՎ (Эр-Самыр) > (ԽՂ ԽՆՆՂ
 ԹԵԹՈՒՄ Թ ԹԵԹ) • < ՎՆՎՎ ՎՍՍՈՒՆՅ՝ (Ай-Солонг) > • < ԹՎՎ ՎՍՍՈՒՆՅ՝ (Кюн-
 Сюме) > • < ԽՂ ԽՆՆՂ (Ак-Бөк) > • < ԽՂ ՊՍՆՆՎՎ (Ак-Тойчы) > (ՎԻՊՊՈՒՄ
 ՎԻՊՊՈՒՄ ԹԵԹՈՒՄ (Кан-Көкүлен) > (ԼՈՒՊՈՒՄ ՍՎ ԹԵԹ) • < ԽՊՈՐ ՎՍՐՎՎ (Алтай-
 ԻՄՈՒՄՆ ԽՊՈՐ ԼՎ ՎԻՍՈՒՄ ԽՈՒՄՆ Թ ՊՍՈՒՆ ԹԻՆՆՇԹ • ՊՆՎ ԻՔ < ԼՈՒՊՈՒՄ > • <
 ԹԹ • ՊՍՍՈՒՆ ԻՆՎ : « < ԼՈՒՊՈՒՄ > ԽՆՎ ՎՃՈՒՄՆ ՊՆՆՎ ԽՊՎՈՒՇՈՒՄՆ ԽՆՆՂ ԹԹ
 ՎՍՍՈՒՄՆ ԼՎ ԼՆՆՈՒՄՆԻՆ « ԼՈՒՊՈՒՄ » ՍՎ ՊՍՈՒՆ ԽՈՒՄՆ ԼՍՆՆՎ Ը ԵՂՎՈՒՇՈՒՄՆ ՎՊՍՈՒՄ
 1946) (ԼՆՍՈՒՄ 3) ՈՐ ԽՊՍՈՒՇՈՒՄՆ • ՊՈՒՄ Թ « ԼՈՒՊՈՒՄ » ՎԻՊՊՈՒՆՅ՝ ԼՎ
 ԽՊՈՐ ԼՎ ԽՈՒՄՆ ՊՍՈՒՆ ՎԻՊՎՈՒՄՆ ԽՊՈՒՇՈՒՄՆ ՊՍՍՈՒՆՎ Ի • ԽՊՊՈՒՄՆՎՎ (1861—
 ԻՅՈՐՈՒՄՆ Ի • Չ • ԽՊՈՒՄՆՎՎ 1942 ՍՎ Թ « ԼՈՒՊՈՒՄ » Ը ԹԻՊՈՒՄՆՈՒՄՆ

(3) ՊՍՈՒՆ ԼՎ ԽՊՍՈՒՆՅ՝ ԴՊՈՒՄՆ

[35] (p.15) **

ՏՐՈՒՇՈՐ ** ՏՊՊՈՒՄՆՈՒՄՆ ԴԹԻՆՎ ՊՍՎ ՊՍՈՒՆ ՎՐՊՊՈՒՄՆԻՍ ԹՐ « ԴԻՄՎ ԵՂՎՈՒՄՆ ԹԻՆՆՂ
 ՏՐՈՒՄ ԻՆՎՎ ՊՍՍՈՒՆՎՎ 25 ՎՍՍՈՒՄՆՎՎ ՃՍՈՒՄՆԻՆ ՎՆՎ < ԼՈՒՊՈՒՄ > Ը ՎԻՊՊՈՒՄՆ
 ԹՆՎ ԹԻՆՎՍՍՍՎ Ը ՎՍՊՈՒՇՈՒՄՆ ԹԹ ՊՆՎՎ ԹԻՆ « ԽՈՒՍՍՈՒՄՆ ՍՎ ՎՍԹՈՒՄՆՈՒՄՆ ԹՆՆՈՒՄՆ
 ԽՈՒՄՆ — ԴԻՆՎՎ) ԵՂՍՎ Թ ԽՊՈՒՄ (ԻՆՎՎ ԵՂՊՈՒՄ) ՊՍՈՒՄՆ Թ ԽՍՊՈՒՄՆ ԽՊՈՒՄՆ
 215) ԴՇԹ ԻՇՈՒՆՈՒՄՆ ԵՂՎ ** ՎՍՍՈՒՄՆՎՎ Պ • Թ • ՎՆՆՎՎ 1977 ՍՎ ԹԹ
 ԻՇՈՒՄՆ ** ՊՍՎ ՊՍՈՒՆՎ ԼՎ ԼՈՒՄՆ 7 ԽՈՒՄՆ 7 ՎՍՎՎ ՎԻՊՎՈՒՄՆ » [34] (pp.213–

«Янгар» (15ZDB083) сәйкесінше «Янгар» атты кітаптан алынған. **
 «Янгар» атты кітаптан « Янгар» атты кітаптан алынған. **
 «Янгар» атты кітаптан алынған. **

эпосом «Янгар»^ «Народы Евразии: История. Культура. Языки», Горно-Алтайск,2017 г.
 [55] Д.Тая : Великий алтайский сказитель Н.К. Ялатов и некоторые вопросы, связанные с его
 «Янгар» атты кітаптан алынған. **
 [54] 2017 жылдың 7-ші айының 14-ші күніндегі «Янгар» атты кітаптан алынған. **
 Russia.2006.
 [53] « Kaichi Tanyspay Shinzhin »(CD-rom),The Department of Culture of Altay Republic,Made in
 № 78.Күүк айдың 28 - чиге күнү,2002ж.
 эземине, « Янгар » кай чөрчөктин кепке базылганына учурдалат, - газ. «Алтайдын чолмоны»,
 [49] С.Каташе : Оос жайааннын кереестери | Албатынын кайчызы Шуну Ялатовтын
 [47] Ялатов Н.К. Чанкыр туулардын чөрчөктөри. | Горно-Алтайск, 1993. – 88 с.
 Китай. 2016г.
 открытие центра джангароведения на базе Университета Внутренней Монголии. Хух-Хото,
 сказания «ЖАНГАР» // материалы 4-й международной конференции по эпосу «Джангар» и
 [46] [48] Садалова Т.М. Об истории изучения и сюжетном содержании алтайского
 Алтайск, 2002.
 [45] Казагачева З.С. Алтайские героические сказания: «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Горно-
 эпос Т.13 /Сост. И.Б.Шинжин.- Горно-Алтайск,2004.- С.285-342.
 [44] Көгүлдей-баатыр: Кай чөрчөк /Н.К.Ялатов //Алтай баатырлар: Алтайский героический
 Алтайск: Алт.кн.изд-во. Горно-Алт.отд-ние,1988.-200с.
 [43] Чымалы-Каан/ Царь - Муравей: Алт.героико-волшебное сказание/ Н.К.Ялатов.- Горно-
 русс. яз. С.С. Суразакова. ГАНИИЯЛ. - Горно-Алтайск, 1970 - 177с.
 [42] Оленгир. Героическое сказание алтайцев. Сказитель Н. Ялатов. Вступ. ст., перевод на
 [41] Суразаков С. С. Из глубины веков. | Горно-Алтайск, 1982г.
 западных историков / Ю.И. Игрицкий // История СССР, 1969.
 [40] Игрицкий Ю.И. Гражданская война и интервенция в СССР в новейших работах
 [34] Дружинина Е.И. Краеведы Горного Алтая // История СССР. 1969. № 2.
 «Азбука»г. Барнаул, 2010. | 67.
 половины XIX в. по сегодняшний день. | Горно-Алтайск: Отпечатано в типографии ООО «
 информационный справочник с биографическими данными кайчы, начиная со второй

1 Сәтүрәт

2 Сәтүрәт

3 Сәтүрәт

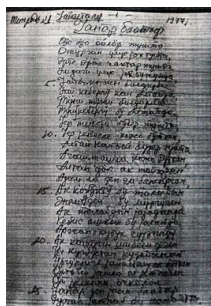
4 Сәтүрәт

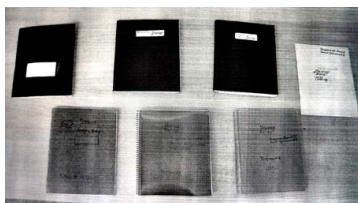
5 Сәтүрәт

6 Сәтүрәт

7 Сәтүрәт

8 Сәтүрәт

УДК 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-166-173

Монгол аман зохиол дахь гэрийн тотгоны дүрслэл (= Описание притолоки юрты в монгольском фольклоре)

*Заяасүрэн Ч.*¹

¹ Институт языка и литературы Академии наук Монголии (д. 54а, пр. Энхтайван, район Баянзурх, 13330 Улан-Батор, Монголия)
доктор филологии, научный сотрудник
E-mail: zayasuren_ch@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Заяасүрэн Ч., 2020

Аннотация. В письменных памятниках, образцах монгольского фольклора (сказках, эпосе, загадках и др.) очень часто описывают притолоку двери юрты. В связи с этим в данной статье автор сделал попытку показать все описания дверной притолоки, которые встречаются в указанных образцах фольклора, и на основе анализа примеров дает разъяснение каждой примете и ритуалу (обряду). В дальнейшем на основе тщательного изучения каждого предмета и детали, из которых возводится монгольская юрта, ставшая важной составной частью культурного наследия монгольских народов, новые поколения получают возможность узнать их семантику и значение. Этому посвящена и данная статья.

Ключевые слова: монгольская юрта, притолока, символика, сказки, эпические сказания, загадки, образ, обряд

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Заяасүрэн Ч. Монгол аман зохиол дахь гэрийн тотгоны дүрслэл (= Описание притолоки юрты в монгольском фольклоре) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 166–173. (На монг.). DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-166-173

UDC 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-166-173

The Description of Yurt Lintel in Mongolian Folklore

*Zayasuren Ch.*¹

¹Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia (54a, Enkhtaivan ave., Bayanzurkh distr. Ulan Bator 13330, Mongolia)
Ph.D. (Philology), Research Associate
E-mail: zayasuren_ch@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2020

© Zayasuren Ch., 2020

Abstract. In the written monuments, in the samples of Mongolian folklore (fairytales, epos, riddles, etc.) they often describe yurt lintel. In this article the author attempts to show all the descriptions of lintel that are mentioned in the Mongolian folklore and gives comments on each sign and rite based on the analysis of the examples. The thorough study of each object and detail in setting up a yurt that has become a significant constituent part of the cultural heritage of Mongolian nations will give the new generations the opportunity to learn their meaning and significance.

Keywords: Mongol yurt, lintel, symbolism, fairytales, epic legends, riddles, image, rite

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference «Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects — II», held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Zayasuren Ch. The Description of Yurt Lintel in Mongolian Folklore. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 166–173. (In Mong.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-166-173

Монгол гэрийн тотго ч аман зохиолд зохих дүрслэлээ олсон, монголчуудын зан заншилд ул мөрөө үлдээсэн эд юм. Тотгоны унь

ихэвчлэн тав байна. Энэ нь арга билгийн зохист харьцааг илэрхийлж буй анхны аргын тоо тав гэж үзэх үзэлтэй холбоотой болов уу. Монголчууд уг унинуудыг тавьдаг тотгоны нүхийг таван тэнгэр хэмээн ихэд эрхэмлэн дээдэлдэг заншилтай байжээ. Энэ тухай монгол ардын оньсогод тотгоны тогтоолыг оньсголохдоо бавжуур хэмээн нэрлэж ирснээс харж болно.

Бавжуур дээр таван гэлэн (тотго) гэх энэ оньсогын адилтгал нь тотгоны унь сагалдаргагүй байдаг. Лам хүн гэлэн сахил сахихдаа үс гэзэг, сахлаа хусуулж, хувраг болдогтой зүйрлэн ийнхүү сонирхолтой оньсголжээ. Мөн бурхны шашны лам хувраг, тойн, тоймог толгойт бүхэн нь өөрөө зумарч унасан тухай домоглон ярьдаг.

«Монгол ардын баатарлаг тууль»-д: гэрийг магтсан хэсэгт тотгыг дүрсэлсэн дүрслэл цөөнгүй тохиолдож байгаа юм. Жишээлбэл,

«Бужин даваа хаан» туульд:

«...Тотго талд нь тогос гургуул

Тонголзуулан сийлээд

Элкэн талд нь элээ, ангир шувууг

Эргэн нисгэн сийлээд явна аа...» [НТЧТ 2010: 175] гэсэн бол,

«Наран хаан хүү» туульд:

«...Тотго талд нь тогос гургуул

Тонголзуулан сийлээд

Хатавч талдаа элээ, ангир шувууг

Эргэлдүүлэн нисгэж сийлээд...» [НТЧТ 2010: 371].

гэх мэтээр тотго, хатавчинд тогос гургуул, элээ, ангир гэх зэрэг тэнгэрийн шувууг сийлж, чимэглэн зурж дүрсэлсэн явдал нь нэг талаар тэнгэртэй адилтган бэлгэдэж үзэсэнтэй холбоотой. Уг амьтныг дүрслэхдээ *«тогос гургуулыг тонголзуулан сийлээд»* гэж түүнийг байнгын хөдөлгөөнт шинж байдлаар дүрсэлсэн нь ихээхэн сонирхол татаж байгаа юм. Энэ нь тогос шувууг «эрт цагаас үхэлгүй мөнхийн бэлгэдэл хэмээн үзэж, өдөөр нь тэнгэр одыг бэлгэддэг. түүний өдийг “нүдтэй” хэмээн хэлэлцдэгтэй холбоотой» [Батбаяр 2013: 21] ажээ. Эндээс харахад сонор сэрэмжит байдал, гэр доторхыг хамгаалахын бэлгэдэл болгож тогос гургуул шувууны

дүр зургийг сийлбэрлэдэг байсан юм биш биз гэсэн санааг хэлж болмоор санагдана. Тотгоны тухай монгол ардын оньсогод:

— Тал дээр таван согоо...

— Таг дээр таван галуу...

— Тавцан дээр таван хүүхэд...

гэхчлэн хэлдэг нь дээрх санааг тодруулж өгч байна. «**Хаан чингэл тууль**»-д: «*Шөнө дундын хирд: Хар нүдэн Урангуа дагина нь хаан чингэл ахдаа тотгоор хоёр эрээн бор бялзуухай ороод ирсэн болж л зүүдэллээ гээд цочин тусан босож хэлэхээр нь дүүдээ ахыгаа байгаа цагт айж эмээх явдалгүй, унт гэв*» [МАБТ 1982: 77] хэмээжээ. Энэ нь Хар нүдэн Урангуа дагина мангаст баригдахынхаа урд шөнө гэрийн тотгоор эрээн бор бялзуухай орж ирж байгаагаар зүүдэлсэн нь бор бялзуухай ямар нэг муу зүйлийн зөн совинг дамжуулж байгаа мэдээч шувуу болохыг илтгэн харуулж байна. «Монгол гэрийн тотго, өрх, хатавч нь хий биет, хийсгэлэн дүртний орох гарах орон болдог» [Пагвадулам 2014: 58] тул Хар нүдэн Урангуа дагинын өстөн дайсан нь бялзуухай шувууны дүрд хувилан ирж шөнө орой түүнийг айлгаж ичээж байгаа нь Баатарлаг туулийн баатруудын өшөөт дайсан нь тэнгэрийн шувууны дүрд хувилж байгаагийн нэгэн тодорхой жишээ юм.

Тотготой холбоотой «**Монголын нууц товчоо**»-д «...шөнө бүр цагаан шар хүн өрх тотгоор гийгүүлэн орж ирээд миний хэвлийг илэхэд түүний гэрэл миний хэвэлд орж шингэх бүлгээ. тэр хүн гарах нар сарны хилээр шар нохой мэт шарвалзсаар гарч одно...» [МНТ 1990: 28] гэж Алунгуа эх хөвгүүддээ учрыг тайлбарлан өгч байгаагаар бичигдсэн байдаг. Уг өгүүлэмж ч өрх тотгоны зай бол хийсгэлэн хоосон биетний орж гарах орон гэдгийг бататгаж байгаа юм. Мөн нөгөөтэйгүүр гэрийн тотго нь монгол ардын аман зохиолд гэрийн доторх, гадаах байдлыг урьдчилан мэдэх, хэн нэгэнд мэдээ дамжуулах үүрэгтэйгээр дүрслэгдэж байна. Энэ тухай «**Өнчин охин**» үлгэрт: «...Нэг шөнө хүүгийн эх гадаа гарч явтал хүүгийн гэрт ярилцах, инээлдэх шиг сонсогдсонд “ийм орой болтол унтахгүй, ямар хүнтэй ингэж ярьж байдаг юм бол” гэж бодоод сэмхэн очиж тотгоор нь шагайвал, хүү нь гоо үзэсгэлэнт охинтой хоёулаа бичгийнхээ ширээний дэргэд сууж, хөгжилтэй

ярилцаж байхыг үзээд “манай хүү, ямар хүний тэнгэрийн дагина мэт гоо хүүхэнтэй ингэж байдаг билээ. Энэ хавьд л лав байхгүй, үзэгдээгүй, танихгүй, охин байх юм” гэж бодоод гэртээ очиж өвгөндөө хэлжээ. Хүүгийн эцэг огтхон ч үнэмшидэггүй. Тэгээд дараагийн шөнө эцэг эх хоёр нь хүн унтсанаас хойно сэмхэн гарч хүүгийн гэрийн хаяанд очиж, тотгоор нь шагайвал нэг гоо үзэсгэлэнт охинтой хүү нь мөн л хамт бичгийнхээ ширээний дэргэд суугаад ярилцаж байжээ» [Содном 2018: 59] гэснээс гэр дэх бүх учрыг нууцаар мэдэхэд тотго гол үүрэг гүйцэтгэдэг болох нь тов тодорхой байгаа юм. Мөн монгол ардын «**Хятадын баригдаггүй хулгайч**» үлгэрт ч тотгоны дээрх үүрэг «*Ламбугай, чи урьдаар нэг туламд ороодох. би дараа нь туламд чинь оруулаад өгье*” гэж дуугараад буцаж эргэж хурч ирээд тотгоор нь шагайгаад харсанд, лам, дээлээ тайлаад туламд орох гэж байгаа бололтой байна гэнэ. Тэгэхлээр нь гэрт харайж ороод ламыг барьж аваад шар тосонд нь дүрж хаячхаад, гэр рүүгээ гүйсэн чинь зүв зүгээр таталдах ч юмгүй явжээ» [ГХҮТ 2008: 123] гэх мэтээр дүрслэгджээ.

Ер нь Монголчууд гэрийнхээ дээврийг үүдний тотгонд үл шүргүүлэн тааруулж барьдаг нь гэрийн доторх болон гадаах үйл явцыг харах, хий хийсгэлэн биет чөлөөтэй зорчих бололцоог олгож өгсөн нь дээрх түүхэн сурвалж болон монгол ардын үлгэр, туулийн дүр дүрслэлээс тов тодорхой харагдаж байгаа юм. Мөн монголчууд гэрийнхээ «үүд хаалгыг ихэд эрхэмлэн дээдэлдэг, ялангуяа тотгыг өрх гэрийн үндэс, дэлгэрэхийн бэлгэдэл болгодог» [Баттогтох 2011: 107] байжээ. Тиймээс ч тотготой холбогдох цөөнгүй зан үйл бидний үед уламжлагдан иржээ. Тухайлбал, Монголчуудын мал сүрэг, амь амьдралаа тэнгэр бурхан, газар усны эзэд, заяагч нарт даатгахын тулд хийдэг олон янзын домын арга хийдэг. Жишээ нь: Малчид тотгоны униндаа хөрөөгөө хавчуулахдаа ирийг нь гадагш харуулан хавчуулдаг. Энэ нь гаднаас орж ирэх элдэв муу муухай зүйлээс хамгаалан домнож байгаа зан үйл. Мөн мал сүрэг нь хөдөө хээр хонох үед гэрийн эзэн галын хайчны амыг хонины ноосоор ороож боогоод тотгонд хавчуулдаг заншилтай. Энэ нь араатны амыг хааж боож, малаа хамгаалж байгаа хэрэг юм.

Зарим нутагт зуны эхэн сард төл малаа хөнгөлөөд тотгоны унь дээгүүр харайлгаж домнодог. Ийнхүү монголчууд хамгийн эрхэмлэн дээдэлдэг тотгоны унины дээгүүр харайлгадаг нь ямар нэгэн өвчин эмгэг тусалгүй хурдан түргэн эдгэрэхийг зөгнөн бэлгэдэж байгаагийн нэг илрэл мөн. Тотготой холбоотой хорио цээрийн ёс ч цөөнгүй байгаагийн нэг нь тотгоноос дүүжлэгдэхийг үл таашаадаг. учир нь боож үхэх хүн тотгоноос дүүжлэгддэг гэх аман яриа бий.

Түүхэн сурвалж бичиг, аман зохиолын эх хэрэглэгдэхүүн, өмнөх судлаачдын судалгааны бүтээл, зан заншилд тусгагдаж буй мэдээ баримтаас үзэхэд ч тотгыг маш эртнээс эрхэмлэн дээдэлж иржээ. Үүний жишээ нь: Алтайн Урианхайчууд битүүний орой гэрийнхээ тотго, хатавчны баруун бүсэнд мөс цас тавихдаа цагаан өвгөнд зориулдаг. цагаан өвгөн бол монголчуудын дунд ихэд дэлгэрсэн шүтээний нэг. Тиймээс «*цастын цагаан өвгөн*» жил бүрийн битүүний орой айл айлаар явж амьдрал ахуйтай нь танилцдаг гэж үздэг. Ийм учраас энэ өдөр айл бүр цагаан өвгөнийг цас мөсөн замаар, таягаа тулан залран ирэх зам мөрийг зааж туслан авч, хүндэтгэн зочлох бэлгэдлийн утга санааг илэрхийлдэг байна. Түүнийг тэр үдэш баярлуулахын тулд цай унд, идээ шүүс элбэг бэлтгэж ахмадуудаасаа эхлэн хот айл, ахан дүүсээ ихэд хүндэтгэн дайлах ёстой гэж үздэг. Ингэснээр цагаан өвгөнийхөө ивээлд сайхан амьдарна хэмээн бэлгэддэг үзэл ойлголт байв. Монголын цагаан сарын битүүний үдэш айл өрхүүд тотгоны баруун дээр гурван ширхэг цэвэр тунгалаг мөс, будаа тавьдаг учиртай. Мөс нь Лхам бурхны хүлгийн ундаа, будаа нь Бурхан тахилдаа өргөж байгаа идээ тахилын дээж юм. Мөн гэрийнхээ тотгоны зүүн дээр улаан харгана тавьж, бод малын чөмөгт яс чанаж идээд хага цохидог нь муу муухай бүхнийг хааж хөөхийг зөгнөн бэлгэдэж буй нэгэн ёсны домын үйл. Эдгээр ёс заншил нь эртний монголчуудын байгаль дэлхий, уул усаа амьдчилан шүтэх үзэл, хүн байгалийн хоорондын зохицон амьдрахуйн уламжлалт сэтгэлгээний илэрхийлэл юм. Нийт монголчуудын үзэл ойлголтоор бол «Лхам бурхан хүнд сайн сайхныг авчрах гэж шинийн нэгний өглөө яарч явахад нь шулам саад хийдэг тул шулмын унааны хөлийг хугалж буй» юм [Дулам

2018: 13]. Монгол ардын аман зохиол, зан заншилд тогтоны талаар туссаныг товч дурдахад ийм байна.

ДҮГНЭЛТ

Монгол аман зохиол, сурвалж бичиг, зан заншилд тогтоотой холбоотой дүрслэгдэхүүн цөөнгүй байна. Жишээлбэл, сурвалж бичиг, монгол ардын үлгэр, туульд тогто нь гэр доторх болон гадаахыг урьдчилан мэдэх, хий хийсгэлэн биетэн дамжин орох гол үүрэгтэйгээр дүрслэгдэж байгаа юм. Мөн монгол туульд тогто нь сайн сайхан, мөнхөд үргэлжлэх бэлгэдэл болж байгаа бол зан заншилд тогто бол шүтэн бишрэх гол объектын үүрэгтэйгээр дүрслэгдэж байна.

Монгол домын зан үйлд алив муу муухай бүхнийг хааж, зайлуулах гол хэрэглэгдэхүүн болж байна. Харин тогтогыг оньсогод дүрсэлснийг бүхэлд нь ажиглахад бодит юмсын адил төстэй талыг шууд адилтгаж дүрсэлсэн явдал нь монгол хүний танин мэдэх сэтгэлгээнд үндэслэгдэн бүтсэн гэдэг нь харагдаж байна.

Ингэж манай ард түмэн аман зохиол, зан заншлаар дамжуулан аливаа зүйлийн утга учир, бэлгэдэлт чанар, зан заншлыг үр хүүхэд, хойч үедээ ойлгуулж, танин мэдүүлдэг байсан нь дээрхээс тодорхой харагдаж байна.

Ер нь цаашид ганц тогто биш монголчуудын өв соёлын нэгэн хэсэг болсон монгол гэрийг бүрэлдүүлж байгаа эд зүйл болгоныг нарийвчлан судалж, учир зүйг залуу хойч үеийнхэнд таниулж мэдүүлэх нь даяаршил дэлхий дахиныг хамарч буй өнөө цагт ач холбогдолтой гэж үзэж байна.

Ном зүй

Баатархүү, Одсүрэн 2015 — *Баатархүү Б., Одсүрэн Д.* «Монгол гэр» тайлбар толь. Хянан нягталсан: Академич Ж. Болдбаатар. Улаанбаатар: «ADMON ПРИНТ» ХХК, 2015.

Батбаяр 2013 — *Батбаяр Д.* Бүтээхүйн зүй тогтол / ред. Б. Өөлүүн. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» ХХК, 2013. 234 х.

Баттогтох 2011 — *Баттогтох Д.* Монгол гэрийн утга соёлын нэрийтгэл тайллага. Ариутган шүүгч Г. Гантогтох. Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» ХХК, 2011.

- ГХУТ 2008 — Гонгорын хэлсэн үлгэр, туульс / Эмхэтгэн боловсруулж, өмнөх үг, удиртгал, тайлбар бичсэн Т. Баясгалан. Ред. П. Хорлоо. Улаанбаатар: ШУА-ийн Хэл зохиолын хурээлэн, 2008. 253 х.
- Дулам 2018 — *Дулам С.* Бэлгэдэл зүйн судалгаа. Эрдэм шинжилгээний өгүүлэл-1(IV). Улаанбаатар, 2018.
- Дулам С. 2011 — Монгол бэлгэдэл зүй-IV (Зүүд, зөн совингийн бэлгэдэл зүй, цагийн бэлгэдэл зүй). Нэмэн засварласан гурав дахь хэвлэл. Ариутган шүүсэн Д. Бум-Очир. Улаанбаатар, 2011.
- МАБТ 1982 — Монгол ардын баатарлаг тууль. Эмхэтгэж, эрдэм шинжилгээний удиртгал бичсэн Ж. Цолоо / ред. Х. Сампилдэндэв. УХГ. Улаанбаатар, 1982. Х. 165.
- МНТ 1990 — Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар, 1990. 960 с.
- НТЧТ 2010 — Нэрт туульч Чойсүрэнгийн туульс. Эмхэтгэн боловсруулж, эрдэм шинжилгээний удиртгал бичсэн Б. Катуу. Ариутган шүүсэн Д. Цэрэнсодном. «Shingyorins» хэвлэх үйлдвэрт эхийг бэлтгэж хэвлэв. Улаанбаатар, 2010. Х. 786.
- Пагвадулам 2014 — *Пагмадулам М.* Хүүхэн хутагтын түүх домог, түүхэн дуу / ред. Дулам С. Цэдэв Д. Улаанбаатар: «БЭМБИ» ХХК, 2014. 194 х.
- Содном 2018 — *Содном Б.* Аман зохиол. Эмхэтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн Ч. Заяасүрэн, Г. Батмөнх. Өмнөх үг бичиж, редакторласан профессор Д. Цэдэв. Улаанбаатар, 2018.

УДК 398.2

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-174-188

«Луу унжих» домгийн аман сурвалжийн шинжилгээ (= Исследование устной версии легенды о «Луу унжих» (смерче))

Батмөнх Г. ¹

¹ Институт языка и литературы Академии наук Монголии (д. 54а, пр. Энхтайван, район Баянзурх, 13330 Улан-Батор, Монголия)
научный сотрудник
E-mail: batmunkh3377@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Батмунх Г., 2020

Аннотация. Автор в статье рассматривает явление природы, нашедшее отражение в устных преданиях, получившее название *луу унжих* ('смерч'), на материале образцов монгольского фольклора, а также на основе анализа устных свидетельств очевидцев, наблюдавших это явление или слышавших о нем, дает научную оценку и уточняет терминологию. Если рассматривать природное явление, которое монголы называют *луу унжих* и передают в легендах, то его можно описать как «сильный вихрь, который появляется в кучево-дождевом облаке, прямо вертикальный к земной поверхности, иногда обходящий по кругу искривленную ось, образуя при этом вид воронкоподобной трубы».

Ключевые слова: *луу унжих*, легенда, устная версия, смерч, сильный вихрь, ветер

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Батмөнх Г. «Луу унжих» домгийн аман сурвалжийн шинжилгээ (= Исследование устной версии легенды о «Луу унжих» (смерче)) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 174–188. (На монг.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-174-188

UDC 398.2

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-174-188

Analysis of the Oral Version of the Legend about «Luu Unzhikh» (tornado)

*Batmunkh G.*¹

¹Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia (54a, Enkhtaivan ave., Bayanzurkh distr, Ulan Bator 13330, Mongolia)
Research Associate
E-mail: batmunkh3377@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Batmunkh G., 2020

Abstract. The author in his article analyzes of the natural phenomenon that is reflected in oral legends named *luu unzhikh* ('tornado') on the materials of Mongolian Folklore samples and on the basis of the analysis of oral testimonies of the people who witnessed or heard about it, gives a scientific evaluation and specifies terminology. When analyzing the natural phenomenon that Mongols call *luu unzhikh* and reflect in legends it can be described as 'a strong whirlwind that emerges in thundercloud, vertical to ground surface and sometimes detours irregular axis forming a vortex'.

Keywords: *luu unzhikh*, legend, oral version, tornado, whirlwind, wind

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference "Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II", held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Batmunkh G. Analysis of the Oral Version of the Legend about «Luu Unzhikh» (tornado). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 174–188. (In Mong.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-174-188

Монголчууд лууг олон дүрд хувилдаг гэх буюу “*луу ерэн есөн дүрд хувилдаг, бурхан багш зуун дүрд хувилж чаддаг. Тийм учир бурхан багш л лууг жинхэнэ дүрээр нь олж харсан*” гэлцдэг билээ. Лууг мөн өвөл ичдэг амьтан хэмээнэ. Энэ тухай “*худагт ичдэг, хумсанд ичдэг, бууцанд ичдэг гэсэн хууч яриа бий. Худагт ичдэгийн учир луу усны амьтан болохоос учир тодорхой. Хумсанд ичдэг гэж үздэгээс зарим ихэс дээдэс хумсаа ургуулдаг байсан нь хэрэв ичвэл буян заяа тогтоож, луу мэт баян тарган амьдарна гэж үздэг байв. Бууцанд ичвэл тэр бууцанд нь цас тогтохгүй дорхноо хайлж, мал сүрэг тарган тавтай өвөлждөг*” хэмээн бичжээ [Арьяасүрэн, Нямбуу 1992: 733]. Мөн зарим нутагт өндөр хад асга, агуй хонгилд ичдэг гэх нь байна. “Луу ичих” домгийн тухайд бид өмнө аман сурвалж болоод археологийн дурсгалууд, бусад баримт материалыг ашиглан уг домгийг тодруулан сурвалжилж, судалгааны өгүүлэл, илтгэл хэлэлцүүлж байсан тул энэ удаад “луу унжих” домгийг сонгон авч тодруулахыг зорьлоо.

“Өмнөговь аймгийн Цогтцэций сумын нутаг Цэций уулын зүүн хойд талд нь “Могойт” гэдэг ус худаг байдаг. Тэр ус олон жилийн түүхтэй дээр үеийн худаг учир хашлага нь хүртэл нов ногоон хөгцтэй болжээ. Энэ худагт эрт дээр үед нэгэн их **борооноор луу унжиж ороод** 3 хоног байсан бөгөөд гурав дахь өдөр нь дахин бороо говь даяар орж өн болсон бөгөөд тэр өдөр асар их дуу гарч нөгөө **ичсэн луу** гарсан юм гэдэг. Харин тэр худагт луу заларсан учир Цэций уулын могойноос жилийн жилд хашлагад нь байх болсон юм гэдэг. Уг могой тэр бүр үзэгдэхгүй бөгөөд хэрэв тэр усны хашлагад нь могой харагдах юм бол хур бороо заавал ордог гэж ярилцдаг. Тийнхүү могой байдаг учир “Могойт” гэж нэрлэх болжээ” хэмээсэн домог бий [Равдан 2012: 306]. Уг домогт бидний өмнө өгүүлсэн “худагт луу ичих”-ийн тухай өгүүлэхийн дээр нэгэн их борооноор “**луу унжиж**” орсон гэсэн нь сонирхолтой. Энд өгүүлэн буй луу унжих гэж чухам юу болохыг тодруулан үзвэл “*ер бусын хүчтэй аянга цахилгаан цахиж, их мөндөр, бороо орохыг “луу унжив”, “соёолон луу унжив” гэдэг байна [Дулам 2011: 51]. “Луу сүүлээ шарвахаар аянга гялсхийдэг, луу тэнгэрээс унахыг үзсэн гэж бүр XIII зууны үед монголчууд хэлэлцдэг*” байсан мэдээ ч бий [Сүхбаатар 2001: 139].

Бас зарим нутгийнхны ярьдгаар нэгэн төрлийн хуй салхийг хэлэх бөгөөд түүнээс сэргийлэх домын зүйлс ч байна. Энэ тухай Г. Гонгоржав гуайн тэмдэглэлд “*нүхтэй зүйл бүрийн жижиг чулууг оосорлон гэрийнхээ баруун хойд талын хананд голдуу зүүдэг заншил монголчуудын дунд элбэг дэлгэр уламжлагдан иржээ. Эртний хүмүүс оромж гэрээ “луу унжих” мэтийн гэнэтийн хүчтэй хуй салхи, шуурганаас хамгаалахын тулд сур дээс зэрэг тэнжээ оосроор даруулан тэн авахдаа үзүүрийг нь үхэр чулуу мэт том хад чулуунаас бэхэлдэг*” [Гонгоржав 2005] байснаас ийнхүү жижиг нүхтэй чулууг шүтэх болсон гэжээ. Эдгээрээс ажиглавал “*тэнгэр муухайрахыг “луу унжлаа” гэдэг*” болох нь харагдаж байна [Арьяасүрэн, Нямбуу 1992: 734].

“Эрийн сайн Хан харангуй” туульд:

*“Дээд хан хурмастаас
Хуй салхи гарч
Хур бороо ороод
Таван луугийн дуу
Орой дээр нь тачигнаад
Таван зуун ган сумаар
Тал бүрээс нь аянга цахилгаан
Буулгаж бут ниргэх гэхэд нь
Таван лууг тал гараараа шүүрэн авч
Хүзүү толгойг нь тас мушгиад
Өвдөг доороо дараад
Аянга цахилгаанаар бууж байсан
Таван зуу ган сумыг нь авч
Хуга хуга татаад суув гэнэ
Тэгээд үүл татарч тэнгэр чилгэрэв”* хэмээн өгүүлдэг
[Катуу 2011: 213].

Аман сурвалж, домгуудаас харвал “луу унжих” хэмээхийг бүхий л нутагт аль нэг хэмжээгээр хэлэлцдэг нь ажиглагдаж байна. Бас жирийн нэг хуй салхийг хэлдэггүй бололтой. Бид Төв, Булган, Хэнтий зэрэг аймгийн нутагт “луу унжих”-ыг харсан хүмүүсээс аман сурвалжийн мэдээ авав. Эдгээрээс үзэхэд:

- Хэрхэн унждаг: дээрээс доошоо эргэлдэж буугаад буцаад дээшилдэг

- Дүр байдлын хувьд: *тод цагаан, сагсгар сүүлтэй юм шиг, бөөрөнхий цагариг үүсгэж эргэлддэг*
- Ямар үед: *бороо орсны дараа, долоо хоног шахуу бороо орсны дараа*
- Хугацаа: *арван минут, арав хорин минут болсон*
- Сайн, муу: *ер нь муу л гэдэг, зуд болно*

Үүн дээр нэмэрлэвээс Говь-Алтай аймгийн Хөхморьт сумын нутаг дахь “Луут чулууг тэнгэрийн дуу, галын аюул ган зудаас хамгаалдаг гэж нутгийнхан бэлгэшинэн газар дэлхийгээ аргадан тахиж, шүтэж ирсэн гэдэг. Энэ чулууны ойролцоо мал муулах, хэл ам хийх, хэрүүл шуугиан тарихыг цээрлэдэг байна. Луу ороосон чулууг шүтэх үед мах идэж, архи уухгүй бөгөөд зөвхөн сүү өргөж, цагаан идээ будаагаар чимж юу санаж бодсон есөн хүслээ шивнэж хэлдэг” байна [Равдан 2012: 440].

“Дархадын далан худалч” хэмээн олонд алдаршсан Соёгор Эрдэнийн ярианд:

“Олон жилийн урьд юмдаг. Анд яваад юу ч алдаггүй. Өлсөж, ядарч байна гэж жигтэйхэн. Гэтэл дуутай ширүүн бороо ороод, тэнгэр цэлмэхээр харсан чинь Уран дөшийн орой дээр үүлэн дотроос, урт гэгчийн улаан юм унжиж байна. Гайхсаар очвол, хөөрхий нэг залуухан төлгөн луу, тоглож гүйж яваад халтиран, тэнгэрийн цоорхойгоор доош унжиж байгаа нь тэр асанж” хэмээсэн байдаг. Үүнд лууны насыг тодорхой заан, “залуухан, төлгөн луу” гэсэн нь сонирхолтой. Өөрөөр хэлбэл, өмнө өгүүлсэнчлэн дуутай, ширүүн борооноор тэнгэрээс луу унждаг хэмээсэнтэй тохирохын дээр тэр луу нь “төлгөн луу” учир тоглож гүйж яваад гэнэдэж “тэнгэрийн цоорхойгоор” унжсан болж таарч байна.

“Их өлсөж явсан болохоор, бушуухан махнаас нь хэсгийг огтолж автал, тэнгэрийн дуу ганц удаа тас буугаад явчлаа. Нэг мэдсэн би өнөөх хэсэг махаа атгаатай хэвээр хэвтэж байна. Түргэхэн чанаж, цадтал идлээ. Хөөрхий хан хурмастын юм болохоороо мах нь хүртэл давс, сонгинотой байх юм билээ. Тэгээд хэсэг зуур унтаад сэрж харвал, түрүүчийн миний анх огтолж авсан мах тэр хэвээрээ байна. Уул нь би дараа идэхээ бодож хэсэг мах үлдээсэн юм л даа. Тэгээд гэртээ хариад махныхаа тала-

ар хоол хийгээд үлдсэнийг нь өглөө босоод харахад авсан хэсэг нь нөхөөд л ургачихсан байсан. Тэр зунаа зунжин идээд байтал харин намар болж тэнгэрийн дуу зогсохоор харсан чинь мах маань байхгүй, хоосон арьсархуу юм хэвтэж байж билээ [Дархадын далан худалч 2011: 15] хэмээн түүнийг лууны махнаас тасалж авахад тэнгэр хилэгнэж ниргэсэн ба тасалж авсан лууны мах нь зун буюу тэнгэрийн дуутай үед бол ургаж, төлжөөд л байдаг. Харин намар тэнгэрийн дуу үгүй болж, луу тэнгэрт байрлахаа болих үед мах нь ч мөн хатаж арьсархуу юм болсон гэж сэтгэмжлэн өгүүлжээ.

Эдгээрээс ажиглавал монголчууд лууг тэнгэр болон лусад байрладаг хэмээхийн дээр ган, зуд, салхи шуурга зэрэг байгалийн элдэв эерэг, сөрөг үзэгдлийг луутай холбон тайлбарладаг нь харагдаж байна. “Луу худагт ичих” нь тухайн нутагт өн болохын дохио болдог бол “луу унжих” нь ган, зуд болохын илрэл байж болох бөгөөд лууг эрхэмлэн дээдэлбээс элдэв гай гамшгаас хол хөндий байна хэмээн ойлгодог байна.

Монголчуудын луу унжих хэмээн домоглон сэтгэдэг байгалийн үзэгдлийг чухам юу болохыг тодруулан үзвэл цаг уурчдын хэлэхээр “догшин хуй” гэх “борооны бөөн үүлэнд бий болдог, газрын гадаргад эгц босоо, хааяа тахирласан тэнхлэгийг тойрон эргэж байгаа юүлүүр маягийн хуйлраа үүсгэдэг хуй салхи”-г хэлдэг байна [Хангайсайхан 1991: 24–26]. **Зөвхөн дулааны улиралд ажиглагддаг бөгөөд хийн мандлын доод үе давхаргын хэт тогтворгүй төлөвөөс шалтгаалж үүсдэг үзэгдэл тул монголчуудын төсөөллөөр луу тэнгэрт байрлах үе нь тохирч байна.** Мөн дор өгүүлэх аман сурвалжийн мэдээ ч *бороо орсны хойно болсон, хуй босоод, улаан шороо тавьж байгаа юм шиг* гэх зэрэг нь үүнтэй нийцэж байна.

“тэнгэрээс нарийн цагаан юм бууж ирээл, тэгээд тэр нь нуурыг бүтэн тойрсон. Бүтэн тойрохдоо хуй босоод улаан шороо тавьж байгаа юм шиг тойроод тэгээд буцаад нуурынхаа урд талд байдаг уулаар дамнаад уулын дээрээс үүл рүү ингээд/ гараараа зангаж үзүүлэв/ орсон. Тухайн үед орой яг нар дөнгөж

жаргасны дараахан байсан. Долоо хоног шахуу бороо орцон байсан. Тэгээд яг цэлмэж байхад л үүлнээс буусан. Яг бууж ирж байхдаа цагаан, буцаад гарахдаа ч гэсэн цагаан. Тэгээд яг тэр юу тойрч байхдаа болохоор улаан шороо босож байгаа юм шиг. Тав, арван минут л болсон байх. “Цэгээн цагаан” нуурыг яг тойроод л дээшээ гарсан [Намнандоржийн Баасанжав].

“Манайх Дэлгэрхааны Ар улаан дэл гэдэг газар байсан, зун. Тэгсэн чинь л гэнэтхэн хойноосоо тэнгэр дуугараад л, юүхэв ээ шороо бужигнуулаад, салхи гэдэг чинь зүгээр л жигтэйхэн болоод л, тэгээд айхтар ширүүн бороо л шуураад өнгөрсөн. Мал хуй чинь бужигнаад л одоо зүгээр сарниад жигтэйхэн болсон. Тэгээд л айхтар тэнгэр дуугарлаа л гэсэн. Тэгсэн орой мордоод би баруун хажуугаас хонио нааш нь туугаад ирсэн чинь за ямарч байсан нэг дөрөв, таван зуун метр болов уу, за ямарч байсан нэг тав, зургаан зуун метр газар, газрыг нь хөрсөөр нь эргүүлээд хаячихсан. Тэгээд энэ чинь одоо юу болоод улаан шороо ингээд эргүүлчихвээ гээд, ирээд хэлсэн чинь аав л “э тэр тэгэлгүй яахав тэр их айхтар дуугарч, их салхилсан, тэнгэрч айхтар юу яасан юм байгаа юм. Луу унжих гэж тэгдэг юм” гэж. Тэгээд өөрөө мордоод, яваад, үзээд, ирсэн чинь луу унжсан, луу унжих гэж ингэдэг газрын хөрсийг хөрсөөр нь эргүүлчихдэг гэж [Адьяагийн Даваасүрэн].

“Догшин хуйн хуйлран эргэлдэх хөдөлгөөн нь үүлэн дотор эхэлж доошилсоор газрын гадаргад хүрнэ. Хэдэн арван метрээр хэмжигдэх голчтой энэ юүлүүрэн хуйлраа нь үүлнээс доошлон газрын гадаргад шүргэж үүлний хамт хэвтээ чиглэлд шилжин буцаж дээшээ хөөрнө. Ингэж явахдаа тааралдсан биет, ургамал, амьтныг сүйтгэх асар их хүчтэй. Догшин хуйн тийм их эвдлэн сүйтгэх хүч, бас зарим зүйлийг огт хөдөлгөлгүй орхидог гайхалтай нууц нь түүний бүтцийн онцлогтой холбоотой юм. Догшин хуй салхийг “хана”, “дотоод хөндий гэсэн” хоёр хэсэгтэй гэж гэж үзэж болно. Догшин хуйн хурд 50-100 м/сек, зарим тохиолдолд 330 м/сек-ээс давж байсан баримт бий. Догшин хуйн энэ хурд нь түүний ханын эргэлтийн хурд бөгөөд эвдлэн сүйтгэх хүч нь үүнд л байдаг” [Хангайсайхан 1991: 25] ажээ.

Цаг уурын толиос үзвэл: “Англи-tornado, Орос-ураган, Европд-тромб” [Нацагдорж 2014: 579] хэмээн нэрлэдэг байна. Манай оронд догшин хуй тохиолдох нь ховор бөгөөд хөдөө, гадаа харсан хүн байх боловч ном бичигт тоймтой тэмдэглэгдэн үлдсэн нь цөөн байна. Эдгээрээс тухайлбал: “1952 оны дөрөвдүгээр сард Ховд аймгийн Мөст сумын Хужиртын аманд ачаатай тэмээ хөтөлж явсан хүнтэй догшин хуйн төрлийн салхи тааралдаж тэмээний бурантгийг нь хэрчсэн мэт таслаад ачаатай тэмээг нь хийсгэн авч одсон мэдээ бий.

1974 оны долоодугаар сарын 21-нд Хэнтий аймгийн Батширээт сумын Цагаан усны бригадыг дайрч өнгөрсөн догшин хуй ихээхэн эвдлэн сүйтгэх хүчтэй байжээ. Энэ хуй уртаараа 130 км, өргөнөөрөө 175-230м газрыг хамарч, замдаа дайралдсан бүхнийг сүйтгэн, модыг байн байн эргүүлэг маягаар газарт зоож, Цагаан усны бригадын төвийн 18 гэр, байшинг хийсгэн, 50 орчим мал, 10 гаруй хүний амь нас сүйджээ. Бригадын төвд зогсож байсан ЗИЛ-130 маркийн автомашиныг бүрмөсөн эвдэж, их биеийг нь 80 гаруй метр, хөдөлгүүрийг нь 600 м хол шидсэнийг үзвэл уг догшин хуйн хүч ямар байсан нь тодорхой юм [Хангайсайхан 1991: 26].

“Цаг уур, орчны шинжилгээний газар”-ын эрдэмтэн судлаачид 2014 оны долоодугаар сарын 26-нд Архангай аймгийн Хашаат сумын нутагт “луу унжсаныг” тэмдэглэн авч салхины хурд, сүйтгэлийн хэмжээ зэргийг үндэслэн F4 зэрэглэлд хамаарах болохыг тодорхойлон, баримт материалыг цуглуулсан нь **монголчууд “луу унжих”-ыг шинжлэх ухааны үүднээс судлан шинжилж эхэлсний** илрэл билээ.

Дээр өгүүлсэн догшин хуйг цаг уур судлалд салхины хурд, эвдлэн сүйтгэх хүч зэргээр нь “F1-F5 хэмээн ангилдаг” байна [Нацагдорж 2014: 579]. Мөн F0 гэж байдаг нь “нөөлөг салхи” бөгөөд “борооны бөөн /Cb/ үүлний хамар дор үүсэх хуйлрал, газрын гадарга дээр хэдэн арван метр талбайг эзэлж, үүлэнд хүртэл өндөрт гарч, хэдэн минутаас хэдэн 10 минут үргэлжилнэ. Нөөлөг нь хамгийн сул хүчтэй догшин хуй F0 болно” хэмээсэн байна [Нацагдорж 2014: 579].

Нэмэн өгүүлбэл Булган аймгийн Бүрэгхангай уулын домог нь: “Эрт урьд цагт тэнгэрээс нэг луу бууж ирж, ард олонд аймшигтай гай гамшиг тарьжээ. Үлэмж хүчтэй нэгэн баатар эр тэр луутай ноцолдож цусыг нь урсган, ясыг нь цувуулан сөнөөгөөд урагш нь шидчихсэн гэнэ. Шидэгдсэн луу хад чулуун овоо болж тогтсон нь Бүрэгхангай уул болсон гэх ба цус урсгасан газрыг нь Цуст, яс цувуулсан газрыг нь Яст гэх болсон гэнэ” [Равдан 2012: 346] хэмээн тэнгэрээс луу буун ирж ард олонд гай зовлон авч ирсэн талаар өгүүлдэг.

Бүрэг уулын нэрийн талаар хэд хэдэн санал байдгийн нэг нь эрдэмтэн О. Сүхбаатарын санал юм. Тэрээр “оройд нь үүл манан хөшиглөн бүрэг бараг харагддагаас бүдэг, бүрэг гэсэн утгаар нэрлэсэн байж болох талтай. Гэвч Бүрэгхангай уулын төвд хэлээр байгаа сангийн сударт энэ уулыг Брүг хангай (brug hang kas) гэж тэмдэглэсэн нь нэн шинэ баримт болж байна. Энэ Брүг гэсэн үг нь Луу гэсэн утгатай төвд үг болно. Монголчууд уул усаа шинжихдээ дөрвөн хүчтэн болоод бусад ан амьтантай адилтган тайлбарлаж ирсэн нь газар усны магтаал, газар шинжихүйн сударт тодорхой туссан байдаг.

Тэгвэл Бүрэг уулын оройд үүл манан хөшиглөсөн байдгаас луу байдаг гэсэн төсөөллөөр ч юм уу эсвэл лууны хэлбэртэй атиралдан сунаж тогтсон байц байдлаар нь ч юм уу, дөрвөн хүчтэний нэгээр бэлгэдэл болгон нэрлэсний аль нь ч байж болох юм. Монголчууд газар шинжихүйн ёсоор бол атираатай үргэлжилсэн уул нурууг лууны шинжтэй гэдэг. Өөр нэг сонин зүйл гэвэл энэ зууны эхээр бүтээсэн Гүн Дашдэмбэрэлийн нутгийн зураг бүхий газрын нэрийг төвд үсгээр үгчилж бичсэний дотор бидний ярьж буй Бүрэг уулыг Brug (луу) гэсэн төвд үсгээр бичжээ. “Гэсэрийн тууж”-д Брүг луу гэсэн нэр гардаг нь сүм хийдийн дээвэрт урласан нэг зүйл гөрөөсийг хэлсэн байдаг. Дүгнэвэл Бүрэгхангай уул нь “Луут хангай уул” гэсэн нэр” [Сүхбаатар 2001: 20, 21] юм гэж тайлбарлажээ. Дээр хэлсэнчлэн “brug” гэдэг нь төвд хэлний “луу” гэсэн үг болно. Мөн энэ тайлбар дээр өгүүлсэн домогтой тохирч байгаа зэргээс үзвэл “Бүрэгхангай”-н нэр нь “Луут хангай” гэсэн үг бөгөөд оройд нь үүл манан хөшиглөсөн байдаг учир тэнд луу оршдог гэсэн төсөөллөөс

эсвэл хэлбэр төрхөөс нь болж, мөн тэнгэрээс луу буусан гэсэн домгийн улбаанаас ийнхүү нэрлэсэн бололтой.

Энэ бүгдээс ажиглавал монголчуудын “луу унжих” хэмээн домоглон сэтгэдэг байгалийн үзэгдэл нь дан ганц “догшин хуй”-г хэлэх бус “нөөлөг салхи”, “догшин хуй”, аянга цахилгааны хамт бий болдог “хар салхи” зэргийг лууны тухай төсөөлөл ойлголтоор ерөнхийлөн нэрлэсэн хэрэг юм.

Эдгээрийг дүгнэвэл:

1. Монголчууд лууг тэнгэр болон лусад байрладаг хэмээхийн дээр ган, зуд, салхи шуурга зэрэг байгалийн элдэв эерэг, сөрөг үзэгдлийг лууны ивээл хишиг болоод догшрон хилэгнэсний үр гэж төсөөлдөг нь харагдаж байна.
2. “Луу худагт ичих” нь тухайн нутагт өн болохын дохио бол “луу унжих” нь ган, зуд болохын илрэл хэмээх бөгөөд лууг эрхэмлэн дээдэлбээс элдэв гай гамшгаас хол хөндий байна гэж ойлгодог байна.
3. Монголчуудын “луу унжих” хэмээн домоглон сэтгэдэг байгалийн үзэгдэл нь цаг уурын шинжлэх ухаанд бол “догшин хуй”, “нөөлөг салхи”, “хар салхи” зэрэг борооны бөөн үүлнээс бий болдог агаарын хуйлраа, хүчтэй салхи юм.

Ном зүй

- Арьяасүрэн, Нямбуу 1992 — *Арьяасүрэн Ч., Нямбуу Х.* Монгол ёс заншлын их тайлбар толь. Улаанбаатар, 1992. 927 х.
- Болдбаатар 2008 — *Болдбаатар Ю.* Монгол нутаг дахь эртний нүүдэлчдийн задын шүтлэг. Улаанбаатар, 2008.
- Гонгоржав 2005 — *Гонгоржав Г.* Монголчуудын чулууны өв соёл. Улаанбаатар, 2005.
- Дархадын далан худалч 2011 — Дархадын далан худалч, Улаанбаатар, 2011.
- Дулам 2011 — *Дулам С.* Монгол бэлгэдэл зүй, IV боть. Зүүд, зөн совингийн бэлгэдэл зүй, цагийн бэлгэдэл зүй. Улаанбаатар, 2011.
- Катуу 2011 — *Катуу Б.* Монгол урианхайн аман зохиол. Улаанбаатар, 2011.
- Нацагдорж 2014 — *Нацагдорж Л.* Цаг уурын нэр томъёоны Англи-Орос-Монгол толь, Улаанбаатар, 2014.

- Равдан 2012 — *Равдан Э., нар.* Монгол газар нутгийн нэрийн мянган домгийн чуулган, Улаанбаатар, 2012.
- Сүхбаатар 2001 — *Сүхбаатар О.* Монголын тахилгат уул усны сангийн судар оршвой. Улаанбаатар, 2001.
- Хангайсайхан 1991 — *Хангайсайхан Х.* Цаг уурын цагаан толгой. Улаанбаатар, 1991.

Аман эх сурвалж

1. Батбаярын Хонгорзул, Хэнтий аймгийн Норовлин сумын уугуул, 1994 онд төрсөн, нохой жилтэй, эмэгтэй, МУИС-н IV ангийн оюутан, 2015.2.11-нд МУИС-н хичээлийн II байранд тэмдэглэж авав.
2. Сайнбуянгийн Мижид, Увс аймгийн Хяргас сумын уугуул, 1993 онд төрсөн, эрэгтэй, МУИС-ийн IV ангийн оюутан, 2015.2.5-нд Антоон Мостаэрт монгол судлалын төвд тэмдэглэж авав.
3. Намнандоржийн Баасанжав, 1993 онд төрсөн, тахиа жилтэй, эрэгтэй, МУИС-н IV ангийн оюутан, 2015.1.24-нд Антоон Мостаэрт монгол судлалын төвд тэмдэглэж авав.
4. Эрдэнэбилэгийн Одончимэг, Булган аймгийн Дашинчилэн сумын уугуул, 1993 онд төрсөн, тахиа жилтэй, эмэгтэй, МУИС-ийн IV ангийн оюутан, 2015.2.16-нд МУИС-н III дотуур байранд тэмдэглэж авав.
5. Гомбын Бямбажав, 1918 оны морь жилтэй, эмэгтэй, 2017.3.1-нд Төв аймгийн Бүрэн сумын Өнжүүл багт тэмдэглэж авав.
6. Адьяагийн Даваасүрэн, 1936 онд төрсөн, хулгана жилтэй, эрэгтэй, 2016.9.5-нд Төв аймгийн нэгдсэн эмнэлэгт тэмдэглэж авав.
7. Г.Буянтогтох, 1952 онд Архангай аймгийн Чулуут суманд төрсөн, луу жилтэй, эрэгтэй, 2016.11.16-нд ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнд тэмдэглэж авав.

ХАВСРАЛТ

“Луу унжих” домгийн аман сурвалж:

1. *Миний мэдэхээр хоёр ч удаа болж байсан /Хэнтий аймгийн Норовлин сум/. Нэгийг нь бол зүгээр сонсож байсан. Нөгөөтхийг нь бол, 11онд /2011/ зун долоон сард болж байсан. Тэгээд би өөрөө харсан. Эхлээд манай сумаас зүүн хойно, тод, тэгээд тийм нэг сагсгар сүүлтэй юм унжиж байснаа, тэгээд л тодроод, тодроод л, тодроод л, мэдэхгүй ээ арав хорин минут ойролцоогоор болсон*

байх аа тэр. Тэгээд хорин минут хэртэй үргэлжлээд эхлээд лууны сүүл гээд нэг цагаан юм унжиж байснаа сагсгар болоод тэгээд бүүр ийм бөөрөнхий цагариг болоод, тэгж байснаа цаашаа ингээд эргэлдээд, эргэлдээд алга болсон. Дээрээс доошоо нэг юм унжаад л ингээд/гараараа дүрслэн үзүүлэв/. Тэгээд уулын яг оройны тэнд, нэлээн том, дээшээ ингээд эргэлдээд л алга болсон. “Луу унжих”-ыг ер нь муу л гэдэг. Зуд mud, байгалийн ямар нэг муу үзэгдлийн дохио өгч байгаа гэдэг.

Батбаярын Хонгорзул, Хэнтий аймгийн Норовлин сумын
уугуул,
1994.4.20-нд төрсөн, эмэгтэй, нохой жилтэй, МУИС-н IV
ангийн оюутан,
2015.2.11-нд МУИС-н хичээлийн II байранд тэмдэглэж
авав.

2. Манай нутагт уул, хаданд уур манангаас болж хөлдсөн зүйлийг лууны хөөс гэдэг. Түүгээр толгойгоо угаавал үс өнгө зүс сайтай сайхан болдог гэдэг.

Сайнбуянгийн Мижид, Увс аймгийн Хяргас сумын уугуул,
1993.4.30-нд төрсөн, эрэгтэй, тахиа жилтэй, МУИС-ийн IV
ангийн оюутан,
2015.2.5-нд Антоон Мостаэрт монгол судлалын төвд
тэмдэглэж авав.

3. 2008 онд Төв аймгийн Лун сумын ойролцоо, төвөөс нааш 8 км зайд болсон. “Цэгээн цагаан” гэж нууранд луу буусан. Би яг тэр луу эсэхийг сайн мэдэхгүй л дээ. Хүмүүсийн яриагаар бол луу гэж ярьсан. Тэр үед тэнгэрээс нарийн цагаан юм бууж ирээд л, тэгээд тэр нь нуурыг бүтэн тойрсон. Бүтэн тойрохдоо хуй босоод улаан шороо тавьж байгаа юм шиг тойроод тэгээд буцаад нуурынхаа урд талд байдаг уулаар дамнаад уулын дээрээс үүл рүү ингээд орсон. Тухайн үед орой яг нар дөнгөж жаргасны дараахан байсан. Долоо хоног шахуу бороо орцон байсан. Тэгээд яг цэлмэж байхад л үүлнээс буусан. Яг бууж ирж байхдаа цагаан, буцаад гарахдаа ч гэсэн цагаан. Тэгээд яг тэр юу тойрч байхдаа болохоор улаан шороо босож байгаа юм шиг. Тав, арван минут л болсон байх.

“Цэгээн цагаан” нуурыг яг тойроод л дээшээ гарсан.

Намнандоржийн Баасанжав, 1993 онд төрсөн, тахиа жилтэй,
эрэгтэй, МУИС-н IV ангийн оюутан, 2015.1.24-нд
Антоон Мостаэрт монгол судлалын төвд тэмдэглэж авав.

4. Булган аймгийн Дашинчилэн суманд 2014 оны 7-р сарын 28-нд бороо орсны дараа үүлнээс нэг юм унжсан. Хүмүүс луу унжлаа гэж ярьсан. Тэнд байсан байшингийн суур нь л үлдсэн байсан. Хэр хугацаатай үргэлжилснийг мэдэхгүй би харчихаад буцаад орчихсон. Нэг тийм гозойсон цагаан, хуйларсан юм л байсан.

Эрдэнэбилэгийн Одончимэг, Булган аймгийн Дашинчилэн
сумын уугуул,
1993-нд төрсөн, эмэгтэй, МУИС-ийн IV ангийн оюутан,
2015.2.16-нд
МУИС-н III дотуур байранд тэмдэглэж авав.

5. Урьд луу унжих гэж нэг, урьд байсан юм. Унжиж байсан юм. Манайхны энүүхэн баруун хойно. Энэ Дөрөлжид байхад унжиж байсан юм. Намайг л ер нь жаахан байхад. Арван хэдтэй байхад юм болов уу. Тэр нь одоо дал ная, ная ерэн жил болж байгаа байх. Тэр нэг бөөн үүлнээс ингэж/гараараа дүрсэлж үзүүлэв/ нэг юм унжаад тэгээд ингээд махиганаад, дээшээ доошоо ингээд л яваад, дээшээ нэг агшаад тэгээд байсан. Газардвал сүйдэлчихдэг, салхи тавиад сүйдэлдэг гэж байсан. Дээшээ агшаад явал гайгүй гэж байсан. Тэгээд манайхан тэрүүнийг, дээшээ л агшиж байсан, манайхан тэгээд яахав Алтангэрэлээрээ дохиод, салхи тавина гээд айгаад л, тэгж байсан юм аа. Тэгээд дээшээ л агшичихсан тэгээд салхи тавиагүй. Доошоо л газардвал сүйдэлдэг юм л гэж ярьж байсан. Нэг тийм л юм байсан.

Гомбын Бямбажав, 1918 оны морь жилтэй, эмэгтэй,
2017.3.1-нд
Төв аймгийн Бүрэн сумын Өнжүүл багт тэмдэглэж авав.

6. Манайх Дэлгэрхааны Ар улаан дэл гэдэг газар байсан, зун. Тэгсэн чинь л гэнэтхэн хойноосоо тэнгэр дуугараад л, юүхэв ээ шороо буужигнуулаад, салхи гэдэг чинь зүгээр л жигтэйхэн болоод

л, тэгээд айхтар ширүүн бороо л шуураад өнгөрсөн. Мал хуй чинь бужигнаад л, одоо зүгээр сарниад жигтэйхэн болсон. Тэгээд л айхтар тэнгэр дуугарлаа л гэсэн. Тэгсэн орой мордоод би баруун хажуугаас хонио нааш нь туугаад ирсэн чинь за ямарч байсан нэг дөрөв, таван зуун метр болов уу, за ямарч байсан нэг тав, зургаан зуун метр газар, газрыг нь хөрсөөр нь эргүүлээд хаячихсан. Тэгээд энэ чинь одоо юу болоод улаан шороо ингээд эргүүлчхэв ээ гээд, ирээд хэлсэн чинь аав л “ээ тэр тэгэлгүй яахав тэр их айхтар дуугарч, их салхилсан, тэнгэрч айхтар юу яасан юм байгаа юм. Луу унжих гэж тэгдэг юм” гэж. Тэгээд өөрөө мордоод, яваад, үзээд, ирсэн чинь луу унжсан, луу унжих гэж ингэдэг газрын хөрсийг хөрсөөр нь эргүүлчихдэг гэж.

Би арван зургаа долоотой л байсан. Тэгэхэд нэг тэгж луу унжих гэдгийг, их салхи гараад, шороо бужигнуулаад, тэнгэр дуугараад, бороо ороод хавсруулаад л хаячхаж байсан юм. Зун л юм даг. Тэгж байсан юм. Тэрүүнийг би тэгж нэг үзсэн юм. Тэрий чинь ч би унжиж байгааг нь би ч юуг нь харах вэ дээ гэр лүү л дайраад л, гэрт л амь хоргодож л байсан. Үгүй ээ тэр мөн айхтар, тэнгэр тачигнаад л, дуугараад зүгээр юүхэв, тэгж л байсан юм даа.

Адьяагийн Даваасүрэн, 1936 онд төрсөн,
хулгана жилтэй, эрэгтэй,
2016.9.5-нд Төв аймгийн нэгдсэн эмнэлэгт тэмдэглэж авав.

7. Энийг ярьсан хүн бол Батбуян гэж хүн байсан юм. Батбуян бол Архангай аймгийн Чулуут, Өндөр-Улааны нийлсэн, тийм хуучин Шиваа Шивээтийншавь гэж, Шивээт гүний шавь юм. Сум хуваагдахад Өндөр-Улаанд хуваагдсан хүн байсан. Энэ хүн 36 онд цэрэгт явсан байна. 1936 онд. Тэгээд хил дээр очоод, хилийн цэрэг байж байгаад тэгээд харсан чинь Өвөр монголд одоо ингээд шашин ном нь хэвээрээ, овоо мовоо тахиад л их сайхан байж гэнэ ээ. Манайх байхгүй устгачихсан. Тэгэхээр мань эр чинь одоо маанит газар эрх, манзат газар аяга байж мэднэ гээд манаагаа орхиод явчихсан байгаа юм. Тэгээд цаашаа явчихгүй юу. Тэгээд яваад ороод, мань эр чинь Өвөр монголд байгаад бүүр авгай хүүхэдтэй болоод, Японы армийн бараг хурандаа мурандаа болсон юм уу даа. Тэгээд Япончуудтай нийлж Хятадуудыг Өвөр

монголоос хөөж гаргасан гэж ярьдаг байсан байхгүй юу. Тэгээд тэр хүн тэгж явж байх хоорондоо Өвөр монголд “луу унасан” байхыг харж гэнэ ээ. Нэг өдөр луу унасан мунасан бөөн юм болоод очсон чинь сүүдэр босгочихсон, сүүдэр дотор нэг ийм ботго шиг ийм бөхтэй бөгтгөр юм байна гэнэ. Тэгээд Өвөр монголын лам нар цуглаад одоо ном уншина, дээш нь гаргана барина гээд л тэр хооронд улсууд ус мусаар цацаад л норгоод байна гэнэ нөгөөхийг чинь. Тэгээд л лам нар нь ирлээ, номоо унших боллоо гээд дөрвөн лам ч юм уу, одоо цуглаад л ном уншиж эхэлсэн гэнэ ээ. Тэгтэл шороо хийсгээд л босоод, тэгж байснаа үүл хуралдаад л, тэгээд тэр үүл рүү л нөгөөх чинь гараад явчихсан гэж байгаа юм. Тэгээд яваад өгсөн. Тэгж би луу уначихсан байхыг нүдээрээ үзсэн гэж надад ярьдаг байхгүй юу. Би худлаа битгий яриад бай тийм юм хэзээ байдаг юм гэхээр энэ хоёр нүдээрээ харсаан гээд. Тэгээд надад төсөөлж өг гэсэн чинь ингээд байсан ийм бөгтөр ботго шиг жижгэвтэр юм байсан гээд.

70 онд /1970/ юм байна яг. Би тэгэхэд Архангайн багшийн сургуулийн сурагч байсан. Төгсөх гэж байсан. Хоёрдугаар анги төгсөх гэж байсан байна. Тэгэхэд мань эр надад яриад би тэгэхэд нь Маркс, Лениний хүмүүжилтэй ёстой битгий худлаа яриад бай, луу муу гэж ямар юм байдаг юм гэсэн чинь мань эр надад баталж ярьж байгаа байхгүй юу.

Г. Буянтогтох, 1952 онд Архангай аймгийн
Чулуут суманд төрсөн, луу жилтэй,
эрэгтэй, 2016.11.16-нд ШУА-ийн Хэл зохиолын хүрээлэнд
тэмдэглэж авав.

УДК 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-189-206

**Байгаль, экологийн сэдэвт монголын аман болон
орчин үеийн яруу найргийн бүтээлүүд
(= Произведения устной и современной поэзии
о природе и экологии)**

Алимаа А.¹, Цэвээндорж Д.²

¹ Институт языка и литературы Академии наук Монголии (д. 54а, пр-т Энхтайван (Мира), район Баянзурх, 13330 Улан-Батор, Монголия)
Ph.D., научный сотрудник
E-mail: alimaa_mgl@yahoo.com

² Институт языка и литературы Академии наук Монголии (д. 54а, пр-т Энхтайван (Мира), район Баянзурх, 13330 Улан-Батор, Монголия)
Ph.D., научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Алимаа А., Цэвээндорж Д., 2020

Аннотация. В статье авторы затрагивают вопрос об ухудшающейся экологии в Монголии, что связано не с собственно природными явлениями, а необдуманной деятельностью человека. Согласно «Отчету о состоянии окружающей среды в Монголии. 2013–2014», составленном Правительством Монголии, изменение климата в Монголии усилилось, за последние 75 лет годовое количество осадков уменьшилось на 7 %, увеличилось использование ресурсов подземных вод, леса пострадали от пожаров, 10,5 тыс. га гобийских лесов высохли, при этом, согласно оценкам, 53 % опустынивания вызвано человеческими факторами. Улан-Батор сегодня является одним из самых загрязненных городов мира из-за чрезмерного выпаса скота, истощения полезных и редких растительных ресурсов и увеличения экологического ущерба от добычи полезных ископаемых. В связи со сказанным ученые уделяют большое внимание вопросу повышения осведомленности об утрате традиций сохранения природы и предоставления экологического знания через литературу и фольклор. Тема

защиты природы в монгольском фольклоре и мифе сводится к тому, что человек не всегда должен управлять природой и контролировать окружающую среду, а должен понимать и обращаться к природе как к живому существу. Это означает, что у людей будут естественные отношения, сбалансированная и безопасная жизнь. Одновременно с изучением традиционных знаний монголов о сохранении природы с 1990-х гг. стали появляться специальные монографические исследования. Общий вывод опубликованных книг состоит в том, что история взаимодействия монголов с природой была поистине цивилизованной. В современной монгольской литературе утвердилось направление экокритика (ecocriticism). Стихотворения монгольских поэтов, пишущих о природе, звучат как сигнал бедствия, как крик природы о помощи. В данной статье проведен анализ произведений традиционной монгольской и современной поэзии на тему сохранения природы и экологии.

Ключевые слова: природа, экология, Монголия, традиции сохранения, фольклор, литература, экопоэма, экокритика, писатели, культура

Благодарность. Исследование проведено при поддержке Монгольской Академии наук, тема проекта «Взаимосвязь произведений монгольского фольклора и литературы». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Алимаа А., Цэвээндорж Д. Байгаль, экологийн сэдэвт монголын аман болон орчин үеийн яруу найргийн бүтээлүүд (= Произведения устной и современной поэзии о природе и экологии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 189–206. (На монг.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-189-206

UDC 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-189-206

Mongolian folk and contemporary poems about ecology and nature environments

Alimaa A.¹, Tseveendorj D.²

¹ Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia
(54a, Enkhtaivan ave., Bayanzurkh distr., Ulan Bator 13330, Mongolia)
Ph.D., Leading Research Associate
E-mail: alimaa_mgl@yahoo.com

² Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Mongolia
(54a, Enkhtaivan ave., Bayanzurkh distr., Ulan Bator 13330, Mongolia)
Ph.D., Researcher

© KalmSC RAS, 2020

© Alimaa A., Tseveendorj D., 2020

Abstract. The social priorities of literature are the tribune of environmental ideology. Today, in the Mongolian literature, the direction of ecocriticism has been established. This article makes an analysis in traditional Mongolian poetry and modern poetry on the topic of nature conservation and ecology. In Mongolian folklore praise the purity of nature and the motherland. His idol of pure nature is praise and praise. But each species has its own color. The topic of nature protection in Mongolian folklore (Orthodoxy, Magtaal-praise, Tuul-epic, du-folk songs and myth) is that a person should not control and control nature but understand and convert to nature as a living creature; means that people will have a natural relationship, a balanced and safe life. Probably, there is not a single poet of Mongolia who does not address the topic of “man and nature”. Each in its own way perceives nature, and each in its own way revealing to the reader the world of nature and himself in this world. The space of the “Mongolian spirit” created by the poet is filled with natural landscapes, people, and historical memory. His ancestors and descendants, the dead and living, are called upon to preserve this space and believing that nature and civilization can exist in equal harmony, he would like to reconcile them among themselves. Therefore, the poems of Mongolian poets writing about nature sound like a distress signal, like a cry for help to nature. This is a feature. That is why Mongolian writers have initiated environmental protection measures. They stopped the construction of a chemical plant on Lake Hubsgul. The lake is the main freshwater reservoir in the world. Mongolian writers also warned that the pine forest “Tuzin Nars” was destroyed in nature every year billions of tons of waste. With such an attitude of man to nature on Earth there will soon be nothing left. There are examples of the writer C. Galsan, who planted 360 thousand trees. In this article we propose that we do not limit

the observation and conclusions about the mastery of writers to the nature of the writings, but take into account personal, mental and social changes in the environment.

Keywords: ecology, ecopoem, Mongolian oral and modern poems, ecocriticism, writers, culture, traditional heritages

Acknowledgement. Fundamental research study “An interrelation between Mongolian oral and literate works” sponsored by Mongolian Academy of Sciences. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Alimaa A., Tseveendorj D. Mongolian folk and contemporary poems about ecology and nature environments. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 189–206. (In Mong.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-189-206

Нэг. Монголчуудын байгаль хамгаалах үзэл санааны үндэс

Монголчууд байгаль орчноо хамгаалах олон зууны баялаг уламжлалтай. Энэ нь малчин удамтай монголчуудын аж төрж ирсэн газар нутаг, цаг уур, мал аж ахуйн өвөрмөц онцлогоос үүдэн гарчээ. Нэг талаас монгол хүний амьдралын хэв маяг, аж төрөх ёс; нөгөө талаас голлон эрхэлдэг мал аж ахуй нь байгалийн тогтоц, цаг уур, газрын хөрс, бэлчээр буюу өвс ургамал, гол ус зэргээс ихээхэн хамааралтай учир эрт үеэс байгаль орчныг сайтар танин мэдэж, хүндэтгэн харьцдаг өөрийн гэсэн угсаатны экологитой (ethnoecology) болжээ. Угсаатны экологид тухайн улс үндэстний уламжлал, шүтлэг бишрэл, амьдралын дадал хэвшил, хэм хэмжээ, ардын мэдлэг ухаан, оюуны соёл тэргүүтэн багтана. Байгаль хамгаалах, экологийн тэнцвэрт байдлыг хадгалах ард түмний түүхэн туршлага бүхий угсаатны экологи бүрэлдэхэд аман зохиол, домогзүй (миф)-гээс гадна бөө мөргөлийн өмнөх үе буюу язгуур шүтлэг, бөө шүтлэг, бурханы шашин тэргүүтэн томоохон нөлөө үзүүлжээ.

Монголчуудын язгуур шүтлэг, домгийн сэтгэлгээнд байгалийг шүтэх шүтлэг Тэнгэр, Газар, Ертөнцийн модны эрхэмнэлээр

илэрдгийг судлаачид онцлон тэмдэглэсэн байдаг. Жишээ нь, монголч эрдэмтэн С. Ю. Неклюдов “Хунну, Ухань нар Тэнгэр, Сар, од эрхисээс гадна Газар ...шүтдэг байв” [Неклюдов 1982: 170] гэжээ. Эртний киданчууд цагаан зүсмийн буга, нийт монголчууд гоо марал, бөрт чоно, буриад монголчууд хун шувуу, ойрад монголчууд уул шувуу гэхчлэн сүлд шүтээнээ болгодог байсан нь багалийн нэгээхэн хэсэг болсон ан амьтныг хайрлах, хамгаалах сэтгэлгээг хойч үед төлөвшүүлэх нөлөөтэй байв.

Монгол домогзүйн сэтгэлгээнд уул шүтлэг онцгой байртай. Эртний монголчуудын төсөөллөөр ертөнцийн төв цэг нь Сүмбэр уул гэж үзээд тууль, үлгэртээ “Сүмбэр уулыг дов байхад,сүүн далайг шалбааг байхад” хэмээн өгүүлсээр ирсэн. Оросын эрдэмтэн Н. Л. Жуковская монголчуудын уул шүтлэгийг авч үзээд “Уул бол тухайн орон нутгийн орон зай, газарзүйн баримжаа болохоос гадна шүтлэгийн чанартай. Газарзүйн хувьд төв цэг болсон уул, түүнийг тойрон бүрэлдэх бичил газруудын нэршил, байршил, байц зэрэг чухал ойлголт оршиж байдаг. Харин шүтлэгийн хувьд тэрхүү гол хайрханы нэр тухайн уулын нэр, цаашлаад угсаатны овгийн нэрийдэл нэр, хожмоо засаг захиргааны хуваарийн гол баримжаа болдог” [Жуковская 1988: 27] гэжээ. Монголчуудын цэцэн үгэнд “уул байвал ус байна” гэсэн хэллэг бий. Уул бол ус, хүнс, амьжиргааны олон эх үүсвэр гэдгийг амьдралын туршлагаараа ийнхүү онож хэлжээ. Тэрчлэн эртний овог аймгийнхан өвөг дээдсээ нутаглуулдаг тул тухайн уул, газар орныг шүтэх шүтлэг үүсчээ. Энэ бүхэн нь үнэндээ хүний амьдралын бодит хэрэгцээ, шалтгаанаас үүдэлтэй ажээ. Харин өнөө цагт олонхи судлаачид уул, газар усаа хайрлаж хамгаалах үзэл санааг ихэвчлэн хийсвэр сэтгэлгээтэй холбох нь түгээмэл ажиглагддаг. Ийнхүү монголчуудын нутаг орноо хайрлаж, хамгаалах сэтгэлгээ нэн эртнээс үүсчээ.

Өвөг дээдсийн онгоныг хадгалсан газар нутаг, уул хайрханаа тайж тахиx зан үйл лавширсаар тэдгээр онго сүнс нутаг орны далд эзэн, сахиус савдаг болон хувирч энэ нь бөөгийн шүтлэгийн үндэс болжээ. Бөө мөргөл нь өмнөх язгуур шүтлэг, домогзүйн сэтгэлгээг бодоход илүү нарийн, сүсэг бишрэл, сэтгэлзүй, тайлга тахилга зэрэг олон талыг хамарсан учир байгаль хамгаалах, экологийн

соёлын элементийг төлөвшүүлэхэд хүчтэй нөлөө үзүүлжээ. Учир нь хүн, байгаль, амьтан, ургамал, орчин тойрны юмсыг амьтай гэж үзэж, амьжуулж (гилоизм) ойлгодог. Амьд байгаль гэдэг ойлголт бол хүний экологийн соёлын үндэс учир бөө мөргөлийг “байгаль” шүтээнтэй шүтлэг гэж нэрлэдэг нь ийм учиртай.

Бурханы шашин дэлгэрснээр монголчуудын язгуурын болон бөөгийн шүтлэгийн ойлголт, загвар зэргийг өөрт ашигтайгаар найруулан ашигласан бөгөөд монголчуудын өвөг дээдсийн онго сүнс, бөөгийн шүтлэгийн “эзэн” нь бурхад уул овооны навдаг, шивдэг, савдаг тэргүүтэн болж, тэдгээрт зориулсан тусгай уншлага сангууд ч зохиогджээ.

Байгаль хамгаалах үзэл санаа энгийн иргэд, тэднийг захиран удирддаг төрийн бодлогын салшгүй хэсэг нь байсаар ирсэн юм. Тухайлбал, ард олны одоо ч өдөр тутамдаа хэрэгжүүлдэг аман хууль буюу цээрийн ёсны нэгээхэн хэсэг нь байгаль хамгаалах чиг агуулгатай юм. Томчууд нь хүүхэд багачуудад бүр багаас нь цээжлүүлж, ярьж тайлбарлаж өгнө. Жишээ нь,

— Шувууны өндгөн дээр сүүдрээ бүү тусга. Ээж нь голоод явчихна. Тэгвэл өндөг нь хагарч шувуу болдоггүй юм.

— Гол мөрөн, булаг шанд, усны ойролцоо бие засахыг нэн цээрлэнэ. Ус бол чандмань эрдэнэ.

— Ургаж байгаа өвс ургамал, жимс модыг тасдаж болохгүй. Шүүс нь гарсаар эх ургамал нь үхнэ гэх мэт.

Тэгвэл Монголчууд байгалийн баялаг, түүний ашиг шимийг хүртэх талаар 800 орчим жилийн өмнө хуульчлан тогтоож байсан түүхтэй. “Их засаг” болон бусад хууль журмын бичгүүд байгаль орчноо хайрлан хамгаалах зарлиг тогтоол гарган даган мөрддөг байв. “Их засаг” (1189–1206 он) хуульд: “Ус болон үнс рүү шээвэл цаазалсугай” (5-р бүлгийн 129-р зүйл) [Цэрэнбалтав, Минжин 2003: 36], усанд гараа дүрэхийг хориглож, ус хутгахын тулд ямар нэг сав суулга хэрэглэдэг байх (5-р бүлгийн 133-р зүйл 37), Өвс ногоорсны хойно газар нүхэлсэн ба гал алдаж билчээр шатаасны нэгэн гэрийхнийг алмуй (Их цаазын 5-р бүлэг. 119-р зүйл. 102-р тал) гэсэн бол Өлзийт хааны үед гаргасан “хууль цаазын бичиг” (1294 он)-т: “...хавар болоход хамгийн урьд мод тарьж суулгах

хэрэгтэй. Модыг зүй бус огтолж үл болно. Зөрчигчдийг хууль ёсоор ялласугай” гэх ба XVI зууны хоёрдугаар хагаст хамаарах “Зургаан хошууны хууль цааз”-ын бичигт: “...ус буртаглахад морь, үхэр хоёр ав. Үзсэн гэрч үхэр ав” [Ганзул; Хууль сахиулах; Батбилэг 1986: 95] гэж заасан байна. “Халх журам” хуульд Гал түймэрийн талаар онцгой заалт байх ба “Хэн хүн түймэр алдваас хэдэн хүн бөгөөс төдий торгууль төлөх, түймэр алдсан хүн өөрөө унтрааваас торгууль төлөхгүй, түймэр тавьсныг харсан хүн гэрчилбээс, түймэр гарсныг даралцсан хүмүүст шагнах, түймэр унтраах зар тараасан ч очоогүй бол торгох ба шийтгэнэ” [Халх журам 1958: 77] зэрэг заалт байсан ой хээрийн түймэр тавьсан гэмт этгээдийг цээрлүүлэхээс гадна ой хээрийн түймэр илрүүлсэн, унтраасан, түймрээс хүн, мал, эд хөрөнгө аварсан этгээдэд урамшуулах хэм хэмжээтэй хуулийн заалтыг байжээ. Жишээ нь, “Монгол-Ойрадын Их цааз”-ын 60-р зүйлд: “Нүүсэн нутгаас гал унтраавал хонь ав. Түймэрт үхэх хүнийг аварвал тав ав, Түймэр, ус хоёрт туслах гэсэн хүн үхвэл бэрхтэй ес ав, Унасан унаа нь үхвэл бэрхтэй босгож ав, Боол хүн, хуяг (нум) гаргавал нижгээд морь ав. Лоовууз, хуяг гаргавал морь хонь хоёр ав. Гэр бараа, эд таваар гаргавал морь, үхэр авч хувааж ид. Түймрээс хэдэн сүрэг мал гаргавал хоёрыг ав, цөөнөөс нэгийг ав” [Амархүү 2000: 225] гэж заасан байдаг ажээ. Энэ бүхэн дээр өгүүлсэнчлэн байгаль хамгаалах тухай монгол үндэстний онцлог бүхий угсааны экологийн соёлыг бүрүүлэн улмаар ардын аман зохиол, өнөө цагийн бичгийн утга зохиолд илэрч байдгийг өгүүлэлд хэлэхийг зорьлоо.

Нэг. Аман яруу найргийн бүтээлүүд дэх байгаль хамгаалах сэдэв

Монгол уран зохиолын эх үндэс, үндсэн хөрс суурь нь болсон аман зохиол нь тууль, үлгэр, домог, аман хууч, ардын дуу, ерөөл, магтаал, зүйр цэцэн үг, оньсого, ертөнцийн гурав гэх мэт төрөл зүйлийн хувьд арвин баялаг билээ. Эдгээрт байгаль орчин, эх нутгийн гоо үзэмж, түүний ач ивгээлд хүн, хүний аж амьдрал өөдлөн дэвжиж ирсэн, хүн-байгаль хоёр эх-хүүхэд мэт хүйн холбоотой гэдэг ойлголтыг агуулсан байдаг. Тийм учраас монгол

аман зохиолын нэгэн бүрэлдэхүүн болсон тайлга, тайхилгын шүлэг нь өндөр уул овоо, өргөн гол, амьдран буй газрынхаа далд эзэдэд хандан зохиогдсон юм. Эдгээр далд эздийн нэг нь монголчуудын зураглан бүтээсэн, бурхан хэлбэрийн анхны шүтээн нь морьд болоод Цагаан өвгөн [монголоор *ᠴаᠭан еbуген*, халх монголоор: *ᠴаᠭан öbgen*, *baɣural övög*, *myalʃangin ᠴаᠭан övgön*; халимаг монголоор: *ᠴаᠭан аabu*, цагаан авга, жилийн эзэн; буриадаар: *saɣаң übgen*] юм.

Цагаан өвгөнийг ойн сайхан цэцэрлэгт оршин сууж, амьтны сайн муу үйлийг тольдон сууж, уул усны эзэд савдагийг захиран суудаг гэж үздэг. Тиймээс цагаан өвгөнийг шашин судлаач Оросын эрдэмтэн О. Розенберг «ардын шашин» [Розенберг 1918: 48] гэжээ. Цагаан өвгөний зурагт зургаан мөнх зүйл буюу “мөнх сүндэрлэх уул, мөнхөд урсах рашаан, мөнхөд наслах хүн, мөнхөд наслах гөрөөс, мөнхөд наслах шувуу, мөнхөд наслах мод”-ны бэлгэдлийг дүрсэлж, газар усыг захирах бэлгэдлээр гартаа луун толгойт таяг, хөлдөө барын арьсан гутал өмсөж, жимслэг нэрт уулнаа ан амьтдаар хүрээлүүлэн суугаа байдлаар дүрсэлсэн [Дулам 1989: 180; Tucci, Heissig 1973: 44; Жуковская 1977: 33] байдаг. Монголчууд ийнхүү цагаан өвгөнийг байгалийн эзэн хэмээн төсөөлдгийн бэлгэдэл нь түүний хөрөгт буйгаар: жимс нь байгалийн баялаг, түүний үр шимийг, ногоон мод нь ургамлын аймгийг, ус нь бүхнийг тэтгэгч ус ариун рашааныг, уул хадны зураг нь хүнийг өвөртөө тэврэн ивгээгч газрыг төлөөлөх төдийгүй, хүн бол түүний дэргэд өчүүхэн амьтан гэдгийг харуулсан бол, тогоруу нь шувуудын аймаг болон урт насыг, гөрөөс нь амьтны аймаг, цэвэр ариун байдлыг тус тус бэлгэдсэн ажээ.

Дэлхийн эзэн Цагаан өвгөндөө цагаан идээ, сүү тараг, өрөм ааруул тэргүүтнийг өргөн арц хүж уугиулан түүнд зориулсан сангийн шүлэг уншина. Энэ нь:

*Зээ Богд Цагаан өвгөн
Бушуу бугыг хөлөглөсөн
Бохигор таяг, шим эм
Боть дэвтэр барьсан
Буруутныг тэмдэглэн
Буянтныг тэтгэж*

*Бурхан багшийн өмнө
Бошго зарлиг олгосон
Тэнгэрэгт эцэг
Тан дор магтан мөргөмү*

гэсэн аялгуут уншлага юм. Иймд монголчуудын хувьд Цагаан өвгөн бол дэлхий, байгалийн эзэн сахиусны бэлгэдэлт дүр байдаг.

Дээр өгүүлсэн бүхэн өнөө цагт байгаль, экологид ээлтэй ойлголтууд байсан бөгөөд монгол хүмүүст байгаль эхтэйгээ хэрхэн зүй зохистой харьцах үндсэн зарчим, чиг шугамыг тогтоожээ. Хэрэв байгаль дэлхийн эзэн, эздийг уурлуулж газарт том нүх ухах, гол ус бохирдуулах, мод огтлох, ургамлын үндэс сүйтгэх, амьтныг ихээр агнах, үүр ноохойг эвдэх зэргээр хилэгнүүлбэл тэр хүн зохих хариугаа хүртдэг гэсэн аман яриа олон бий. Тиймээс монгол аман зохиолд яг ийм үзэл номлолыг төлөвшүүлсэн байдаг. Тухайлбал, монгол туулийн эхэнд баатар эрийн төрсөн газар орон, түүний үзэсгэлэнт байгалийг заавал магтан дуулдаг тогтсон уламжлал бий. Энэ нь туулийн баатрын төрсөн нутгийг гоё сайхан хэмээн магтахаасаа гадна “тууль хайлах” гэдэг хэн бүхний хэлдэг зүйл биш “хатуу үйл” гэж үздэгтэй холбоотой. Учир нь үлгэр тууль хэлэхэд уул хайрханыг захирагч эзэд савдгууд хүрч ирж сонсдог хэмээн хүндэтгэлтэй хандаж туульч хүн тэдгээр асар хүчтэй, этгээд хачин төрх төлөвтэй, догшин ширүүн ааштай савдаг, навдгийг урин ирүүлсэн бол туулийг буруу зөрүүгүй, дутуу мадаггүй хэлж тэдний таашаал сайшаалыг хүртэх, ингэснээр оршин амьдарч буй ард олон, цаг улирал тэдний ивгээлд багтан, амар тайван болохын төлөө ийнхүү магтдаг ёс бий. Тухайлбал, “Нэгэн мянга таван зуун настай Мятал далай хааны хөвгүүн, баян өргөн баатар, Дайчин бага балчир гурван настай Дань хүрэл” хэмээх туульд Арван гурван Алтай, наян найман Хангайн уул нуруудыг магтаад, дараа нь ой модыг магтахдаа:

*“Харгуй хар мод нь
Хавцал дүүрэн ганхаад байдаг гэнэ л
Хар халтар хэрэм нь
Халин дүүлэн байдаг гэнэ л
Хамаг хэлийн олон шувууд*

*Үүр үүртээ хөглөн наадан
Жиргээд байдаг гэнэ л...*

хэмээгээд мөн дараа нь ус булаг, түүнд хөвөн наадагч төрөл бүрийн шувуудыг түүний дараа хөндий тал, тэнд ургадаг бут сөөг, өвс ургамал, цэцэг, энд байгаа араатан гөрөөс тэргүүтнийг, түүний дараа говийг гэхчлэн дээрээс доош, умраас өмнө зүг, томоос жижигрүүлэх зохиомжоор (composition) магтана. Жишээ нь,

*“...Аргаль, угалз нь
Мөргөлдөөд байдаг гэнэ л
Араатан гөрөөс нь
Сүлжилдээд байдаг гэнэ л
Үнэг, чоно нь
Шиншилдээд байдаг гэнэ л
Үен, зурам нь
Сагсалзаад байдаг гэнэ л
Буга, согоо нь
Урамдаад байдаг гэнэ л
Булга, минжэ нь
Халуураад байдаг гэнэ л
Бар, арслан нь
Хүрхрэлдээд байдаг гэнэ л
Бүжиг туулай нь
Хөөцөлдөөд байдаг гэнэ л” [Самдан 2015: 16]*

гэх мэтээс харахад зөвхөн энэ хэсэгт 13 зүйлийн амьтны нэрийг дуртгаж буйг олж харж болно.

Монгол ардын дуунд байгалийн сайхныг олон янзаар дүрслэхдээ жилийн дөрвөн улирлыг хүний сэтгэл, нас, юмсын үүсэл, хөгжил, хувьсалтай холбох, байгалийн юмс үзэгдлийг хараад аж төрлөө зохицуулах, ухаарч ойлгох талаар голчлон өгүүлнэ. Тухайлбал,

*“Огторгуй өндөр боловч орох хур нь түргэн
Орчлон мөнх боловч хөлбөрөх цаг нь түргэн
Цагаан хяруу унадаг нь өвөл цагийн дохио юм
Сайхан нас гажирдаг нь орчлонгийн ёс юм” [МДСТТ 1975: 156]*

хэмээдэг. Ийнхүү монгол аман зохиол, дуу, бөөгийн яруу найраг зэрэг төрөлд байгаль дэлхийн гоо үзэмжийг гагцхүү тоочин

дурдаж магтахаар хязгаарладаггүй бөгөөд одот ертөнцийг бүхэлд нь эргэцүүлсэн, гэр болсон байгаль дэлхийгээ хайрлаж хамгаалах санаа нэвт шингээсэн онцлогтой байдаг.

Хоёр. Монголын орчин үеийн яруу найрагт байгаль, экологийн сэдвийг гүнзгийрүүлсэн залгамжлал

Байгалийн зураглал (paysage) нь монгол яруу найргийн үндсэн өгүүлэмжийн нэг төдийгүй байгалийн уянга (naturalistic lyricism) болон бэхэжсэнийг Ц. Дамдинсүрэнгийн “Зугаацахаар мордсон нь”, Б. Явуухулангийн “Хар ус нуурын шагшуурга”, П. Бадарчийн “Есөн эрдэнийн орон” зэрэг гэрчилнэ. Эх нутаг, цэнхэр гарагийнхаа байгалийн гоо сайхныг магтан дуулж, түүнийг хайрлан хамгаалах үзэл санаа, сэтгэлгээг уламжлан хүлээн авсан монголын зохиолчид монгол орныхоо төдийгүй дэлхий дахины буюу хүн төрөлхтний байгаль хамгаалах үйлс, экологийн асуудлыг хөндөн бичиж иржээ.

Монголын орчин үеийн яруу найраг нь нэрт зохиолч Д. Нацагдоржийн “Миний нутаг” шүлгээс эхлэн Ц. Дамдинсүрэнгийн “Хэрлэн”, Б. Явуухулан “Вансэмбэрүү”, “Хойлог”, Б. Ахтаан “Бүргэд”, Д. Пүрэвдорж “Говийн ганц хайлаас”, С. Дашдооров “Алтан гургалдай дуугаа чагнан жиргэнэ”, Ш. Сүрэнжав “Уул талын дуулал”, М. Цэдэндорж “Байгалийн зураг, хүний хөрөг”, Д. Цэдэв “Хангал буга бидэн хоёр”, О. Дашбалбар “Хан Хэнтий уулс минь”, Т. Галсан “Мянган угалзын нуруу”, Д. Нямсүрэн “Чиний үлээх лимбэ, миний үлээх өвс, “Нэг ширхэг мод тарихад” зэрэг цөөнгүй шүлэг, найраглалд байгаль хамгаалах үзэл санаа шингэсэн байдаг.

2014 оны 8 дугаар сард БНХАУ-ын Ерөнхийлөгч Си Зиньпин Монгол Улсын ерөнхийлөгчийн урилгаар Монгол улсад албан ёсны айлчлал хийж энэ үедээ Улсын Их Хурлын индэр дээрээс монголын орчин үеийн уран зохиолыг үндэслэгч Дашдоржийн Нацагдоржийн¹

¹ Яруу найраг, жүжиг, үргэлжилсэн үгийн зохиолч, орчуулагч, нийгмийн зүтгэлтэн Дашдоржийн Нацагдорж 1906 оны 11 дүгээр сарын 17-нд Төв аймгийн Баян-Дэлгэр сумын нутагт ядуу тайжийн гэрт төржээ. Тухайн цагт дунд сургууль байхгүй байсан учир бие даан үсэг бичиг, тоо бодлого сурч улмаар зохиол бичих болсон байна. 1922 онд Монгол ардын хувьсгалт намд элсэж тухайн үеийн нэршлээр Зөвлөлт холбоот улс (Ленинград, 1925), Герман (Берлин, Лейпциг, 1926–29 он)-д суралцаж байв. Тэрээр 1937 оны долоон сарын 13-д нас барсан. 1966 онд түүний нэрэмжит утга зохиолын дээд шагналыг буй болгосон юм.

“Миний нутаг” шүлгийг уншсан билээ. Монголын үе үеийнхний сайн мэдэх 12 бадаг энэ шүлгийг 1934 онд бичсэн бөгөөд түүнийг уншихад Монгол орноор аялах мэт сэтгэгдэл төрдөг гэж үздэг. Дэлхийн 30 гаруй хэлээр орчуулагдсан байна.

Орос хэлээр	Англи хэлээр
“МОЯ РОДИНА”	“MY NATURE LAND»
<p>Хэнтэй, Хангай, Саяны, вставшие дугой, Хребты высоких гор, покрытые тайгой, Мэнэн, Шарга, Номин, о как вас любим мы, Монгольские барханы и холмы. <i>Мне так мила и сердцу так нужна Монголия — прекрасная страна.</i> Так много у тебя прозрачных чистых рек, Так много у тебя синеющих озёр, Что радуется им людской усталый взор, Что от воды их здоровеет человек. <i>Мне так мила и сердцу так нужна Монголия — прекрасная страна.</i> Орхон и Селенга раскрыли берега, О мощных рудниках молва идёт в горах, Старинных городов нам слава дорога, Степями караван идёт из дальних стран. <i>Мне так мила и сердцу так нужна Монголия — прекрасная страна.</i></p>	<p>High stately mountains Khentei, Khangai and Soyon, Forests and thick-wooded ridges-the beauty of the North, The Great Gobi desert-the spaces of Menen, Sharga and Nomin, And the oceans of sand deserts that dominate the South; <i>This, this is my native land, The lovely country — My Mongolia.</i> The crystal rivers of sacred Kherlen, Onon and Tuul, Brooks, streams and springs that bring health to all my people, The blue lakes of Khovsgol, Uvs and Buir-deep and wide, Rivers and lakes where people and cattle quench their thirst; <i>This, this is my native land, The lovely country — My Mongolia.</i> The most beautiful rivers of Orkhon, Selenge and Khukhui, Mountains and passes-the source of metals and stone, Ancient structures and ruins of towns and fortresses, Roads and highways running to distant countries; <i>This, this is my native land, The lovely country — My Mongolia.</i></p>

Бэгзийн Явуухулангийн “Хойлог”, Б. Ахтааны “Бүргэд”, С. Дашдооровын “Алтан гургалдай дуугаа чагнан чагнан жиргэнэ”, Л. Дашнямын “Хараацай”, Ж. Саруулбуяны “Шар голын хөх тогоруу” зэрэг шүлэгт жигүүртэн шувууд, тэдгээрийг хайрлан хамгаалах, хүн шувуу хоёрын уялдааны тухай өгүүлсэн төдийгүй экологийн тэнцвэрийг хадгалах санаа нэвт шингэжээ. Тухайлбал, хойлог (*Tetraogallus altaicus* [Gebler 1836]) гэдэг шувууны мах шарханд сайн гэдгийг монголчууд эрт дээр үеэс мэдээд дайн байлдаантай тэр цаг үед хойлогийн махны шөлийг цэргүүдэд уулгадаг байжээ.

*“Шархатсан нэг нь доороо тэнхэрч
Шаналгасан шарх нь аньдаг байсан... учир
Хадтай ууланд гөрөөлсөн анчид
Хойлог шувууг харангуут агнаж
Эмийн шувууг хүйс тэмтэртэл агнаж эхэлжээ.*

*Азаар харин эр эм хойлог
Асгат ууландаа амьд үлдсэн юм
Арсгар барсгар хадтай уул нь
Эцсийн хойлгоо нууж үлджээ.
Түүнээс хойш эрингүүд улирсан ч
Түрэмгий дайны гай гамшигийг
Тоо толгой нь олишрч чадалгүй байсаар...”*

байгааг яруу найрагч Б.Явуухулан өгүүлээд,

*“Хүний амийг аврахад тустай
Хойлог шувууг хайрлаж яваарай”*

(“Хүн ард минь хямгадаж үзээрэй!”)

хэмээн захисан байна.

Монголын яруу найргийн санд ой модыг хамгаалах, сүйтгэхгүй байхаас сэргийлэн уриалсан шүлэг найраглал олон бий. Тухайлбал, Ардын уран зохиолч Д. Пүрэвдоржийн “Говийн ганц хайлаас”, Төрийн шагналт яруу найрагч Д. Төрбатын “Тужийн нарс”, Соёлын гавьяат зүтгэлтэн Ч. Дагвадоржийн “Тужийн нарс”, Д. Нацагдоржийн шагналт М. Чимидийн “Гацуур ирлээ”, Ч. Содномдоржийн “Монгол цэцэрлэгч” зэргийг дурдаж болно. Жишээ нь,

монгол орны умарт хэсэгт ургадаг нарс моднуудыг тайрч нарсан ой үндсэндээ үгүй болсонд олон зохиолч эмзэглэн энэ сэдвээр цөөнгүй бүтээл туурвисан юм. Тухайлбал, Д. Данзан “Тужийн нарс” шүлэгтээ:

*“Туждаа найгаж байсан
Тужийн нарс хаана байна?
Үлгэр домогтоо л үлдэх үү
Үндэс тоолон сэргэх үү?”*

гэж асуудал дэвшүүлсэн бол эрдэмтэн-зохиолч Ж. Саруулбуян мөн “Тужийн нарс” шүлэгтээ үүл шүргэм өндөр нарсыг хайр найргүй тайран галт тэрэгний уртын урт цуваанд ачин зөөж байгааг шүүмжилж:

*“Дүнз банз дүнгэнэн
Байшин болж сүндэрлэх гээд
Түлш түлээ хүнгэнэн
Бусад олныг дулаацуулах гээд
Тужийн нарс хөөрхий
Туждаа нүүж явна” гэж өгүүлжээ.*

Харин мод ургуулж байгаа цэцэрлэгчийг сайшааж Ч. Содномдорж:

*“Олны дэмээр зуу зуун төгөл зулзгалуулж
Оддын тоогоор түм түмэн цэцэг ургуулсан
Бурхан байгальч таныгаа өргөмөөрөө, ерөөмөөрөө
Буянтай цэцэрлэгч таныгаа хүндэлмээр ээ, хайрламаар аа”*

гэж шүлэглэжээ.

Монгол орон зэрлэг ан амьтнаар баялаг тул ангийн мах идэх, зарж борлуулах гэсэн хувийн шуналдаа автсан хүмүүс тэднийг үй олноор нь хайрлах сэтгэлгүй устгаж байгааг монголын зохиолчид ямагт эсэргүүцэн шүүмжилсээр ирсэн юм. Үүнд Т. Галсангийн “Мянган угалзын нуруу”, Д. Цэдэвийн “Хангал буга бидэн хоёр”, Н. Даваадашийн “Хан уулын нулимс” зэрэг олон арван шүлгийг дурдаж болно. Эдгээрээс С. Чулуунбаатарын “Гөрөөсний өчил” шүлэгт ээрэм талд бэлчиж байгаа зээр гөрөөсийг хээлтэй

хээлгүй, үр зулзагатай, сүргийн тэргүүн гэж ялгахгүйгээр хурдан буу барьж, хүчтэй машин хөлөглөсөн хүмүүс хөөж тамирдуулан олноор нь буудан хороож байгаа балмад явдлыг “гөрөөсийн үг” болгон амьдчилж:

*“Элчилгүй говийн уудамд хөл минь цуцаж байна
Эгишиж хатсан цээжнээс минь цус амтагдаж байна.
Үрээ гэсэн халуун сэтгэлээр сүү тээсэн амь
Үйл тавилангийн эрхээр хүчээ шавхаж явна
Араас минь хүн мангас хашиглан улайрч
Араатан мэт төмөр хүлэг зайгүй нэхнэ
Исгэрсэн сумны мөндөр шиг үрлүүд
Эрлэгийн элч тээж хажуугаар исгэрснэ
Алга дарам арьсыг минь авбал аваг
Амт муутай махыг минь идвэл идэг
Зүрхээр минь шахсан халуун цусыг ууж
Зүс царайгаа гоёвол гоёг, Хүн та
Чин үнэнийг хэлэхэд янзагахан үрдээ
Чинэсэн хөхөө эцсийн удаа хөхүүлэх юмсан...
Сүүмийх их говийн халуун элсэн дээр
Сүүн дуслууд мөр татан зурайна...
Амь шигээ хайрлах хүүтэй чинь адилхан
Алаг үр минь намайг хүлээж байна.
Үрээ гэсэн сэтгэлээр сүү тээсэн аминд
Үхэл биш хайр илгээгээч, Хүмүүс ээ!”*

гэж амьтныг энэрч өрөвдөх, хайрлан хамгаалах уриаг дэвшүүлжээ. Энэ мэтчилэн нуур ус, гол мөрний тэнцвэрт байдал алдагдаж байгааг сануулж “усгүй бол цусгүй болохтой адил. Усгүй бол хатна, цусгүй бол үхнэ” хэмээн хүн төрөлхтөнд сануулж байна. Жишээ нь, Ц. Чимэддорж Улаанбаатар хотын дундуур урсдаг Сэлбэ гол бохирдож, зарим улиралд ус нь татран бүр ширгэж үгүй болж байгаа тухай шүлэглэсэн юм. Үнэхээр ч хотын агаар, чийгшлийн тэнцвэр алдагдаж тоосжилт, дуу чимээ ихсэж байгааг судлаачид тогтоосон байдаг. Тиймээс хотжилт, хүн амын нягтшил гол усанд төдийгүй байгаль орчинд халгаатай болон хувирч байгааг:

*“...Аз жаргалын диваажин сууцны чинь паалан хананы
Асуултын тэмдэг шиг цоргоноос нулимс болон дуулалж байна”*

(Сэлбэ) хэмээн егөөдөн шүлэглэсэн юм. Энэ бол зөвхөн Улаанбаатар хотын асуудал биш бусад том хотуудад тулгарч байгаа цэвэр усны хангамжийн талаар өгүүлсэн санаа гэж болно. Тиймээс Шинжлэх ухааны Академийн Хэл зохиолын хүрээлэнгээс хэвлүүлсэн “Монголын орчин үеийн уран зохиолын түүх”-ийн IV боть (1980–2000)-д: “...Ц. Чимиддорж нь “Сэлбэ” шүлэгтээ байгаль орчноо хамгаалах санааг эрс зоримог, хүчтэй агаад урнаар өгүүлсэн. Тэрбээр байгалийн сэдэвт шүлэгт зонхилж байсан магтаалын болон уянгын аясыг шинжлэх ухаан, технологийн эрин үед хүн төрөлхтний анхаарлыг татаж буй байгаль орчинг хамгаалах өргөн цар хүрээтэй утга агуулгаар баяжуулж, санаагаа уран тод дүрслэлээр илэрхийлснээрээ яруу найрагт өөрчлөлт шинэчлэлтийн хандлагыг бий болгоход хувь нэмэр оруулсан юм” [МОҮУЗТ 2014: 21] гэжээ.

Гурав. Монгол зохиолчдын байгаль, экологийн төлөөх олон нийтийн үйл ажиллагаа

1980-аад оны дунд үед дэлхийн цэвэр усны нөөцийн нэг болох Хөвсгөл нуурын эрэгт фосфоритийн үйлдвэр байгуулах бэлтгэл ажил эхэлсэн үед Ц. Балдорж тэргүүтэй зохиолчид хүчтэй эсэргүүцсэнээр энэ аюулыг зогсоосон байдаг. Учр нь зохиолч Ц. Балдорж “Далай ээж цаазын тавцанд” хэмээх том нийтлэл бичиж “Үнэн” сонины (1987 оны) дугаарт хэвлүүлсний дараа монголын олон нийт дэмжсэн юм. Түүгээр ч зогсохгүй зохиолчдын санаачлан зохион байгуулсан “Байгалийн хөдөлгөөн” форумд Оросын нэрт зохиолч Валентин Распутин хүрэлцэн ирж “Хөвсгөл нуур хүн төрөлхтөнд ганц байна” гэсэн үгээ хэлсэн байдаг. Мөн ОХУ-ын химийн том үйлдвэрүүдийн утаа, тортог дээгүүр ниссэн шувууд хордсондоо гэнэт үхэтхийн унадаг, хүүхдийн өвчлөл, нас баралт өндөр болсон, уурхайгаас дэгдэх тоос тортог, шороо хүний биед маш хортой зэргийг жишээлэн өгүүлж байжээ. Тус хэлэлцүүлэгт Японы Н. Накамото, Америкийн К. Тэйлор, Оросын З. Балаян, Г. Галази зэрэг олон эрдэмтэн хүрэлцэн ирж оролцсон нь байгаль хамгаалал, экологийн тэнцвэрийг хадгалах талаар зохиолчид болон бусад сэхээтнүүд нэгдэн тэмцэж ирсний туршлага болж бай-

на. Байгаль хамгаалах олон улсын шагнал хүртсэн зохиолч П. Баярсайхан, Ш. Цэен-Ойдов, С. Пүрэв нар “Байгалийн төлөө” уг хөдөлгөөнийг өргөжүүлсэн юм.

Дүгнэлт

Нийгмийн оюун санааны тэргүүлэх чиглэл уран зохиол нь байгаль хамгаалах том индэр юм. Энэхүү өгүүлэлд байгаль хамгаалах үзэл санаа бүхий монголын уламжлалт аман зохиол, орчин үеийн шүлэглэсэн бүтээлийг задлан авч үзжээ. Мөн монголын зохиолчид байгаль хамгаалах хөдөлгөөнийг санаачлан өрнүүлж дэлхийн цэнгэг усын томоохон нөөц болсон “Хөвсгөл” нуурын эрэгт химийн үйлдвэр барихыг зогсоож, Тужийн нарс хэмээх нарсан ой сүйдсэнийг зохиолчид бүтээлээрээ сануулсан туршлагыг өгүүлжээ.

Монголын уламжлалт аман зохиолд цэвэр ариун байгалийг шүтээн болгож түүнийг өргөмжлөн дуулах, магтах чиглэл давамгайл байдаг. Гэхдээ төрөл зүйл тус бүрдээ өөр өөрийн өнгө аястай юм. Магтан дуулсны цаад далд утга нь хүн байгалийг захирч, эрхшээлдээ оруулах бус харин байгалийг амьд, амьтай зүйл гэж ойлгож хандвал хүн байгалийн харилцаа зохистой, тэнцвэртэй байж, айх аюулгүй энх тунх амьдарцгаах болно гэсэн санааг өгүүлжээ.

Монголын орчин үеийн шүлэгч, яруу найрагчид байгаль хамгаалах сэдвээр аман зохиолын уламжлалд тулгуурлан олон чиглэлээр бичиж байна. Эх дэлхий, ус гол, өвс ургамал, ан амьтдыг хайрлан хамгаалах санал, үзэл бодлоо “үг” хэлбэрээр буюу амьдчилан өгүүлж, зохиомжилдог нь бусад орны уран зохиолоос ялгарах онцлог юм. Өнөөдөр монгол уран зохиолд экокритицизм (ecocriticism) тусгайлан судлах чиглэл болон тогтжээ.

Энэхүү өгүүлэлдээ бид, байгаль хамгаалах сэдэвтэй зохиол бүтээлийг зохиолчийн туурвил зүйн уран чадварт ажиглалт, дүгнэлт хийхээр хязгаарлалгүй, байгаль орчинд хандах хувь хүний болоод сэтгэлгээ, нийгэмд гарч буй эерэг өөрчлөлтийг хамруулан авч үзэх нь зүйтэй гэсэн санаа дэвшүүлж байна.

Ашигласан материал

- Ганзул — Түүхийн баримтын төвийн архивч Г. Ганзул.
Хууль сахиулах — Хууль сахиулах Их сургуулийн Онцгой байдлын сургуулийн Гал түймэртэй тэмцэх албаны тэнхимийн багш нарын бичсэн зөвлөмж.

Ном зүй

- Батбилэг 1986 — *Батбилэг Л.* Байгаль хамгаалал. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1986.
Амархүү 2000 — *Амархүү О.* Байгаль орчныг хамгаалах Монгол зан заншил, хууль цааз. Улаанбаатар: Хаан принтинг, 2000.
Розенберг 1918 — *Розенберг О.* Введение в изучение буддизма по японским и китайским источникам / сост. О. О. Розенберг. Ч. 1–2. Токио: Фак. вост. яз. Имп. Петрогр. ун-та, 1918. 368 с.
Дулам 1989 — *Дулам С.* Монгол домог зүйн дүр. Улаанбаатар, 1989.
Tucci, Heissig 1973 — *Tucci G., Heissig W.* Les religions du Tibet et de la mongolie // Traduit de l' allemand par R. Saille. Paris: Payot, 1973.
Жуковская 1977 — *Жуковская Н. Л.* Ламаизм и ранние формы религии. М.: Наука, 1977. 200 с.
МОУУЗТ 2014 — Монголын орчин үеийн уран зохиолын түүх. 4-р боть (1980–2000). Улаанбаатар, 2014.

Ашигласан бүтээл

- Байгаль эхийн дуулал. (Эмхэтгэж редакторласан А. Болат, К. Жанжаадорж, Л. Хуушаан нар). Улаанбаатар: М&D хэвлэлийн компани, 2002 он.
Балдорж Ц. “Далай ээж цаазын тавцан дээр”. “Үнэн” сонин. 1987 он. № 233.
Батбилэг. Л. Байгаль хамгаалал. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1986 он.
Цэдэн-Иш. Д. “Ардын Эрх” сонин. 1990 оны 07-р сарын 31.
Catrin Gersdorf, Sylvia. Nature in Literary and Cultural Studies: Transatlantic Conversations on Ecocriticism. Rodopi, 2006.
George B. Handley. New World Poetics: Nature and the Adamic Imagination of Whitman, Neruda and Walcott. University of Georgia Press, 2007.
Joseph Carroll. Literary Darwinism: Evolution, Humna nature and Literature. Routledge, 2004.

УДК 398.1

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220

О двух исторических преданиях времен Аюки-хана в традиции ойратов Синьцзяна: к проблеме историзма фольклора

*Цаган Бадмаевна Селеева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

E-mail: tsagana007@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Селеева Ц. Б., 2020

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме историзма фольклорных текстов. Особый интерес представляет сегмент историко-легендарного фольклора, представленный текстами исторических преданий в традиционной устной культуре ойратов Синьцзяна. Целью настоящего исследования является рассмотрение двух исторических преданий времен Аюки-хана с точки зрения проявления и проекции в них фольклорного историзма. В ходе исследования выявлено, что характерной чертой рассмотренных двух преданий является достаточно высокая степень «историчности». «Историзм» выражается в персонажах, имеющих прообраз реальных исторических лиц — Аюки-хана, Сетерджаб, Цеван-Рабдана, Галдан-Церена, а также в сюжетных эпизодах, относящихся к определенным историческим событиям и фактам. В предании о Мерген Джонуме обобщается серия конфликтов, связанная с конкретным историческим событием, — войной калмыков против Крымского ханства. В результате исследования выявлено, что историчность фольклорного текста не имеет прямой достоверности, поэтому определенные исторические события, подверженные компрессии и редукции, осмысляются в текстах преданий сквозь призму традиционных народных воззрений и представлений.

Ключевые слова: историческое предание, синьцзян-ойратская традиция, фольклорный историзм, Аюка-хан, исторические события, фольклорная компрессия

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Селеева Ц. Б. О двух исторических преданиях времен Аюки-хана в традиции ойратов Синьцзяна: к проблеме историзма фольклора // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 213–226. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220

UDC 398.1

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220

On the Two Historical Legends of Ayuka Khan Era in the Oirats of Xinjiang Tradition: on the Problem of Folk Historicism

*Tsagan B. Seleeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

E-mail: tsagana007@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Seleeva Ts. B., 2020

Abstract. The article discusses the problem of historicism of folklore texts. A segment of historical and legendary folklore that is represented by the texts of

historic stories in traditional oral culture of Xinjiang Oirats is of special interest. The goal of the research is to analyze two historic legends of Auka-Khan era from the perspective of manifestation and projection of folklore historicism in them. The study points out that the characteristic feature of the two stories in question is the high degree of ‘historicism’. ‘Historicism is represented in characters, that have the prototypes of real historical people — Auka Khan, Seterjab, Tseven-Rabdan, Galdan-Tseren, and also the narrative episodes that relate to certain historical events and facts. The legend about Mergen Jonum tells about series of conflicts that are connected to a specific historical event — a war of Kalmyks with Crimea Khanate. The author comes to a conclusion that historicism of the folklore texts doesn’t have direct authenticity, so certain historical events compressed and reduced are comprehended through a prism of traditional folk ideas and perceptions.

Keywords: historical legend, Xinjiang-Oirat tradition, folklore historicism, Auka-Khan, historic events, folklore compression

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China under the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Seleeva Ts. B. On the Two Historical Legends of Ayuka Khan Era in the Oirats of Xinjiang Tradition: on the Problem of Folk Historicism. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 207–220. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-207-220

Исторический фольклор взаимосвязан с особым механизмом исторической памяти, заключающимся в сохранении и трансляции в общественном сознании важнейших событий и явлений истории, деятельности выдающихся исторических личностей. Историческая память конструирует иерархию значимости того или иного исторического события и способна повлиять на создание его мифологии [Неклюдов 2007].

Теоретические аспекты данной актуальной проблематики рассматривались в работах В. Я. Проппа [Пропп 1976], Б. Н. Путило-

ва [Путилов 1988], А. К. Байбурина и Г. А. Левинтона [Байбурин 1983; Левинтон 1984], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2007]. «Понимание форм общественного сознания невозможно без исследования специфики текстов, продуцируемых обществом, и их культурной трансмиссии, а также без учета механизмов отбора, иерархизации, редукции и компрессии жизненного материала, точнее — его проекций в общественной памяти и их роли в формировании устного ”исторического нарратива“» [Неклюдов 2007: 77–86].

В большей степени явно проявленный историзм в фольклоре присущ историческим песням и историческим преданиям. Б. Н. Путилов, исследуя русские исторические песни, отмечал, что повествование в них «соотносится с определенным историческим моментом в его преломлении через народное сознание и которое поэтому допускает самые широкие возможности для художественного вымысла» [Путилов 1960: 8].

Особый интерес являет сегмент историко-легендарного фольклора, представленный текстами исторических преданий в традиционной устной культуре калмыков и ойратов Сивьцзяна. Историческое прошлое калмыков нашло отражение в этногенетических мифах о происхождении родов и племен, легендах и преданиях о значимых исторических личностях и событиях: Чингис-хан, Аюка-хан, Дондук-Омбо, Убаши-хан, Цебек-Дорджи нойон, Лузан-Шуно, Галдмба и др.; откочевка из Джунгарии, откочевка в Джунгарию, русско-калмыцкие и калмыцко-джунгарские отношения, героические войны и сражения с иноземцами и др. Целый цикл повествований несказочной прозы посвящен известному калмыцкому тайше и полководцу Мазан-батыру, ставшему популярным героем калмыцкого фольклора. Исторические легенды и предания, посвященные Мазан-батыру, довольно подробно рассмотрены в диссертационном исследовании Б. Ю. Сенглеева [Сенглеев 2020]. Калмыцкие народные легенды и предания исследованы Д. Э. Басаевым [Басаев 2009]. Образцы калмыцких исторических легенд и преданий вошли в сборник «Семь звезд» на русском языке, подготовленный Д. Э. Басаевым [Семь звезд 2007], и в научное двуязычное издание калмыцких мифов, легенд и преданий, подготов-

ленное Т. Г. Басанговой, осуществленное в рамках проекта Свода калмыцкого фольклора [Мифы, легенды... 2017].

Синьцзян-ойратская традиция легенд и преданий изучалась Т. Джамцо, Г. Намджил, Б. Дамринжав, Буйн-Кишиг, Ш. Норов и др. Г. Намджил, Б. Дамринжав и др. [Намжл 2010а; Намжл 2010b; Намжл 2010с; Намжл 2010d; Собрание сказок ... 2006]. Сравнительно-сопоставительное изучение синьцзян-ойратских и калмыцких мифов, легенд и преданий в контексте общемонгольской традиции впервые проведено Осорин Утнасун [Осорин 2015]. В монографическом исследовании рассмотрены вопросы бытования и изучения, а также проведен сравнительный анализ калмыцких и синьцзян-ойратских текстов. Третья глава посвящена историческим преданиям и песням. В ней в сравнительно-сопоставительном аспекте рассматривается ряд исторических преданий синьцзян-ойратской традиции, посвященных историческим деятелем Агван-Чойдару, Лузан-Шуно, Сетерджаб и Галдмбе. Следует отметить, что в синьцзян-ойратской традиции Галдмба является наиболее популярным историческим героем, ему посвящено большое количество легенд и преданий [Халдмбан үлгүр 1985; Халдмбан үлгүрмүд 1989].

В данной статье мы рассмотрим два исторических предания ойратов Синьцзяна, опубликованных в издании «Собрание сказок монголов Синьцзяна КНР» («Dumdadu ulusiyin Šinjiyang-giyin mongyol aradiyin aman üliger-yin emkidkel»): «Предание о Сетерджаб» («Seterjabin üliger») [Собрание сказок... 2006: 79–82] и «Предание о том, как Мерген-Джинонг был посвящен в богатыри» («Mergen Jonomin baatr col ologson») [Собрание сказок... 2006: 86–87].

«Предание о Сетерджаб» повествует о браке, заключенном джунгарским правителем хунтайджи с Сетерджаб, дочерью калмыцкого Аюки-хана, в качестве примирения хунтайджи с Аюкой-ханом и ее трагической судьбе.

Джунгарский хунтайджи имел мощное войско и был превосходным полководцем. Решил он как-то завоевать

кочевья калмыцкого Аюки-хана и послал помощника Джавана с людьми на разведку. Сановник Джаван внимательно изучил положение дел в кочевье Аюки-хана — народ многочислен, но живет хуже их, и войско уступает им. Тогда Джаван подумал о том, что зачем сильным завоевывать слабых и проливать кровь, если они братские монгольские народы красной кисти.

У Аюки была необычайной красоты дочь Сетерджаб. Увидев ее, сановник Джаван подумал, что хорошо бы выдать ее замуж за хунтайджи, породнить и примирить двух нойонов. Джаван провел переговоры с двумя правителями и добился согласия. Сетерджаб ради благополучия своего народа согласилась выйти замуж за хунтайджи. Джаван в качестве подношений преподнес хунтайджи хадак и дары, после чего забрал Сетерджаб и привез домой. Хунтайджи, женившись на Сетерджаб, прекрасно и счастливо жил.

Спустя одиннадцать лет Аюка-хан отправил к дочери своего младшего брата Ямана с шестью прекрасными мужами, в числе которых были — борец, мечник, нагаечник, искусный всадник, меткий лучник. Яман, приехавший навестить племянницу Сетерджаб, был тепло принят хунтайджи, больше месяца пировали они. Хунтайджи устроил пять видов состязаний — во всех победу одержали славные мужи Ямана. Тогда хунтайджи пришел в ярость, посчитав, что ему не дали и единого шанса, лишив его славного имени. С одобрения своих сайдов он решил направить дружину для расправы с гостями, когда они отправятся в обратный путь. Добросердечный сановник Джаван отправился к Сетерджаб и поведал обо всем: хунтайджи задумал расправиться с ее дядей за проигрыш в состязаниях.

Сетерджаб, не имея личной возможности встретиться с дядей, решила предупредить его о грозящей опасности. Она собственноручно приготовила ужин — отварное баранье мясо с трубчатой кости предплечья отделила, уложила в деревянном корыте кругом, в середину воткнула трубчатую кость, а затем повелела отнести чашу с мясом дяде. Дядя, увидев то, как уложено мясо в корыте, понял, что дела их

плохи. Трубочатая кость — это они, а мясо вокруг кости — это войско хунтайджи, окружившее их для расправы над ними.

Сначала путем предпринятых ухищрений удастся бежать шестерым богатырям из свиты Ямана, а потом с помощью сановника Джавана удастся бежать и самому Яману. Прощаясь, сановник сказал Яману, что «ради спасения славного мужа муж погибает, ради спасения Замбулинга мир пустеет», и дал понять, что готов умереть ради него. Разгневанный хунтайджи посчитал, что это дело рук его супруги, и отрубил ей правую грудь. От потери крови Сетэрджаб скончалась.

Сановник Джаван пришел к хун тайджи с повинной, сделал признание, что это дело его рук, а не Сэтэрджаб, и попросил его казнить. Хунтайджи там же на месте его зарубил. С тех самых времен в народе говорят: «Ради спасения славного мужа муж погибает, ради спасения Замбулинга мир пустеет». (Смысловой перевод содержательной части предания выполнен Ц. Б. Селеевой).

«Предание о Сэтэрджаб» отражает реальные исторические события взаимоотношений между Джунгарским и Калмыцким ханствами конца XVII – начала XVIII вв. Ход событий в Джунгарии часто оказывал влияние на действия калмыцких тайшей. Как известно, калмыцкий хан Аюка после смерти Галдан Бошогу-хана постарался укрепить свои связи с соперником Цеван-Рабданом, ставшим новым правителем Джунгарского ханства. По традиции дружественные отношения в политике подкреплялись брачными союзами. В 1697–1698 гг. калмыцкий хан выдал свою дочь Сэтэрджаб замуж за джунгарского хунтайджи, а сам женился в четвертый раз, взял в жены двоюродную сестру Цеван-Рабдана Дарма-Балу [Письменные памятники... 2016: 42].

Известно, что Цеван-Рабдан стремился объединить под своей властью разрозненные группировки ойратов, включая и волжских торгутов. В свою очередь и Аюка-хан во внутренней и внешней политике стремился к консолидации ойратского этноса. В пери-

од правления хана Аюки (1669–1724 гг.) полностью завершился процесс этнической консолидации всех групп ойратов в единую калмыцкую этническую общность; на Волгу продолжали прибывать различные группы ойратов, вытесненные из Джунгарии междоусобными войнами Галдан-Бошокту-хана и его преемниками; Калмыцкое ханство в этот период достигло наивысшего расцвета и играло заметную роль в Центральной Азии.

Одним из важных направлений во внешней политике Калмыцкого ханства времен правления Аюки-хана были связи с Джунгарией и Тибетом. Отношения поддерживались в силу сохранившихся традиций, из-за желания иметь более или менее обеспеченный тыл, ради торговых и религиозных интересов и т. п. [Тепкеев 2018: 343].

В предании прослеживается феномен фольклорной компрессии. К семантическому ядру основного события (брака, заключенного джунгарским правителем хунтайджи с Сетерджаб, дочерью калмыцкого Аюки-хана, в качестве примирения хунтайджи с Аюкой-ханом) присоединяются и два других эпизода: визит брата Аюки-хана Ямана и связанный с ним эпизод трагической гибели Сэтэрджаб от руки супруга хунтайджи, относящиеся к другим, более поздним историческим событиям.

Известно, что после смерти Цеван-Рабдана власть и престол унаследовал его сын Галдан-Церен, рожденный от старшей супруги. Поверив наветам, он жестоко казнил Сетерджаб и ее детей. У Цеван-Рабдана и Сетерджаб было семеро детей. Спасти удалось лишь их сыну Лузан-Шуно, который смог бежать на Волгу, к родственникам по материнской линии. В калмыцком и ойратском фольклоре бытует множество легенд о Лузан-Шуно. В исторических летописях также зафиксирован факт прибытия от волжских калмыков послов, которых казнил Галдан-Церен.

Фольклорное осмысление в предании дается через образы главных персонажей повествования. Джунгарский хунтайджи представлен могущественным, но безжалостным, горделивым и кровавым правителем. Налицо прием фольклорной компрессии,

когда в персонаже хунтайджи сливаются два исторических лица и связанные с ними события. Положительный — Цеван-Рабдан, примирившийся с Аюкой-ханом и составивший счастливый брак с Сетерджаб. И отрицательный — Галдан-Церен, учинивший расправу над калмыцкими послами и казнивший Сетерджаб.

Главные персонажи Сетерджаб и сановник Джаван исполнены жертвенности и добродетели. Ради благополучия своего народа Сетерджаб выходит замуж за хунтайджи, а затем оказывает помощь своему дяде и жертвует собой. Сановник Джаван проявляет мудрость и примиряет враждующих правителей, а затем ценой собственной жизни спасает Ямана и его мужей. Особым смыслом наполнено изречение мудрого сановника Джавана («Ради спасения славного мужа муж погибает, ради спасения Замбулинга мир пустеет»), объясняющее его решение пожертвовать собой.

«Предание о том, как Мерген-джинонг был посвящен в богатыри» рассказывает о совершенном первом инициационном подвиге героя-юноши, в результате спасшего родную державу от вторжения вражеского войска.

Это было в те времена, когда торгуты жили на берегах реки Волги. Однажды в пределы кочевий Аюки-хана вторглось большое вражеское войско. Чтобы казаться внушительнее, то войско было построено в ряды по тысяче воинов. Руководил войском хан, находившийся в самом центре.

Когда войско вторглось в пределы торгутского кочевья, их увидел восемнадцатилетний юноша Джинонг. Взяв лук, с расстояния пяти километров нацелился и пустил стрелу в человека, ехавшего в самом центре войска в нарядных желто-пестрых одеждах. В самую грудь сразил он хана. Обеспokoенные воины склонились над своим ханом.

Сраженный стрелой и выпавший с коня хан очнулся и сказал, что, еще не войдя в кочевья державы, он сражен стрелой какого-то юнца. Видимо, им не суждено завоевать эти кочевья, поскольку удача и счастье хана той державы в далеких высотах от него. Он отдал приказ о прекращении войны и заключении перемирия.

Для заключения мира хан отправил посла с письмом и печатью. Аюка-хан ознакомился с письмом, заключил перемирие с ханом. После этого в кочевье Аюки излечили рану хана и устроили большой пир.

Как-то в один из дней хан дал знать Аюке-хану, что он хотел бы посмотреть на того отважного мужа, что его ранил. Аюка-хан выразил сожаление, что сам не знает, кто на это осмелился. Тогда хан обратился с просьбой к Аюке-хану, чтобы он собрал весь народ и провел всех перед ним, — он сам попытается распознать юношу. Аюка-хан велел собрать всех мужчин кочевья и провести перед ханом. Хан посмотрел всех и заключил, что среди тех мужчин нет того, кто с расстояния пяти километров смог бы пустить стрелу. Искали, но не могли найти того храбреца.

Однажды хан заметил юношу, сгрудившего бурдюки *чигяна* у дверей Аюки-хана, и повелел привести к нему того юношу. Когда юноша явился, то хан, дивясь, рассмотрел его, затем спросил об имени и возрасте. Юноша представился Джинонгом восемнадцати лет. Хан поинтересовался об умении юноши стрелять из лука. Юноша скромно признался в своем умении стрелять из лука.

Хан отправил к Аюке-хану посла, чтобы он расспросил юношу сам, поскольку считает, что это и есть тот, кто сразил его стрелой. Аюка-хан расспросил юношу, тот признался, что он действительно стрелял в хана. Затем Аюка-хан осведомился у юноши о причине, по которой он стрелял в хана. Юноша поведал о своем явном намерении сразить хана, поскольку тот пытался завоевать их кочевья.

Аюка-хан привел Джинонга к хану, подтвердив, что это действительно тот храбрец, кто сразил его стрелой. Хан внимательно посмотрел на Джинонга и отдал распоряжение принести лук со стрелами, чтобы испытать юношу. Принесли огромный черный лук, что принадлежал великим предкам Аюки-хана. Этот лук пытались, но никто не мог натянуть. Юноше повелели натянуть лук. Восемнадцатилетний юноша взял тот лук и натянул полностью. Хан хара (харам?) нутука убедился в храбрости и силе Джинонга, его

тронула честность и искренность юноши, признавшего в совершенном поступке, после чего он проникся к нему чувством глубокого уважения.

Аюка-хан повелел облачить юношу в боевое снаряжение и шлем, подарил ему легендарный лук и пожаловал титул именоваться юноше Очир Мерген-джинонг. (Смысловой перевод содержательной части предания автора Ц. Б. Селеевой).

Исторический контекст описываемых в предании событий определяется периодом, когда Калмыцкое ханство под предводительством Аюки-хана играло значительную роль в охране южных границ российского государства. События начала XVIII в. показали значимость калмыцкого фактора в условиях противостояния России и Крымского ханства [Тепкеев 2018: 347]. Смеем предположить, что в предании отображено историческое противостояние России против Крымского ханства (*хара / харам нутук*), в котором активно и непосредственно участвовали калмыки.

Перемирие, заключенное между иноземным ханом и Аюкой-ханом, имеет и историческую основу. Сближения сторон носили временный и неглубокий характер, были обусловлены определенными политическими и торговыми обстоятельствами. «Несмотря на временное сближение с Крымом, калмыцкие тайши в основном сохраняли верность договоренностям с Россией. Колебания во внешнеполитической линии *тайшей* проистекали из изменений политической и экономической конъюнктуры и не носили долгосрочного характера» [Тепкеев 2018: 344].

Следует отметить важную роль крымской дипломатии, которая находит отражение в предании. Известно, что калмыки, несмотря на предпринятые усилия российской стороны, так и не приняли участие во втором Крымском походе В. В. Голицына в 1689 г. «Крымская дипломатия на калмыцком направлении добилась значительного успеха, для достижения своей цели она в полной мере использовала все противоречия, существовавшие на тот период в русско-калмыцких отношениях» [Тепкеев 2018: 114].

В структуре сюжета и мотивах предания прослеживается влияние фольклорных моделей «эпической биографии»: инициационный первый подвиг героя, посвящение в богатыри и обретение геройских атрибутов. Инициационный подвиг юноши Мерген-джинонг знаменуется крупной победой над мощным и сильным противником. Изначально очевидно военное преимущество иноземного хана, вторгшегося в пределы калмыцких кочевий. Отважным и героическим, но вместе с тем дерзким выглядит поступок юноши-героя Мерген-джинонг, осмелившегося посягнуть и сразить иноземного хана с расстояния пяти километров. Оказавшись явно в позиции слабой стороны, лишь проявлением богатырской воли, примененной стратегии и тактики, а также искусным владением луком юноша Мерген-джинонг спасает родное кочевье от вторжения врага. Ранение и падение из седла хана-полководца повергает войско противника в трепет и замешательство, а самим ханом воспринимается как особый знак удачливости его соперника Аюки-хана.

Благородным и скромным выглядит дальнейшее поведение юноши-героя Мерген-джинонга, когда иноземный хан и Аюка тщетно пытаются отыскать храбреца среди мужей кочевья. Иноземный хан случайно обнаруживает юношу-героя и идентифицирует его после достойного прохождения им богатырского испытания — натягивания тетивы огромного черного лука, который не под силу было натянуть никому. В типологическом отношении проявление богатырской силы, связанное со сгибанием богатырского лука, является характерным для тюрко-монгольской героической эпики [Липец 1984: 69].

Мерген-джинонг после совершения первого богатырского подвига сообразно эпическому герою обретает «статус героя» в народе и посвящается в богатыри, получив геройские атрибуты, — богатырское снаряжение и черный лук, принадлежавший великим предкам Аюки-хана.

Характерной чертой рассмотренных двух преданий является достаточно высокая степень «историчности». «Историзм» выражается в персонажах, имеющих прообраз реальных исторических

лиц, — Аюки-хана, Сетерджаб, Цеван-Рабдана, Галдан-Церена, а также в сюжетных эпизодах, относящихся к определенным историческим событиям и фактам. Так, брак, заключенный между джунгарским правителем хунтайджи Цеван-Рабданом и дочерью Аюки-хана Сетерджаб, являлся дипломатическим приемом укрепления Аюкой-ханом внешних связей с близкородственной ойратской Джунгарией. У ойратов и их правителей было сильным сознание племенного единства, а брачные связи способствовали налаживанию родственных и экономических связей. В предании о Мерген-джинонге обобщается серия конфликтов, связанная с конкретным историческим событием, — войной калмыков против Крымского ханства. Волею случая проявленная личная отвага и героизм юноши Мерген-джинонге способствовали победе над превосходящим по силе и мощи противником.

Историчность фольклорного текста не имеет прямой достоверности, поэтому определенные исторические события, подверженные компрессии и редукции, осмысляются в текстах преданий сквозь призму традиционных народных воззрений и представлений.

Литература

- Байбурин, Левинтон 1983 — *Байбурин А. К., Левинтон Г. А.* О соотношении фольклорных и этнографических фактов // *Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1983. Т. 32. Рр. 3–31.
- Басаев 2009 — *Басаев Д. Э.* Калмыцкие народные легенды и предания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: Элиста, 2009. 18 с.
- Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 266 с.
- Мифы, легенды и предания калмыков 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев. М., 2017. 367 с.
- Неклюдов 2007 — *Неклюдов С. Ю.* Заметки об «исторической памяти» в фольклоре [электронный ресурс] // Сборник к 60-летию А. К. Байбурина. *Studia Ethnologica*. Труды факультета этнологии. Вып. 4. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2007. С. 77–86.

- Осорин Утнасун 2015 — *Осорин Утнасун*. Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сопоставительный анализ. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с.
- Письменные памятники... 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., перев. со старописым. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Пропп 1976 — *Пропп В. Я.* Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
- Путилов 1988 — *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 223 с.
- Путилов 1960 — *Путилов Б. Н.* Русский историко-песенный фольклор XIII–XVI вв. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 303 с.
- Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания 2004 — Семь звезд. Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Сенглеев 2020 — *Сенглеев Б. Ю.* Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2020. 22 с.
- Собрание сказок... 2006 — Собрание сказок монголов Синьцзяна КНР. Урумчи: Нар. изд-во Синьцзяна, 2006. 866 с.
- Тепкеев 2006 — *Тепкеев В. Т.* Аюка-хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Халдмбан үлгүр 1985 — Халдмбан үлгүр // Хан теңгр. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1985. № 2. 140 х.
- Халдмбан үлгүрмүд 1989 — Халдмбан үлгүрмүд // Хан теңгр. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 1989. № 1. 200 х.
- Дамринжав 2006 — Дамринжав Б. Өөрдин баатрлг үлгүрин судлл. Пекин: Үндстнэ кевллин хора, 2006. 358 х.
- Намжл 2010 а — Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. Шүтлг бишрлин боть. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 а. 457 х.
- Намжл 2010 б — Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. Оюна эмдрлин боть. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 б. 417 х.
- Намжл 2010 с — Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. Аху эмдрлин боть. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 с. 517 х.
- Намжл 2010 d — Намжл Т. Өөрд моңһлын заң-үүлин сойл. Ниигм эмдрлин боть. Үрмч: Шинжэнэ ардын кевллин хора, 2010 d. 411 х.

Птицы в сказках о животных ойратов Синьцзяна

Баира Басанговна Горяева¹, Юлан²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник
E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

² Институт национальных литератур Китая (5, Цзяньго мэнь нань дацзе,
100732 Пекин, Китай)
кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

© КалмНЦ РАН, 2020

© Горяева Б. Б., Юлан, 2020

Аннотация. Птицы в сказочной традиции разных народов являются неизменными персонажами животного эпоса. В сказках ойратов Синьцзяна и калмыков России наряду с другими животными также широко представлены образы птиц. Как известно, обман в самых разных видах и формах является основным композиционным стержнем животной сказки. Каждый персонаж сказки способен на обман. Этот прием является единственным и своеобразным способом защиты более слабого персонажа от физически превосходящего его противника. В сказках о животных птицы зачастую превосходят зверей своей смекалкой и мудростью. Птицы защищают себя разными способами, но чаще всего используют приемы, усыпляющие бдительность противника. Анализ содержания синьцзянских сказок о животных свидетельствует о том, что в них широко представлены сюжеты о птицах, превосходящих своей мудростью и смекалкой более сильных зверей. Сюжеты о животных зачастую имеют этиологическое содержание, объясняя особенности поведения, внешние отличительные признаки той или иной птицы.

Ключевые слова: сказочный фольклор, ойраты Синьцзяна, сказки о животных, персонажи, птицы

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 19-512-93002 «Фольклор народов Шелкового пути: ойрат-монголы Китая и калмыки России (от сказки к эпосу)». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Горяева Б. Б., Юлан. Птицы в сказках о животных ойратов Синьцзяна // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 221–232. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-221-232

UDC 398.21:59

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-221-232

Birds in Animal Tales of the Oirats of Xinjiang

*Baira B. Goryaeva*¹, *Yu Lan*²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher

E-mail: baira.goryaewa@yandex.ru

² Institute of Ethnic Literature, Chinese Academy of Social Sciences (5 Jiannei Dajie, Beijing 100732, People's Republic of China)

Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher

© KalmSC RAS, 2020

© Goryaeva B. B., Yu Lan 2020

Abstract. Birds in fairytale traditions of different nations are indispensable characters of animal epos. In the fairytales of Oirats of Xinjiang and Kalmyks of Russia there is a wide representation of birds along with other animals. It is commonly known that a lie in all its varieties and forms is one of the essential compositional stems of the animal fairytale. Every character in

a fairytale is capable of lying. It is the only and specific way of protection of weaker character from its physically stronger opponent. In the fairy tales about animals birds often surpass animals in wit and wisdom. Birds protect themselves in different ways, but predominantly use methods that put their opponents off guard. The analysis of the Xinjiang fairy tales about animals shows that storylines about birds that surpass much stronger animals by their wit and wisdom are widely presented there. Stories about animals often have etiological meaning explaining the specific behavior patterns and external distinctive features of the birds.

Keywords: fairy tale folklore, Oirats of Xinjiang, fairytales about animals, characters, birds

Acknowledgement. The research was funded by RFBR and Academy of Social Sciences of China under the scope of research project № 19-512-93002 “The Folklore of the peoples of the Silk Road: Oirat-Mongols of China and Kalmyks of Russia (from fairy tale to epos)”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Goryaeva B. B., Yu Lan. Birds in Animal Tales of the Oirats of Xinjiang. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 221–232. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-221-232

Ойраты, проживающие в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая (далее — СУАР КНР), и калмыки России являются потомками некогда единого этноса, который волею исторических судеб оказался разделенным границами двух соседствующих стран. Однако, несмотря на то, что на протяжении последних четырехсот лет им пришлось жить в разных концах евразийского континента, в отличных социокультурных условиях, они продолжают сохранять общий язык и культуру, устную и письменную традицию, вероисповедание.

Благодаря устойчивым добрососедским отношениям, сложившимся между Китаем и Россией в последние три десятилетия, появилась возможность сравнительного исследования языка, культуры, фольклора ойратов и калмыков. Необходимо признать,

что фольклорное наследие ойратов Китая все еще остается малоизвестным для российских фольклористов. Главный вывод, к которому пришли отечественные исследователи после первых научных экспедиций в Синьцзян, заключается в признании того, что в среде ойратов еще бытует живая сказительская традиция. Ойраты сохранили не только героический эпос классического типа, но и эпос архаической формы, огромный пласт сказок. Этим обусловлена актуальность исследования фольклора ойратов Китая на современном этапе.

В силу сложившихся исторических обстоятельств устное творчество ойратов Китая долгое время находилось вне исследовательского поля российской фольклористики. Лишь в середине XX в. известному отечественному лингвисту-монголоведу Б. Х. Тодаевой удалось собрать разнообразный лингвистический и фольклорный материал [Очирова 2010]. Некоторые материалы, переложенные ею с «ясного письма» и подготовленные к изданию, были опубликованы Калмыцким научным центром РАН — тексты песен ойратской версии эпоса «Джангар» (2008 г.) [Джангар 2008] и эпоса «Гесер» (2014 г.) [Ойратский «Гесер» 2014], пословицы и поговорки, образцы детского фольклора (2010 г.) [Детский фольклор ойратов 2010].

Основоположник научной школы сравнительного исследования эпоса «Джангар», профессор А. Ш. Кичиков одним из первых в своей монографии провел сравнительно-сопоставительный анализ ойратской и калмыцкой версий [Кичиков 1997]. Среди других работ следует указать на сравнительный анализ сюжетных тем двух эпических традиций «Джангара» [Селеева 2013], сравнительный анализ мифов и преданий ойратов и калмыков [Осорин 2015]. В 2014 г. в Элисте был издан текст сказки «Тиржэ торхан жулжһн, Сержэ богшрһин тууж», который исполнял известный синьцзянский джангарчи Джуна [Тайва 2014]. Этим, собственно, и исчерпываются все работы, посвященные фольклору ойратов Синьцзяна.

В 1980-е гг. китайскими монголоведами был начат сбор и публикация образцов фольклора ойратов СУАР КНР. Огромный ма-

териал по сказкам введен в научный оборот за два последних десятилетия фольклористами-монголоведами Китая — более пятидесяти сборников сказок [Damrindjab 2017]. Основная масса книг издана на монгольской графике и лишь небольшая часть — на «ясном письме». При переложении ойратского текста на монгольскую графику в силу различий между монгольским и ойратским языками зачастую наблюдается замена устойчивых ойратских выражений смысловыми монгольскими. Это обстоятельство представляет определенную текстологическую проблему для исследователей.

В опубликованных сборниках сказок, а также на страницах периодических изданий на «ясном письме» нашли свое место и сказки о животных [Betege сауān боқširyо 1981; Šinjiyang-giyin aman ũliger 2006; Xān Tengger 1981–1998]. Уникальные фольклорные материалы были опубликованы в периодическом издании «Хан Тенгр» (1981–1993 г.), издававшемся в г. Урумчи Народным издательством Синьцзяна (Šinjiyang-giyin aradiyin kebleliyin хорō). На страницах 51 выпуска представлены не только образцы устной, но и письменной литературы ойратов [Меняев 2016]. Тексты сказок о животных, опубликованные в «Хан Тенгри», послужили материалом для изучения в данной статье образа птиц в сказках ойратов Синьцзяна.

Наряду с домашними и дикими животными, в сказках ойратов Синьцзяна широко представлены образы птиц. Птицы в традициях разных народов являются неперенным элементом религиозно-мифологической системы и ритуала, их наделяют разнообразными функциями. Исследователи отмечают, что животный эпос появился на доклассовой стадии развития общества. «Сказки о животных создавались на такой стадии развития человеческой культуры, когда лесные животные были объектом примитивных форм хозяйствования, т. е. охоты, а также объектом мыслительной и художественной деятельности, прирученных же животных или вообще не было, или они не играли существенной роли» [Пропп 2000: 370].

В текстах пернатые могут быть божествами, тотемными предками, демиургами, трикстерами, ездовыми животными богов, шаманов, героев и др. [Мифы 1988: 346]. В мифопоэтической тра-

диции калмыков птицы также являются представителями верхнего мира [Пюрбеев 2015: 14; 29]. В исследованиях по фольклору калмыков изучены орнитоморфные помощники героя калмыцкой волшебной сказки [Горяева 2017], образ мифологической птицы хан Гаруды [Надбитова 2011: 139], кукушки как персонажа сказочного фольклора народов Центральной Азии [Музраева 2014]. Образы ворона, журавля, ласточки в устной традиции калмыков рассмотрены в работах, посвященных калмыцким сказкам о животных [Басангова 2019].

По мнению исследователей, обман в самых разных видах и формах является основным композиционным стержнем животного эпоса, поэтому каждый персонаж такого текста способен на хитрость. Обычно этот прием является единственным способом защиты более слабого животного от физически превосходящего его. «Это заставляет предполагать, что сказка о животных создавалась тогда, когда обман не только не был предосудителен, но представлял собой одну из форм борьбы за существование» [Пропп 2000: 370].

В сказках о животных ойратов Синьцзяна птицы зачастую превосходят зверей своей смекалкой и мудростью. Птицы в сказках о животных защищают себя разными способами. Следует отметить, что чаще всего они используют приемы, усыпляющие бдительность противника: просят посчитать до восьми, перебросить жертву через голову и др.

В сказке «Красивый серый воробей» («Саарл сээхн богшурһа») лиса запугивает воробья и забирает яйца, которые высидивает птица. Мудрая перепелка учит воробья, как ответить лисе на ее угрозы. Когда лиса ловит перепелку, то она с помощью хитрости освобождается из ее пасти. Перед тем как быть съеденной, перепелка обращается к лисе со следующим советом:

— *Нээмн куртл то тоолад, номин тэрнэс кедүг умшад идхлэ, мини махн танд аршан болж, Манжушрин орнд мини сүмсм төрх биший?* ‘Если посчитаете до восьми, произнесете *тарни* (молитву) и потом съедите, то разве мясо мое не станет для вас *аршаном* (святым), а душа моя не возродится в стране Манджушри?’ Когда

лиса, разжав челюсти, произносит «восемь», перепелка вырывается из ее пасти [Xān Tengger 1981: 134–138; Šinĵiyang-giyin aman ũliger 2006: 528–530].

Схожий сюжет есть в калмыцкой сказочной традиции. В сказке «Баклан, лиса и суслик» («Баклыг, арат, зурмн хурвн») лиса угрозами забирает яйца баклана. Суслик подсказывает птице, как надо отвечать на угрозы лисы. Баклан сохраняет последнее яйцо, но забывает о наказе суслика, проговаривается и указывает лисе, в какую сторону он убежал. Лиса, поймав суслика, поддается на его уловку, начинает считать до десяти, суслик сбегает [Хальмг туульс 1961: 84–85].

В сказке «Хромая пестрая сорока» («Долц алг шаазһа») птица, испугавшись угроз лисы, каждый раз отдает ей по одному яйцу. Охотник помогает сороке избавиться от лисы, поймав ее в капкан [Xān Tengger 1988, № 3: 60–61; Šinĵiyang-giyin aman ũliger 2006: 530].

В сказке «Почему у перепелки хвост короткий» («Бөднэ сүл яһад оһтр болсмб») сюжет построен на том, что лиса грозит съесть перепелку и выдвигает ей ряд условий. В финале мудрая птица спасается, но лишается части хвоста, потому сказка приобретает этиологическое содержание [Xān Tengger 1982: 158–162; Šinĵiyang-giyin aman ũliger 2006: 127–128].

Вариантом этой сказки является текст «Лиса и перепелка» («Бөднэ үнгн хойр»). Лиса обнаруживает птенцов перепелки. Ради спасения своих детей птица обещает досыта накормить лису и приводит к дому одной богатой семьи. Пока перепелка, отвлекая, уводит домочадцев, лиса досыта наедается в доме. В следующий раз лиса велит перепелке рассмешить ее. Перепелка прилетает к дому той же богатой семьи и садится на голову хозяину. Жена хозяина дома решает убить ее, ударив плетью, но вместо перепелки попадает в голову мужа. Разгневанный хозяин гонится за глупой супругой, а лиса вновь наедается вдоволь. В третий раз лиса требует, чтобы перепелка напугала ее. Та приводит ее к охотникам с собаками — лиса едва спасает свою жизнь. Пережив смертельную опасность, лиса решает съесть перепелку, но лишь отрывает ей

хвост. С тех пор у перепелки хвост короткий, а у лисы — длинный [Xān Tengger 1981, № 3: 179–182].

Сказка «Лис и журавль» («Үнгн тоһрун хойр») начинается с того, что журавлиная пара, прилетев к месту летовки, начинает вить гнездо. Лис помогает им соорудить гнездо. Соседи живут мирно, делятся едой. Журавль неоднократно спасает жизнь лиса, предупреждая его об охотниках. Лис же замышляет съесть птенцов благодетеля. Однажды, когда журавли улетели на поиски еды, лис схватил журавлят и потащил их домой, чтобы поживиться ими. Увидев это с высоты птичьего полета, журавлиная пара примчалась к норе лиса. Хитрец стал уверять, что он решил успокоить плачущих птенцов, оставленных родителями. После этого лис приглашает журавлиную семью к себе в гости, чтобы напоить их допьяна. Журавлиха, разгадав его намерение, стала кричать, что приближаются охотники с собаками. Лис в панике пускается наутек. Затем птицы приглашают соседа к себе в гости. Угощение они разложили в капканы, и лис оказался в ловушке. Так благодаря своей смекалке журавли одолели злонамеренного лиса [Xān Tengger 1985: 127–131; Šinĵiyang-giyin aman ūliger 2006: 535–536].

В сказках журавль наделяется умом, благородством, рассудительностью. В фольклорной традиции калмыков сохранились запреты, сказки, заговоры, песни и танцы, связанные с журавлем. Представления о журавле, сохранившиеся в народной традиции калмыков, сходны с представлениями других тюрко-монгольских народов [Басангова 2019: 47].

В сказке «Почему петух кричит утром, в обед и вечером» («Эр така юунд өрүн, үдлэ, асхн, сө дүүлн дуһардг болсмб») обоснована причина того, что петух кричит три раза в сутки. Одолжив на три дня свое красивое оперение павлину, петух был обманут им и теперь трижды в день зовет его, требуя вернуть свой наряд [Šinĵiyang-giyin aman ūliger 2006: 127–129]. Схожий сюжет присутствует и в калмыцкой сказочной традиции. Два павлина попросили у петухов оперение, чтобы сходить в гости, и не вернули его. Поэтому петухи кричат в полночь, на рассвете и в полдень, прося вернуть их красивое оперение [Хальмг туульс 2009: 411].

В сказке «Почему сова кричит по ночам» («Ууль шовун юунд сөөд дуһардг болсмб») объясняются повадки этой птицы. Скупая девушка, рассердившись на гостей, которые съели на ее свадьбе всю еду, ночью нагая убежала от мужа в лес и плакала так, что умерла от горя. Душа этой девушки превратилась в сову. Мальчишки стали дразнить птицу, кидать в нее камнями и загнали ее в дупло дерева. Поэтому она всю ночь плачет, а днем спит [Betege сауān боқširγо 1981: 72–75].

Помимо вышеуказанных птиц присутствует в сказках о животных ойратов Синьцзяна и образ мифической птицы хан Гаруды. В сказке «Лис-перерожденец и хан Гаруда» («Хүвлхэн үнгн болн хан Нэрд») лис с помощью хитрости делает своей ездовой птицей хан Гаруду [Betege сауān боқširγо 1981: 38–39; Šinjīyang-giyin aman üliger 2006: 542–543]. Этот сказочный сюжет близок к рассказу «Вишну и Гаруда», широко известному в рамках комментаторской тибето-монгольской литературы к буддийским дидактическим трактатам [Ёндон 2013: 124–125].

Буддийский мотив противостояния Гаруды и нагов отмечается и в калмыцкой устной традиции. Этот мотив обнаруживается в богатырских и волшебных сказках [Мирзаева 2015: 202]. Мифическая птица хан Гаруда помогает герою волшебной сказки калмыков, перемещая его из одного мира в другой [Горяева 2017].

Еще одна птица, которая оказывает помощь человеку, избавив его от смертельной угрозы, — ласточка. В устной традиции многих народов ласточка — вестница весны, носительница добра. Считается хорошей приметой, если ласточка совет гнездо под крышей. Это предвещало для хозяев этого дома богатство и достаток. Ласточка в культуре калмыков относится к числу священных птиц [Басангова 2019: 51].

В сказке «О пользе, которую принесла ласточка» («Харадан кесн тус»), записанной от современной сказительницы, исполнительницы протяжных песен Т. С. Тягиновой, ласточка вырвала язык у комара, летевшего по поручению змея. Комар престал говорить и не смог сказать, что самая сладкая кровь у человека [Тягинова 2011: 72].

В сказках ойратов Синьцзяна, как и в калмыцких, ласточка избавляет людей от погибели. Змей, разозлившись на птицу, которая лишила языка комара, схватил ее за хвост, отчего теперь у ласточки хвост раздвоенный. Капли крови комара потекли по клюву и попали на шею защитнице людей, окрасили ее в красный цвет [Betege saγān boqšigyo 1981: 94–98].

Таким образом, как показывает анализ содержания синьцзянских сказок о животных, в них широко представлены сюжеты о птицах, которые своей мудростью и смекалкой превосходят физически сильных существ. В сказках отражен также образ мифической птицы хан Гаруды. Сюжеты зачастую имеют этиологическое содержание, объясняя особенности поведения, внешние отличительные признаки той или иной птицы.

Литература

- Басангова 2019 — *Басангова Т. Г.* Животные в калмыцком фольклоре. Элиста: КалмГУ, 2019. 192 с.
- Горяева 2017 — *Горяева Б. Б.* Орнитоморфные помощники героя в калмыцкой волшебной сказке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2017. № 9 (122). С. 134–141.
- Детский фольклор ойратов 2010 — Детский фольклор ойратов Синьцзяня / сост. Н. Батбайра; пер. с ойрат. и перелож. на совр. калм. язык Б.Х. Тодаевой. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 124 с.
- Джангар 2008 — Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. Т. 3. Элиста: АПП «Джангар», 2008. 460 с.
- Ёндон 2013 — *Ёндон Д.* Сказочные сюжеты в памятниках тибетской и монгольской литературы. 2-е изд. Уланбаатар: АНМ ИЯЛ, 2013. 201 с.
- Кичиков 1997 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Вост. лит., 1997. 320 с.
- Меняев 2016 — *Меняев Б. В.* Художественно-поэтические особенности благожеланий ойратов Синьцзяна (по материалам журнала «Хан Тенгри») [электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/05/68116> (дата обращения: 05.02.2020).

- Мирзаева 2015 — *Мирзаева С. В.* О некоторых буддийских чертах сказочного фольклора калмыков // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. 2015. № 3. С. 196–204.
- Мифы 1988 — Мифы народов мира. Энциклопедия. В 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. К–Я. 719 с.
- Музраева 2014 — *Музраева Д. Н.* Кукушка как персонаж сказочного фольклора народов Центральной Азии: проблема взаимосвязи фольклорных жанров и литературных текстов // Новые исследования Тувы. 2014. № 2 (22). С. 80–94.
- Надбитова 2011 — *Надбитова И. С.* Сюжеты, образы и стилевые традиции калмыцких волшебных сказок. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2011. 260 с.
- Ойратский «Гесер» 2014 — Ойратский «Гесер». Героический эпос синьцзянских ойратов / на калм. яз.; перелож. с ойрат. яз. на совр. калм. письмо Б. Х. Тодаева, коммент. Б. Б. Манджиева. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 210 с.
- Осорин 2015 — *Осорин У.* Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 188 с.
- Очирова 2010 — *Очирова Н. Г.* Исследователь монгольских языков (к 95-летию известного востоковеда Б. Х. Тодаевой) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 105–106.
- Селеева 2013 — *Селеева Ц. Б.* Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версии эпоса «Джангар». Элиста: КалмНЦ РАН, 2013. 275 с.
- Пропп 2000 — *Пропп В. Я.* Русская сказка (Собрание трудов В. Я. Проппа) / науч. ред., коммент. Ю. С. Расказова. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.
- Пюрбеев 2015 — *Пюрбеев Г. Ц.* Эпос «Джангар»: культура и язык. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2015. 280 с.
- Тайва 2014 — История воробья Сержя, птенца птахи Тиржя. Факсимиле рукописей. Исследование, транслитерация, перевод, комментарии Очиржавин Тайва. Элиста: ЗАОр «НПП „Джангар“», 2014. 224 с.
- Тягинова 2011 — Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой. Самозапись 2004–2010 гг. / предисл. Н. Г. Очировой, сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 208 с.
- Хальмг туульс 1961 — Хальмг туульс. Барт белдснь Саңһжин Б., Саңһан Л. I боть. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1961. 220 х.

- Хальмг туульс 2009 — Хальмг туульс / сост. В. Д. Бадмаева. Элиста: ГУ Издательский дом «Герел», 2009. 440 с.
- Betege саγān боқšīγо 1981 — Betege саγān боқšīγо. Šinjiyang-giyin mongγol arad-yin aman zokōl (Белозобый воробей. Фольклор монголов Синьцзяна). Urumči: Šinjiyang-giyin arad-yin keblel-yin хогō (Урумчи: Народное издательство Синьцзяна), 1981. 100 с.
- Damrindjab 2017 — Damrindjab Ba. Collection and Publication of Oirat Folk Tales of Xinjiang: a Brief Historical Review // Вестник КИГИ РАН. 2017. № 6. С. 139–149.
- Šinjiyang-giyin mongγol aradiyin aman ūliger 2006 — Dumdadu ulusiyin Šinjiyang-giyin mongγol aradiyin aman ūliger-yin emkidkel (Собрание сказок монголов Синьцзяна КНР). Ürümči: Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin хогō (Урумчи: Народное издательство Синьцзяна), 2006. 866 с.
- Xān Tengger — Xān Tengger (Хан Тенгер). Ürümči: Šinjiyang-giyin aradiyin keblel-yin хогō (Урумчи: Народное издательство Синьцзяна), 1981–1991 (№ 1–44), 1993 (№ 45–50), 1998 (№ 51).

УДК 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-233-250

Инедиты калмыцкого фольклора из фонда И. И. Попова: тематическая классификация образцов устной несказочной прозы

*Данара Владимировна Убушиева*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000
Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: bib.danara@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Убушиева Д. В., 2020

Аннотация. *Цель* статьи — проведение классификации образцов устной несказочной прозы, записанных И. И. Поповым, на основе общепринятого сравнительно-сопоставительного подхода. Материалом для исследования послужила рукописная тетрадь «Былевые сказания донских калмыков в оригинальном калмыцком тексте и русском переводе» из коллекции собирателя фольклора донских калмыков И. И. Попова. *Результаты.* Тематическая классификация образцов устной несказочной прозы донских калмыков имеет следующий состав: 6 мифов (5 — этимологический миф о происхождении и особенностях животных, птиц, насекомых, растений, о явлениях природы и 1 — календарный), 7 преданий (2 религиозного содержания и 4 исторических), 2 легенды о происхождении обычаев, обрядов, ритуалов, 1 образец не удалось идентифицировать, так как он неполный. В результате из 17 образцов — 9 (№№ 3, 4, 5а, 6, 7, 8, 11, 12, 13) не имеют вариантов, некоторые из них помещены в сборники «Семь звезд» и «Мифы, легенды и предания калмыков». К 7-ми образцам (№№ 1, 2, 5б, 9, 10, 14, 15) обнаружены варианты или версии, но следует заметить, что некоторые образцы в записи И. И. Попова еще не опубликованы и представлены в изданиях по записям других собирателей. 1 образец (№ 16) не классифицирован, соответственно рассмотрение его вариантов или версий затруднительно.

Ключевые слова: фольклор донских калмыков, И. И. Попов, архив, инедиты, миф, легенда, предания, тематическая классификация

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00287 «Инедиты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879)

Для цитирования: Убушиева Д. В. Инедиты калмыцкого фольклора из фонда И. И. Попова: тематическая классификация образцов устной не-сказочной прозы // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 233–250. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-233-250

UDC 398

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-233-250

Inedites of Kalmyk folklore from the collection of I. I. Popov: thematic classification of oral non-fabulous prose samples

*Danara V. Ubushieva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Researcher

E-mail: bib.danara@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Ubushieva D.V., 2020

Abstract. The purpose of the article is to classify samples of oral non-fabulous prose recorded by I. I. Popov, based on a generally accepted comparative approach. The material for the study was the manuscript notebook “Old legends of the Don Kalmyks in the original Kalmyk texts and Russian translation” from the collection of Don Kalmyks folklore collector I. I. Popov. *Results.* The

thematic classification of samples of oral non-fabulous prose of Don Kalmyks has the following structure: six myths (five etiological myths about the origin and features of animals, birds, insects, plants, nature phenomena and one calendar myth), seven stories (two of religious content and four — historical), two legends about the origin of customs, rites, rituals and one sample could not be classified as it is incomplete. Hence, out of seventeen samples — nine (No. 3, 4, 5a, 6, 7, 8, 11, 12, 13) do not have any variations and some of them are included into the collections “Seven Stars” and “Myths, Legends and Traditions of Kalmyks”. There are variations or versions for seven samples (No. 1, 2, 5b, 9, 10, 14, 15); however, it should be noted that some samples have not been published in I. I. Popov’s recordings, and are published in the recordings of other collectors. One sample (No. 16) is not classified, thus, there are certain difficulties in the analysis of its variants or versions.

Keywords: folklore of Don Kalmyks, I.I. Popov, archive, ineditis, myth, legend, traditions, thematic classification

Acknowledgement. The study is funded by RFBR under the scope of the research project № 20-012-00287 (a) “Ineditis of Kalmyk Folklore from the archive of I.I.Popov”. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Ubushieva D. V. Inedites of Kalmyk folklore from collection of I.I. Popov: thematic classification of oral non-fabulous prose samples. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 233–250. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-233-250

Одной из основных задач фольклористики является ввод в научный оборот новых образцов устного народного творчества. Несмотря на то, что изданы два полновесных сборника с образцами несказочной прозы калмыков, в архивах нашей страны еще хранятся инедиты данного жанра. В Государственном архиве Ростовской области (далее — ГАРО) хранится рукописная тетрадь «Былевые сказания донских калмыков в оригинальном калмыцком тексте и русском переводе», составленная И. И. Поповым

[ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. №№ 13808, 13809]. Ранее нами описана специфика записи преданий И. И. Поповым [Убушиева 2019а; Убушиева 2019б]. В настоящей статье предпринята попытка тематической классификации и кратких пересказов содержания 16 образцов «былевых сказаний¹» в записи И. И. Попова. 15 текстов записаны от донского калмыка Кирсана Атинова и образец № 9 зафиксирован от Арсалана Мукёвюнова.

Мифы, легенды и предания остаются наименее исследованным жанром в калмыцкой фольклористике. В настоящее время есть несколько работ в данной области. Это исследование Д. Э. Басаева «Устная несказочная проза калмыков» [Басаев 2004: 5–28] и его же кандидатская диссертация на тему «Калмыцкие народные легенды и предания» [Басаев 2009], монографическое исследование У. Осорин «Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ» [Осорин 2015] и обобщающая статья Т. Г. Басанговой «Мифы, легенды и предания калмыков» [Басангова 2017: 5–29]. Новейшей работой является кандидатская диссертация Б. Ю. Сенглеева «Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография» [Сенглеев 2019].

На сегодняшний день разработаны три тематические классификации для образцов устной несказочной прозы калмыков. Первая предложена Д. Э. Басаевым, где выделено 7 разделов: 1) космогонические легенды: о сотворении мира, происхождении земли, неба, звезд, солнца, луны; 2) этиологические легенды: о происхождении и особенностях животных, птиц, насекомых, растений, о некоторых явлениях природы; 3) демонологические легенды: о сверхъестественных существах и нечистой силе; 4) исторические предания и легенды: об исторических событиях, об исторических личностях; 5) топонимические предания: о происхождении географических объектов или их названий (различных местностей, рек, озер, родников, гор, курганов); 6) генеалогические легенды и предания: о происхождении, расселении калмыцких родов и пле-

---

¹ Определение И. И. Попова.

мен; 7) социально-бытовые легенды и предания: о происхождении праздников, обычаев, о различных бытовых историях [Басаев 2009: 7–8].

Вторая тематическая классификация разработана У. Осорин для ойратских мифологических образцов и состоит из следующих разделов: 1) *halw delkэн, йиртмэжин болн йиртмэжин үзгдлин туск домгулгүрмүд* ('мифы о происхождении и устройстве вселенной'); 2) *бурхн шажэна туск домг-үлгүрмүд* ('мифы религиозного содержания'); 3) *идэн-ундна туск домг-үлгүрмүд* ('мифы о еде и питье'); 4) *аһурсн болн эживртн шовудын туск домг-үлгүрмүд* ('мифы о животных и птицах'); 5) *күүнэ туск домг-үлгүрмүд* ('мифы о появлении человека'); 6) *бугин туск домг-үлгүрмүд* ('мифы о демонологических существах'); 7) *туужд орсн күүнэ туск домг-үлгүрмүд* ('мифы об исторических личностях'); 8) *нутгин усна болн һазрин нердин туск домг-үлгүрмүд* ('топонимические мифы'); 9) *овг-ээмгин туск домг-үлгүрмүд* ('мифы об этнических группах, родах'); 10) *байр-нээрин туск домг-үлгүрмүд* ('о праздниках'); 11) *заң-заңшалын туск домг-үлгүрмүд* ('мифы об обычаях'); 12) *ду-бишһин айс болн көгжэмин зевсгин туск домг-үлгүрмүд* ('мифы о мелодиях и музыкальных инструментах') [Осорин 2015: 39–40].

Одной из последних разработок в данной области является тематическая классификация, предложенная Т. Г. Басанговой, которая, как и предыдущая, состоит из 12 разделов: 1) космогонические мифы о сотворении мира, происхождении земли, неба, звезд, солнца, луны; 2) этиологические мифы о происхождении и особенностях животных, птиц, насекомых, растений, о явлениях природы; 3) демонологические предания о сверхъестественных существах; 4) исторические предания об известных лицах; 5) топонимические предания о происхождении географических объектов или их названий; 6) этнонимические легенды о происхождении калмыцких родов; 7) легенды о происхождении обычаев, обрядов, ритуалов; 8) религиозные предания о духовных лицах (сказителях, гелюнгах, задчи) и божествах буддийского пантеона (Будде, Майтрее и др.); 9) предания о материальных предметах; 10) предания о происхождении жанров калмыцкого фольклора [Басангова 2017: 10].

На основе представленных классификаций нами проведена предварительная классификация 16 образцов устной несказочной прозы донских калмыков в записи И. И. Попова, датированных 1890–1892 гг.

1-й образец — историческое предание — *Oiridīn xān boloqsan orčilangīn noyon boloqsan šaǰı yertünǰı xoyortu saixan boloqsan ayuka burxani xobilyan aldarsiqsen neretei dondoq ombo xāni kübün ǰaldan narboin tūǰı* (‘Сказание об ойратском хане, всемирном князе, прекрасном для веры и света, перерожденном воплощении Будды Аюки, знаменитом именем сына хана Дондук-Омбо — Галдан Нарбо’)². Две версии под названиями «Гибель Галдамы» и «Дондук-Омбо» опубликованы в изданиях «Семь звезд» [Семь звезд 2004: 126–127] и «Мифы, легенды и предания калмыков» [Мифы, легенды... 2017: 264–273] соответственно. Предание в записи И. И. Попова не издано. Сюжет повествует о взаимоотношениях хана Дондук–Омбо и его сына Галдан–Нарбо. Хан Дондук–Омбо после смерти супруги, матери его старшего сына Галдан–Нарбо, женится на дочери татарского³ хана Ясира по имени Джан. Хатун Джан получает в приданое 25 татар с 25 алебардами. Через некоторое время после замужества хатун Джан задумала избавиться от Галдан–Нарбо, который в случае смерти отца займет место хана, и сообщает супругу о том, что Галдан–Нарбо испытывает к ней чувства. Дондук–Омбо гневается и решает убить своего старшего сына. Об этом замысле посредством предсказания узнает лекарь Зодво-далатан и сообщает Галдан–Нарбо. Посоветовавшись, они решают, что Галдан–Нарбо должен скрыться, пока его отец не скончается, а его хатун Джан потеряет власть. Галдан–Нарбо скрывается. Через какое-то время Дондук–Омбо призывает своего сына к себе со словами, что он уже плох и хочет провозгласить его ханом. Тот же лекарь снова предсказывает и говорит Галдан–Нарбо, что отец его обманывает и хочет погубить. Но Галдан–Нарбо решает отправиться к отцу, тогда лекарь добавляет, что его отец устроил ему западню, что в его дворце скрываются 25 татар, под-

² Здесь и далее используются названия, приведенные И. И. Поповым.

³ В тексте то татарского, то черкесского.

стерегающих его, чтобы схватить. Галдан–Нарбо прибыл к отцу, тот, устроив пир, думал, как погубить сына. Галдан Нарбо, решив выбраться, прорвал два ряда стражей, но его схватили 25 татар и стали избивать 25 алебардами. Галдан–Нарбо просит пощады. И, когда ему сломали лопатку, отец сжалился и остановил татар, тут Галдан–Нарбо снова убежал и скрывался в течение трех лет. Тот же лекарь заменил сломанную лопатку Галдан–Нарбо на собачью и вылечил его. Но Дондук–Омбо стал писать прошения русскому царю, чтобы изловили его сына. После третьего прошения Галдан–Нарбо был пойман, посажен в железный сундук и переправлен в Москву, где его поместили в тюрьму. В Москве у одного генерала был болен сын, местные врачи тщетно пытались его излечить. Тогда тот самый лекарь вызвался вылечить его. Генерал поинтересовался, что понадобится. Лекарь сказал, что нужна рыба вобла, которая три года не нерестилась. Такую рыбу тут же поймали. Лекарь вылавил из нее масло, того нездорового генеральского сына поставил задом к солнцу, намазав его зад маслом. Рядом находился человек с железными щипцами. Тут появилась одна голова змеи и, слизав масло, снова спряталась. Лекарь снова намазал зад маслом — тут появились две змеиные головы; повторили процедуры — появились три змеиные головы, тут их вытащили железными щипцами. Оказалось, что это одна змея с тремя головами. Так генеральский сын излечился. Выяснилось, что этот генерал — один из лучших помощников русского царя. В знак благодарности он помогает освободить Галдан–Нарбо из тюрьмы. Тогда Дондук–Омбо снова стал писать прошения царю, и Галдан–Нарбо снова посадили в тюрьму. Отец настаивал на казни. Тогда московские сановники, посоветовавшись, посадили Галдан Нарбо в бочку и спустили по реке. Говорят, что он с кровью и плотью своей вознесся на небеса и по сей день здравствует на небесах, а на хана Дондук–Омбо напали враги [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 8–11].

2-й образец — легенда о происхождении обычаев, обрядов, ритуалов — *Zarai ceceni yosu zāqsanaī tūjī* (‘Сказание о том, как Ёж-мудрец установил подобающий обычай’). Вариант легенды

впервые издан в русском переводе с названием «Легенда о браке» в сборнике «Народное творчество Калмыкии» [НТК 1940: 277], а затем переиздан в сборнике «Семь звезд» под названием «О браке» [Семь звезд 2004: 270]. Сюжет в записи И. И. Попова под названием «Зара Цецн йос закасн тууж» («Предание о том, как Мудрый Ёж узаконил обычай») опубликован в издании «Мифы, легенды и предания калмыков» [Мифы, легенды... 2017: 100–101]. По сюжету ёж устанавливает брачные отношения, введя запрет на родственные браки [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 11–11об.].

3-й образец — историческое предание — Аука хānai zombар aldar хоѣйцїн тїји («Сказание о славном военачальнике хана Аюки — Зомбар Алдаре»). Вариантов нет. Краткий пересказ на русском языке под названием «Сердце Зомбара» опубликован в сборнике «Семь звезд» [Семь звезд 2004: 296–297]. Оригинальный калмыцкий текст и его перевод на русский язык напечатан нами [Убушиева 2019б: 275–278]. В предании повествуется о богатыре Зомбар Алдаре, которого захватили в плен и тщетно пытались убить, а скончался он только тогда, когда сам лег навзничь, при этом на каждую свою руку и ногу посадив по два великана, и, вспоров себе грудь, вынул свое сердце и выкинул его [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 11об.–12об.].

4-й образец — топонимическое предание — Аq күbїн аq бурайгi алаqсан: хобā хатун-ни аq бүрайн толоҫоi хаiқсан тїји («Сказание о том, как юный Ак убил Ак Бурая, и о том, как Хова, его жена, искала голову Ак Бурая»). Вариантов не обнаружено. На калмыцком языке образец нами ранее опубликован [Убушиева 2019б: 279–280]. Перевод на русский язык под названием «Три родника» опубликован в издании «Семь звезд» [Семь звезд 2004: 237–239]. В сюжете говорится о богатыре Ак Бурае, которого должен был лишить жизни юноша Ак. Однажды к богатырю Ак Бураю приходит мальчик и представляется мальчиком из селения юноши Ак. Тогда Ак Бурай стал расспрашивать его о юноше Ак. Мальчик сообщает, что юноша Ак плавит железо, сталь и чугун и пьет, тогда Ак Бурай, повторив эти действия, снова спрашивает. Мальчик говорит, что юноша Ак может замерзнуть в воде по пояс, по грудь, по шею и

выбраться. Ак Бурай повторяет, но когда замерзает в воде по шею, то уже не может выбраться. Тут мальчик признается, что он и есть юноша Ак, тогда Ак Бурай, говорит ему: «Если должен убить меня, убей! От сердца моего трижды отрежь и съешь. Темную кровь из аорты трижды глотни. Мое могущество перейдет к тебе». Юноша так и делает, но, изрубив его тело на куски, разбрасывает его, а голову отдает на съедение рыбе таймень. Супруга Ак Бурая — хатун Хова находит кости и плоть Ак Бурая и, соединив их, отправляется на поиски головы. Она едет на запряженном воле. Тот вол убегает и бредет по безводным землям, рогами, распахивая землю, добравшись до воды, пьет. Получилось, что этот вол выкопал родники Ганзга, Мансна и Кеце. Хова хатун не находит голову Ак Бурая, а если бы нашла, то он снова ожил бы [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 12об.–13об.].

5-й образец — легенда о происхождении обычаев, обрядов, ритуалов — *Araķīn хоуог тūјі* ('Два сказания о водке'). Существует четыре версии образца. Три из них помещены в сборник «Семь звезд» (№ 36, 37, 38): 1 версия по публикации И. И. Житецкого — «Чингис-хан и винокурение», 2 версия по публикации У. Душана — «Почему хан разрешил изготовление арьки», 3 версия по записи И. И. Попова — «Из чего делается водка» [Семь звезд 2004: 86–89], в рукописи она идентифицирована нами под № 5а. Следует отметить, что в рукописи И. И. Попова под пятым преданием фактически зафиксированы два разных сюжета (две версии) о создании *араки*⁴. Первый сюжет — 5а — можно отнести к мифам о культурных героях, дарующих блага. Здесь в данной ипостаси выступает дочь Чингис-хана, которая, смешав кровь со щёк девицы-красавицы, слюну бешеной собаки и пот со лба доброго молодца, создает *араку*. Второй сюжет — 5б — о том, что однажды Чингис Богдо-хан, увидев человека в непотребном виде, запретил изготовление *араки* и ее употребление, а также повелел выкинуть в воду все приспособления для ее изготовления. Позже Чингис Богдо-хан, объезжая свои кочевья, увидел, что над одной юртой

---

⁴ Молочная водка.

поднимается дым. Приблизившись, стал наблюдать. Там перего- няли *араку*, сделав крышку из рёбер верблюда, а змеевик — из хрящей верблюда. Изготовив *араку*, произнесли благопожелание Чингису-*богдо*, огню и тридцати трём *тенгриям*⁵ Хормусты. Уви- дев это, Чингис-богдо отменил запрет на изготовление и употре- бление *араки* [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 13об.–14].

6-й образец — этиологический миф о происхождении и осо- бенностях животных, птиц, насекомых, растений, о явлениях при- роды — *Моюин түји* ('Сказание о змее'). Вариантов нет. Калмыц- кий текст издан нами ранее [Убушиева 2019а: 133]. Сюжет переве- ден на русский язык и назван «Змея за пазухой» [Семь звезд 2004: 269]. В древние времена на Землю явились два *бурхана*⁶ и стали осматривать ее. В это самое время случился сильный пожар. Оба *бурхана* устремились спасти насекомых и лягушек. Аюкин-геген схватил змею и сунул за пазуху. Эта змея ужалила его, тогда Аю- кин-геген, рассердившись, вскрикнул: «Несчастливая, скверная (му), гадкая (*һә*)!» — и отбросил её. Отчего она стала называться «змея» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 14].

7-й образец — этиологический миф о происхождении и осо- бенностях животных, птиц, насекомых, растений, о явлениях при- роды — *Dūdali gedeq šubūni tūji* ('Сказание о птице дудаль'). Вариантов не обнаружено. Русский перевод опубликован нами [Убушиева 2019а: 133], калмыцкий текст не издан. В образце гово- рится о птице *дудаль*⁷, которая, когда летала, пробивала насквозь всё, что встречалось ей. Услышав ее голос, другие птицы боялись и не взлетали. Люди эту птицу называли стальной птицей [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 14об.].

8-й образец — этнонимическая легенда — *Mangyadīn tūji* ('Сказание о татарах'). Вариантов или же версий данного преда- ния в известных нам калмыцких источниках не обнаружено. Об- разец до настоящего времени не издан. Легенда повествует о том, что на временной стоянке жили мужчины, которые пасли скот,

⁵ Небесные боги, небожители.

⁶ Божество.

⁷ Мифическая птица.

тут к ним приходит одна женщина и остается жить с главным из мужчин. У них рождаются сын и дочь. Однажды один мужчина из того поселения видит, что у этой женщины просвечиваются сердце и легкие. Мужчина сразу же сообщил об этом остальным, посоветовавшись, они решают, что нужно переключиваться к *хурулу*⁸, так как эта женщина — ведьма. Так и делают. Тот мужчина, что жил с этой женщиной-ведьмой, сказал, что задержится и отвлечет женщину-ведьму, догонит их позже. Дома он сообщает женщине-ведьме, что табун пасется далеко и что его не будет четыре дня. Сам же отправляется вслед за остальными. Та женщина-ведьма, поняв, что мужчины убегают от нее, пустилась в погоню. Мужчины, добравшись до *хурула*, стали просить лам, чтобы те стали читать молитвы, так как за ними гонится ведьма. Ламы, собрав всех служителей *хурула*, провели большой молебен, после чего мужчины отправились каждый по своим домам. Та женщина-ведьма со своими детьми не могла подойти близко к *хурулу* и, проплакав от беспомощности, умерла. Ее дети стали молиться желтой козе, которая находилась с ними, через некоторое время и она умерла. Тогда дети, разделав козу, повесили ее желтую шкуру и, закрыв глаза и прикрыв руками уши, стали молиться ей. Увидев на снегу следы птицы, создали свое письмо. От этих брата и сестры появились дети, которых стало так много, что они образовали нацию татар [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 14об.–16].

9-й образец — историческое предание — *Kūken ɣaldamain tūji* ('Сказание о маленьком Галдаме'). Образец до настоящего времени не издан. Версия данного предания в переводе на русский язык под названием «Галдама и Цаган» опубликована в сборнике «Семь звезд» [Семь звезд 2004: 328–329]. Предание повествует о том, что сын *тенгрия* во сне спускается на землю и там рождается сыном у одного хана, тот нарекает его Маленьким Галдамой. Суждено ему было завоевать тринадцать стран, а в тридцать три года умереть. Когда он захватывал страну татарского Абдар Шюкюра, достойный отпор ему оказал Салвстар, сын Аг Бура. Не сумев одолеть друг друга, они стали побратимами, и Маленький Галдама

---

⁸ Монастырь.

приглашает его в гости. После встречи и пиршества, когда гости уехали, Маленький Галдама прилег и умер, все же думали, что он крепко спит. Когда поняли, что он умер, его отец собирает всех лекарей и приказывает оживить его или же он всех казнит. Не зная, как его оживить, лекари обратились к старому *гелюngu*⁹, который при помощи молитвы явился Маленькому Галдаме во сне и рассказал ему о случившемся. Сын Хормусты *тенгрия* пересказывает своему отцу собственный сон и интересуется, как ему поступить. Они решают, что там, на земле, он очнется и расскажет своему земному отцу, что на самом деле он не его сын, а сын Хормусты *тенгрия*, и что ему было суждено покорить тридцать три ханства и было отпущено всего тридцать три года. Что эти тридцать три года прошли, предначертанное он выполнил, и ему пора отправляться к себе, сказав это, он становится буддой [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 16–20об.].

10-й образец — историческое предание — *Obuši xān kitadīn nutuq zorīd nūqsen: terūnde tende odōd: cabeq dorji noyon kitadīn xāni kūke abād arudakin ūldel amitani yēn abunai bi geji baiyād xorlaqdaq san: tere xoюогin tūji* (‘Сказание о том, как хан Обуши кочевал, направляясь в китайское царство, и о последовавшем за ним князе Цебек-Дорджи, который женился на дочери китайского хана и намеревался взять [туда] остальных своих людей, но был отравлен’). Образец в записи И. И. Попова до настоящего времени не издан. Варианты и версии данного предания встречаются как в калмыцкой устной несказочной прозе, так и в фольклоре ойратов Синьцзяна. Вариант предания в переводе на русский язык под названием «В Долине Барсов» опубликован в издании [Семь звезд 2004: 145–157]. В репертуаре сказителя донского калмыка С. Манжикова также бытовало предание «Цевг Дорж нойн» (‘Нойон Цевег Дорджи’) [Хальмг туульс1968: 253–255], оно же помещено в издание «Мифы, легенды и предания калмыков» [Мифы, легенды... 2017: 282–283]. В работе У. Осорин отдельная глава посвящена преданиям о Цевег Дорджи, бытовавшим в среде ойратов

---

⁹ Буддийский монах.

Синьзяна в Китае [Осорин 2015: 165–170]. В сказочной прозе ойратов Синьзяна выявлено три варианта: *Sebeqdorġi-in muxur xara ildü* (‘Тупой черный меч Цебек-Доржи’) [Хобуқсари монғол арадін аман зокөлін дēји 2004: 39–42], *Sebeqdorġi-in xara kēre morin* (‘Пего-вороной конь Цебек-Доржи’) [Хобуқсари монғол арадін аман зокөлін дēји 2004: 39–45], *Sebeqdorġi ezen xātai barālxaqsan-ni* (‘О встрече Цебек-Доржи с хозяином ханом’) [Хобуқсари монғол арадін аман зокөлін дēји 2004: 45–49]. Синьзянским исследователем У. Эрдя составлена родословная Цеveg Дорджи: «У торгутского Аюки хана вторым сыном был Гюнжав. У Гюнжава был сын Донгрув Омбо. У Донгрув Омбо было пятеро сыновей, старшим был Галдан Нарбо. Галдан Нарбо имел троих сыновей. Цеveg Дорджи был его старшим сыном» [цит. по: Осорин 2004: 242].

Краткое содержание предания следующее. Обуши хан просит своего придворного предсказателя посмотреть будущее. Предсказатель рассказывает, что предстоящие шестьдесят лет все будет хорошо, а далее он не видит. Обуши-хан едет по приглашению русского царя к нему в гости, а по возвращении, посоветовавшись со своим предсказателем, решает, что нужно вернуться на свои земли в Китай. Вместе с предводителями нойоном Бамбар, тайшой нойоном Цереном и Цеveg Доржой они отправляются в путь. Дорога в Китай оказалась трудной, приходилось вступать в многочисленные столкновения. Одним из первых погибает нойон Бамбар. Китайские войска также оказывают им препятствия, так как не знают их намерений. Тогда они отправляют послание китайскому императору, где говорится о намерении вступить под его подданство, и просят позволения кочевать по территории Китая. Китайский император выделяет им территорию, где проживает множество барсов. Цеveg Доржи истребляет этих барсов, и территория отходит им. Обуши-хан просит разрешения просватать его дочь, но трижды получает отказ и трижды отбывает наказание в тюрьме. Цеveg Доржи во время охоты убивает невиданного зверя «дом»¹⁰ и преподносит его шкуру, которая покрывает расстояние в четыре

---

¹⁰ Мифическое животное.

дуна¹¹, в подарок китайскому императору. Китайский император восторгается храбростью Цевег Доржи и отдает ему в жены свою дочь. Однажды Цевег Доржи решает вернуться за оставшимися на Волге калмыками и отправляется в путь, но, вспомнив, что что-то забыл, возвращается домой. В эту же ночь его жена подмешивает ему в пищу яд, и он умирает. За это ее отец, китайский император, приговаривает к тому, что она вечно должна сидеть возле тела своего мужа, так как его тело нетленно [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 20об.–23об.].

11-й образец — этиологический миф о происхождении и особенностях животных, птиц, насекомых, растений, о явлениях природы — *Dõm gedeq anggîn tũji* ('Сказание о звере, называемом «дом»'). Настоящее предание не имеет ни вариантов, ни версий в калмыцкой устной несказочной прозе. Перевод на русский язык опубликован нами ранее [Убушиева 2019а: 134]. Сюжет повествует о том, как зверь «дом» становится бессмертным [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 24].

12-й образец — религиозное предание о духовных лицах — *Nom ügei manji dgeslong хоуораи тũji* ('Сказание о монахе-гелюнге и послушнике-манджике, не сведущих в законе'). Данный сюжет в переводе на русский язык опубликован дважды: в изданиях «Народное творчество Калмыкии» [НТК 1940: 268–269] и «Семь звезд» с названием «Гелюнг и манджик» [Семь звезд 2004: 104–105]. Оригинальный калмыцкий текст не издавался. В сюжете говорится о священнослужителе и его помощнике, которые, сговорившись, решили обмануть мужчину, обратившегося к ним для совершения молебна по умершей матери. Прихватив с собой еле живого мышонка, священнослужитель объясняет своему помощнику, что, когда он будет читать молитву, нужно отпустить мышонка, и мужчина решит, что душа его матери переродилась в мышонка, но, когда пришел момент, оказалось, что мышонок умер. Тогда священнослужитель угрожает своему помощнику побоями, на что тот угрожает разоблачением [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1.

¹¹ В народной системе мер расстояние, на которое издали доносится голос человека.

Инв. № 13809: 24–24об.]. Данный образец представлен в двух вариантах, обозначенных нами 12а и 12б. Они имеют одинаковое название, но между ними приводится ремарка самого сказителя: «Сказание рассказывается еще и так».

13-й образец — религиозное предание о духовных лицах — *Kēre nige manji nige bere-lē хагаqsani tūji* ('Сказание о послушнике-манджике, встретившемся в степи с одной молодой'). Если в предыдущих двух образцах священнослужитель изобличается во лжи, то здесь его уличают в блуде [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 24об.–25]. Вариантов не обнаружено. Образец не публиковался.

14-й образец — календарный миф — *ǰilmūdtū nere уауаǰi ögöqsöni tūji* ('Сказание о том, как были даны имена годам' [двенадцатилетнего календарного цикла]). В калмыцкой устной несказочной прозе существует два варианта этого сюжета: «Как мышь попала в название года калмыцкого календаря» [Семь звезд 2004: 264], «Хулһн болн темән» ('Мышь и верблюд') [Мифы, легенды... 2017: 62–63]. Образец, записанный И. И. Поповым, ранее не публиковался. Сюжет повествует о сборе богов на совет, где они решают, что нужно дать названия годам, месяцам и дням. Тут же они дают названия годам по названию какого-либо животного, и, дойдя до двенадцатого года, хотели было назвать его годом верблюда, но мышь, сидевшая на голове верблюда, возмутилась, отчего ее не включают в названия летоисчислений. Тогда боги решили, что двенадцатый год будет годом мыши [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 25об.].

15-й образец — этиологический миф о происхождении и особенностях животных, птиц, насекомых, растений, о явлениях природы — *Meqleın tūji* ('Сказание о лягушке'). Перевод данного предания на русский язык опубликован нами ранее [Убушиева 2019а: 134–135]. Оригинальный калмыцкий текст не издан. Значительно отличающаяся версия под названием «Почему комар жалобно поет» в записи Б. Майорова впервые была опубликована в сборнике «Народное творчество Калмыкии» [НТК 1940: 274], а после — в таких изданиях, как «Семь звезд» [Семь звезд 2004:

259–260], «Мифы, легенды и предания калмыков» [Мифы, легенды... 2017: 62–65]. В предании рассказывается, отчего лягушки постоянно квакают. Оказывается, что они боятся змей и постоянно предупреждают об опасности друг друга [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 25об.–26].

16-й образец — классифицировать невозможно, так как образец неполный — *Axain tabun barsin tūji* ('Сказание о пяти барсах Ахая'). Данный образец приведен не в полном объеме, на данный момент тетрадь с продолжением, на которую ссылается И. Попов, обнаружить не удалось, в этой связи изложим краткое содержание имеющейся части. В сюжете фигурирует семилетний послушник *хурула*, которого лев кусает за плечо, сам же он думает, что его просто кто-то дернул за плечо. Его мать, увидев следы льва на плече сына, рассказывает об этом его дяде, и они решают, что это необычная метка и что он не должен быть послушником в *хуруле*. В восемь лет этот мальчик отправляется на охоту и добывает антилопу. Когда он разделяет ее, к нему подъезжает ойратский силач и просит отдать ему мясо антилопы, но мальчик отказывает ему. Тогда этот силач, вынув внутренности антилопы, поместил туда мальчика и отправился домой. Позже мальчик выбрался и... [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13809: 26–26об.] — на этом предание обрывается.

В издание «Семь звезд» под № 20 и названием «Поверья об эпосе „Джангар“ помещены три образца «поверий» [Семь звезд 2004: 53–54], которые составитель издания выявил из вступительной статьи В. А. Закруткина [Закруткин 1940: 6–88], последний же ссылается на рукопись И. И. Попова, но следует отметить, что самим И. И. Поповым данные «образцы» не отнесены к жанру «былевых сказаний», этих образцов в рукописной тетради «Былевые сказания донских калмыков в оригинальном калмыцком тексте и русском переводе» нет. Эти заметки представлены в Предисловии к рукописной тетради «Переводы разных сочинений с калмыцкого языка на русский И. И. Попова» [ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Инв. № 13808], в которую помещена песнь из «Джангара» под названием «Калмыцкий текст одной главы из Джангара, говоренного мне Бадмой Обушиновым».

Таким образом, тематическая классификация образцов устной несказочной прозы донских калмыков, записанных И. И. Поповым, имеет следующий состав: 6 мифов (5 — этиологический миф о происхождении и особенностях животных, птиц, насекомых, растений, о явлениях природы и 1 — календарный), 7 преданий (2 религиозного содержания и 4 исторических), 2 легенды о происхождении обычаев, обрядов, ритуалов и 1 образец не удалось идентифицировать, так как он неполный. В результате из 17¹² образцов — 9 (№№ 3, 4, 5а, 6, 7, 8, 11, 12, 13) не имеют вариантов, некоторые из них помещены в сборники «Семь звезд» и «Мифы, легенды и предания калмыков». К 7-ми образцам (№№ 1, 2, 5б, 9, 10, 14, 15) обнаружены варианты или версии, но следует заметить, что некоторые образцы в записи И. И. Попова еще не опубликованы и представлены в изданиях по записям других собирателей. 1 образец (№ 16) не классифицирован, соответственно рассмотрение его вариантов или версий затруднительно.

В рамках исследовательского проекта РФФИ «Инеднты калмыцкого фольклора из архива И. И. Попова» планируется ввести в научный оборот новый материал по калмыцкому фольклору, который расширит научные знания по культуре калмыков, а также даст монголоведам возможность для типологических исследований.

Источники и литература

- Басаев 2004 — *Басаев Д. Э.* Устная несказочная проза калмыков // Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания / сост., пер., вступ. ст., коммент. Д. Э. Басаева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. С. 5–28.
- Басаев 2009 — *Басаев Д. Э.* Калмыцкие народные легенды и предания: дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2009. 175 с.
- Басангова 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., комментарии, указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2017. С. 7–29.
- ГАРО — Государственный архив Ростовской области

---

¹² В образце под № 5 нами выделены два самостоятельных текста, точнее версии: 5а — о создании *араки* и 5б — о происхождении обычаев и ритуалов, связанных с *араккой*.

- Закруткин 1940 — *Закруткин В. А.* К истории изучения «Джангара» // Калмыцкий эпос «Джангар» / ред., вступ. ст. и примечания В. А. Закруткина. Ростов н/Д., 1940. С. 6–88.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Мифы, легенды... 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подгот. текстов, пер., вступ. ст., примеч., коммент., указатели, словарь, сверка калмыцких текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой. М.: Наука; Вост. лит., 2017. 367 с.
- НТК 1940 — Народное творчество Калмыкии / сост., вступ. ст., коммент. И. Кравченко. Сталинград, Элиста: Сталингр. кн-во, 1940. 316 с.
- Осорин 2015 — *Утнасун Осорин*. Мифы, легенды и предания синьцзянских ойратов и калмыков: сравнительно-сопоставительный анализ / отв. редактор, автор предисловия Э. У. Омакаева. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 194 с.
- Семь звезд 2004 — Семь звезд: Калмыцкие легенды и предания. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2004. 415 с.
- Сенглеев 2019 — *Сенглеев Б. Ю.* Исторические предания и легенды о Мазан-батыре у калмыков: эпическая биография: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019. 232 с.
- Убушиева 2019а — *Убушиева Д. В.* Предания донских калмыков в фонде И. И. Попова // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2019. Т. 2. № 3. С. 122–135.
- Убушиева 2019б — *Убушиева Д. В.* Калмыцкие предания из архива И. И. Попова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2019. № 3. С. 271–281.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс. 2-гч боть / сост. А. Ц. Бембеева, Ц.-Д. Номинханов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 264 х.
- Хобуqсari mongyol aradın aman zokölin dēji (= Ховг Сээрин моңһл ардын амн зокъялын дееж) // *Zoriqtai emkidken nairūlbai*. Urumçi: Šinjiy-gīn aradın keblel-in хороо, 2004. 384 х.

Песни о выселении калмыков и их возвращении из Сибири, записанные у информанта М. Б. Мудаевой

Инджир Мосиновна Болдырева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: inzir19@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Болдырева И. М., 2020

Аннотация. *Цель* статьи — введение в научный оборот песен, записанных у информанта М. Б. Мудаевой, в которых отражены события периода депортации и последепортационного времени калмыцкого народа. Автор показывает на примерах песен историческую правду о депортации калмыцкого народа, высланного в 1943 г. в Сибирь, и радость калмыков, вернувшихся на родину. *Материалами* для исследования послужили песни, записанные учеными Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИИЯЛИ, ныне Калмыцкий научный центр РАН) во время фольклорной экспедиции в 1960 г. у информанта М. Б. Мудаевой, проживавшей в Яшкульском районе Калмыцкой Автономной Советской Социалистической Республики. Песня «Хальмгудыг нүүлһснэ туск дун» («Песня о выселении калмыков») относится к периоду депортации калмыков. В песне последепортационного периода «Хальмгуд Сибрэс ирснэ туск дун» («Песня о возвращении калмыков из Сибири») отмечено значительное событие в жизни калмыков — благополучное возвращение и радость калмыков, прибывших в родную степь.

Выводы. Введены в научный оборот ранее не публиковавшиеся песни о депортации калмыков и возвращении их на родину.

Ключевые слова: калмыцкая народная песня, депортация, Сибирь, возвращение на родину, благопожелания

Благодарности. Исследование проведено при поддержке государственной субсидии: проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Болдырева И. М. Песни о выселении калмыков и их возвращении из Сибири, записанные у информанта М. Б. Мудаевой // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 257–269. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-251–263

UDC 821.512.37-398.8

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-251-263

The Deported and Returned: Siberia-Related Kalmyk Songs Recorded from M. B. Mudaeva

*Indzhir M. Boldyreva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate
E-mail: inzir19@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Boldyreva I. M., 2020

Abstract. Goals. The paper introduces texts of songs dealing with the Kalmyk deportation and its follow-up period recorded from M. B. Mudaeva. These songs illustrate the historical truth of 1943 nation-wide tragedy and enormous happiness of the ones to have survived and returned to ancestral lands. Materials. The work examines songs recorded by the scholars of Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History (present-day Kalmyk Scientific Center of the RAS) from M. B. Mudaeva during the 1960 folklore research expedition in Yashkul'sky District. The song *Hal'mgudyg nyylhsnə tusk dun* ('Song of the Kalmyk Deportation') deals with the deportation itself, and the song *Hal'mgud Sibrəs irsnə tusk dun* ('Song of the Kalmyks' Arrival from Siberia') depicts the successful return and universal joy of ones who

after all reached their dear steppe. Conclusions. The work introduces the songs about deportation of Kalmyks and their return to their native land that have not been published before.

Keywords: Kalmyk folk song, deportation, Siberia, return to ancestral lands, well-wishing verses

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name “Oral and Written Heritage of Mongolian-origin Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions” (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Boldyreva I. M. The Deported and Returned: Siberia-Related Kalmyk Songs Recorded from M. B. Mudaeva. In: *Bulletin of the Kalmyk scientific center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 251–263. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-251-263

Песенный фольклор является одним из источников для изучения культуры любого народа. Разнообразный жанровый состав песен определил их тематическое разнообразие. В ряде песен отражены исторические события, стремление к прекрасной жизни, любовь к труду [Антология 1962: 4]. Издавна говорят: «Если хочешь познать душу народа — послушай его песни». В песнях, как говорят калмыки, «шестьдесят шесть мелодий жизни, сто восемь мелодий страданий».

Песенный фольклор калмыков периода депортации недостаточно исследован. Впервые песни о ссылке в Сибирь появились в 1980-е гг. на страницах газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») [Басангова, Манджиева 2003: 186]. В 1989 г. в сборник «Төрскн хазрин дуд» («Песни родной земли») вошли тексты семи песен, посвященных депортации калмыцкого народа [Төрскн хазрин 1989]. В 1991 г. вышел в свет сборник, подготовленный Л. И. Цебиковым, в котором даны тексты шести песен о депортации [Сто калмыцких 1991]. Составителем не было отмечено, от кого и в какое время были записаны песни.

Песням периода депортации посвящены работы исследователей [Овалов 2013: 246–247; Биткеев 2005; Оконов 1989; Басангова, Манджиева 2003: 185–190; Борлыкова, Омакаева 2013: 241–245].

В фольклорной экспедиции 1960 г. учеными Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы, истории (КНИИЯЛИ, ныне Калмыцкий научный центр РАН) А. Ш. Кичиковым, М. Э. Джимгировым, Н. Н. Убушаевым, А. В. Бадмаевым, З. Б. Улюмджиевой, В. Д. Пюрвеевым, Б. Б. Оконовым, А. Л. Каллаевым, Р. А. Джамбиновой у информанта Марии Бембеевны Мудаевой (1927 г. р.), проживавшей в Яшкульском районе КАССР, в совхозе «Лиманный», на ферме № 2 (ныне — село Чилгир), были записаны «Хальмгудыг нүүлһснэ туск дун» ('Песня о выселении калмыков') и «Хальмгуд Сибрэс' ирснэ туск ду» ('Песня о возвращении калмыков из Сибири') [НА КалмИЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1].

В 1943 г. Марии Бембеевне было шестнадцать лет. Она хорошо помнила зимнее утро 28 декабря 1943 г., когда ее семья, как и весь калмыцкий народ, подверглась депортации. Об этом — песня, записанная у М. Б. Мудаевой.

Хальмгудыг нүүлһснэ туск дун

Песня о выселении калмыков

<i>Дөчн нурвдгч жилин</i>	В сорок третьем году ²
<i>Декабрин хөрн нээмнд</i>	Двадцать восьмого декабря
<i>Дөрвн часа өрүһәр</i>	В четыре часа утра
<i>Дегц хальмгиг көндэв.</i>	Сразу калмыков тронули.
<i>Бүтү, бүтү машинд</i>	В закрытых-закрытых машинах,
<i>Баглад, баглад суулһв.</i>	Собрав в кучу, посадили.
<i>Бичэжн ништэ дууһарн</i>	С тихими всхлипываниями
<i>Бүлэжн нульмсан асхув.</i>	Теплые слезы я пролила.
<i>Төмр хаалһар йовулад,</i>	По железной дороге отправив,
<i>Цугтаһинь Сибр орулв.</i>	Всех выслали в Сибирь.
<i>Төрл-саднась салһад,</i>	С родственниками разлучив,
<i>Тенд, энд хайв.</i>	Там, здесь разбросали.
<i>Көк теңсин көвәһэс</i>	С берега Каспийского моря
<i>«Коммунизм» гиде пароход,</i>	Пароход с названием «Коммунизм»,

¹ На калмыцком языке слово «Сибирь» — это *Сивр*, однако мы оставляем вариант *Сибр*, как произносил это слово наш информант.

² Перевод здесь и далее И. М. Болдыревой.

*«Коммунизм» гидг пароход
Киитн Сибртнь күргв.
Гилэн ширтэл вагонь
Жирилхэд далаж кендрв.
Жирл хээн хальмг таңч*

*Жирлнь тату бээжл.
Хөрн эжилин туршарт¹
Хар сэлкэр² йовсн,
Хальмг таңч кендрв.*

*Ирсн назр болһндан
Итклтэ кевэр көдлия.
Ирх цагин эжирл
Икл байртал болтха!
Теңг, бурхдан зальврад,
Толһан өндөһэд ирия.
Төрл-садндан күрч,
Төвкүн, сээхн эжирхвидн.*

Пароход с названием «Коммунизм»
В холодную Сибирь доставил.
Окрашенные светлой краской вагоны,
Стоявшие в ряд, вздрогнув, тронулись.
У Калмыцкой республики, мечтавшей
о счастье,
Жизнь оказалась безрадостной.
Почти на двадцать лет
По ложному обвинению высланная
Калмыцкая республика тронулась
[в путь].
Прибыв, в каждой местности
Станем работать на совесть.
Пусть в будущем жизнь
Будет очень радостной!
Небу, божествам молясь,
С поднятой головой вернемся.
Добравшись до родственников,
Спокойно, счастливо будем жить!

В тексте «Песни о выселении калмыков» выделяются две части. Песня начинается с указания даты и времени выселения калмыков: 1943 год, 28 декабря, 4 часа утра. В ней отражена тема незапланированной депортации, отмечено, что калмыков выселяли в закрытых машинах (*бүтү, бүтү машинд*). Вагоны, окрашенные светлой краской, в которых поместили калмыков, вдруг «дернулись» и тронулись в путь (*гилэн ширтэл вагонь жирилхэд далаж кендрв*). Далее указано место отправления и название транспорта, на котором доставили в Сибирь: *Көк теңгсин көвэд / „Коммунизм“ гидг пароход / Киитн Сивртнь күргв* («С берега Каспийского моря пароход с названием «Коммунизм» доставил в холодную Сибирь»).

В тексте песни отражены смятение и сетование на горькую участь калмыцкого народа, мечтавшего о счастливом будущем,

³ *Хөрн эжилин туршарт* — букв. «в течение двадцати лет», имеется в виду *хөрн эжил шаху* «почти двадцать лет».

⁴ *Хар сэлкэр* — *хар гөрэр* «по черному навету».

боль разлуки с родиной, с родными. Однако в следующих строках песни содержится призыв трудиться на совесть, где бы ни оказались депортированные.

Вторая часть песни — благопожелание о возвращении на родину, куда народ отправится, пробыв в тринадцатилетней ссылке, испытав унижения, голод, холод, потерю родных и близких, очистившись от ложного обвинения. В песне содержатся призыв молиться небу, божествам и уверенность в том, что с гордо поднятой головой (очистившись от ложного навета) калмыки вернутся на родную землю, встретятся с родственниками и будут жить в спокойствии и благополучии. Заветная мечта калмыков о возвращении на родину выражена уже в песне о выселении, которая записана фольклористами после возвращения народа из сибирской ссылки, в ней слышится тоска по родной земле и предвкушение счастья, радости от встречи с родственниками.

После начала Великой Отечественной войны были сложены песни, отражавшие этот сложный период в жизни народа [Бакаева, Убушиева 2019: 502–505; и др.]. С момента выселения калмыцкого народа появляется ряд песен, посвященных теме депортации. В них часто называется скорбная дата выселения калмыков — 28 декабря, именно с нее начинается песня «Ямаран нер эс зүүлэвидн» («Какое имя мы ни носили»), записанная у известной исполнительницы Цасты Коклдаевны Жаргаевой [Эмд булг 1993: 6–8].

В песне «Сиврин дун» Т. С. Тягиновой [Тягинован 2011: 138–139] также отмечена дата выселения: *Декабрь сарин хөрн нээмнд* ‘28 декабря’. В песне упоминается американский грузовик студебеккер: *Американ бүүлдг машинднь / Ачж маниһэн һарла. / Түрүн йовсн машин / Тагт деернь хольврла, / Төгэднь өөдэн хэлэж, / Тавн кууһарн һарутла* ‘В американских крытых машинах, / Погрузив, нас повезли. / Впереди идущая машина / С моста свалилась колесами вверх. / Пятерых человек лишились’.

В песне «Декабрин хөрн нээмнд» («Двадцать восьмого декабря»), записанной у Б. П. Амбековой, подробно описан день ссылки: *Декабрин хөрн нээмнд / Дегц хальмгудыг йовулла. / Болжсах*

мууг зааһад, / Босчах нарн улала. 'Двадцать восьмого декабря / Одновременно калмыков отправили, / Предсказывая предстоящие страдания, / Заря занялась багровой краской'.

В песнях сибирского цикла часто упоминается цвет вагонов, предназначенных для перевозки скота, которые не отапливались. Эти вагоны стали одним из символов депортации и обязательно упоминаются в песнях о выселении калмыцкого народа.

В песне, записанной у Б. П. Амбековой: *Улан ширтэ вагонд / Уулюлад-шуугулад ачхларн, / Буру-зөвтэһинь йилһлго, / Бүтү-бүркгэр нүүлһлэ* 'Когда в красные вагоны / С плачем-шумом погрузили, / Не разобравшись, кто прав, кто виноват, / Закрыв-скрыв, выслали'. Далее: *Мадниг авад һархла / Мал ардасм мөөрлэ. / Һаңняд үлдсн нохас / Һалзу нохас болла* 'Когда нас увозили, / Коровы вслед мычали / Скуля, оставшиеся собаки / стали бешеными псами'.

Өңгрсн элгн-садан / Оршадг арһ өглго, / Хальмгин тохм таслар, / Хол һазрур йовулла 'Умерших родственников / Не дав возможности похоронить, / Чтобы истребить калмыцкий народ, / Отправили в далекую местность' [Амбекова 2006: 53].

В песне «Сибрүр туулһн» («Ссылка в Сибирь») указан синий цвет вагонов: *Көк ширтэ вагонд / Көгшдүд, бичкдүд, гергчүд / Көлдэд, өлсэд йовнала* 'В окрашенных в синий цвет вагонах / Старики, дети, женщины, / Окоченев, испытывая голод, едут' [Төрскн һазрин 1989: 214]. В песне «Бар сарин 28-д» ('28 декабря') говорится о вагонах красного цвета: *Улан ширтэ вагонднь / Уул һатлад, йовна, йовна. / Улан залата хальмгуд / Ууляд-унжәд йовнала* 'Красные вагоны / Переправляются через горы. / Краснокисточные калмыки, / Плача-рыдая, едут' [Сто калмыцких 1991: 120].

Горечь разлуки с родиной в песнях может быть передана в образе птицы. В песне «Декабрин 28-д» ('28 декабря'): *Һалун гидг шовунь / Һазран эргжэ ниснэ. / Һазр-усан санхнь / Һашута нульмсн асхрна* 'Птица-гусь / Кружится над землей. / Когда вспоминаю о родной земле, / Горькие слезы льются' [Төрскн һазрин 1989: 212–213].

В песне «Сиврин салькн» («Сибирский ветер»): *Галун гидг шовунь, шовунь / Гашута дуута шовун гинэ. / Гашута дуута шовуһинь соңсхнь, / Газр-усн сангдад бээнэ* ‘Птица-гусь / С печальным криком, говорят. / Когда слышишь печальный крик птицы, / Вспоминается родная земля’ [Сто калмыцких 1991: 122].

В названии следующей песни ставится вопрос: «Кенэ кесн гемэс көлтэ Сиврүр туугдсмб?» («По чьей вине мы были высла- ны в Сибирь?»): *Керэ гидг шовунь, шовунь / Кеер һарад өндглә, өндглә. / Кенәннь кесн гемэс көлтэ / Киитн Сивртнь одсмб, одсмб?* ‘Птица-ворон / В степи вьет гнездо. / По чьей вине / В хо- лодную Сибирь мы посланы?’ [Сто калмыцких 1991: 120].

Находясь в ссылке в статусе ущемленных в правах спецпере- селенцев, калмыки не могли открыто выражать протест против власти, подвергшей их репрессиям, в том числе обвинять «вож- дя народов». Все свои страдания они выражали в песне, и песен, в ко- торых звучали проклятия в адрес Сталина, было немало. Одна из песен, в которой поется о насильственном переселении калмыцко- го народа, так и называется — «Сталинд харал тэвжэх дун» («Пес- ня-проклятие Сталину»). В песне «Сиврин салькнд» («На сибир- ском ветру») поется: *Маниг туусн Сталин / Махичн ноха идтхэ!* («Выславший нас Сталин, / Пусть собаки съедят тебя!») [Сто кал- мыцких 1991: 122].

В сборнике В. Горяевой «Туугдлһн» («Ссылка») И. В. Ста- лину адресованы следующие строки: *Санамр бээсн хальмгудиг / Сексржэ Сиврүр йовулла. / Сексрүлжэ йовулсн Сталин, / Чини наснчн ахр болтха!* ‘Спокойно живущих калмыков / Внезапно вы- слал в Сибирь. / Выславший нас Сталин, / Пусть твоя жизнь будет короткой!’ [Гэрэн 2006: 76].

Несмотря на то, что после рокового 28 декабря 1943 г. было соз- дано немало песен, посвященных депортации народа, исполнять их в то время отваживался далеко не каждый: в условиях спецпо- селения и надзора каждый, о ком становились известны подобные факты, рисковал жизнью. Об одном из таких случаев упоминают исследователи: «Информант Н. Б. Манджиев <...> в 1944 г. ус- лышал в исполнении 22-летнего лейтенанта Санджи Иванова со-

чиненную им песню «1943-гч жилд хальмг нүүлһсн дун» «Песня о ссылке калмыков в 1943 году». Исполнитель песни получил за это десять лет лагерей» [Борлыкова, Омакаева 2013: 238–239].

Через тринадцать лет калмыки, вернувшись на родину, стали создавать новые песни. Во время экспедиции 1960 г. ученые Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории записали у М. Б. Мудаевой песню «Хальмгуд Сибрәс ирснә туск ду» («О возвращении калмыков из Сибири»):

*Алтнл харл машин болхгов.
Российин хаалһарл күржҗнәд ирнә. — 2 д⁵
Амулң-менд хальмгуднь болхгов.
Алтн жҗола эргүләд ирв-лә гертән. — 2 д.
Һазртан ирсн хальмгуднь болхгов.
Гер мал хойриһән хураһадл бәәнә. — 2 д.
Һардач манал коммуна-ла парть
Харһад, судыһан <...>⁶ бәәнә. — 2 д.
Эрелсәр⁷ гүүдгл машиднь болхгов
Элстин хаалһар эрвлзәдл бәәнә. — 2 д.
Эврә һазртан ирсн хальмгуд
Эндән сәәхн гинә жҗирһәд йовх болтха! — 2 д.
Элстин тәрсн тәрән-темсн гидгнь
Зүсн зүркн гидгиһинь авлм болн сәәхн.
Зүсн зүркн хойриһинь авлм болн сәәхн.
Зовлңл хамган хаяд болхгов,
Заягсн жҗирһлүрнь зүткхл болый. — 2 д.
Бод малын сәәтәл малмуднь болхгов.
Теегиһинь бүтәһәд идишлҗл йовна.
Теегиһинь бүтәжҗ идишлҗл йовна.
Тәрсн һазртан ирсн хальмгуд
Төвкнүн сәәхн гинә жҗирһәд йовх болтха! — 2 д.
Шар-улан совет <...> болхгов,
Сергәд, сәәхн гинә жҗирһәдл йовтха! — 2 д.*

⁵ 2 д. — хойр дәкжҗ ‘дважды’

⁶ Здесь и далее обозначение неясно произнесенных слов <...> .

⁷ Эрелсәр ‘по рельсам’.

*Сээхн эжирһлтэл советл манал
Сая күртл¹ гинэ наслх болтха! — 2 д.
Торһн ноостал хөөднь болхгов
Төлинь авчл гинэ хэлэжл өсхий. — 2 д.
Тоомсрта <...> наста дундан
Торһн, шеемгийһэн сэрвкүлжэ өмсий. — 2 д.*

‘Золотые черные машины,
По российской дороге грохоча, прибыли.
Мирно, благополучно калмыки,
Золотые поводья направив, прибыли домой.
Вернувшиеся на свою землю, калмыки
Домом и скотом занимаются.
Наш руководитель — Коммунистическая партия, —
Встретившись, суд <...> вершит.
По рельсам бегающие машины
По дорогам Элисты быстро летают.
Вернувшиеся на свою землю калмыки
Пусть на этой прекрасной земле блаженствуют.
Элистинские фрукты, плоды, ягоды
Сердце и душу завораживают красотой.
Сердце и душу завораживают красотой.
Избавившись от всех страданий,
Будем стремиться к счастливой жизни.
[Стада] крупного рогатого скота хорошей породы,
Заполнив степь, пасутся.
Заполнив степь, пасутся.
На родную землю вернувшиеся калмыки
В спокойствии прекрасно пусть живут!
Желто-красный совет <...>,
Пробудившись, пусть наслаждаются жизнью!
С прекрасной жизнью наш совет
Пусть живет до миллиона лет!
У овец с шелковым руном
Получив приплод, увеличим поголовье

---

¹ *Сая күртл* ‘до миллиона’.

Среди уважаемых <...> пожилых
<Одежду> из шелка, шерсти, [заставив] развеяться, будем
носить’.

В песне «Хальмгуд Сибрэс ирснэ туск дуунд» («О возвращении калмыков из Сибири») описывается восхищение прибывших на родину калмыков тучными стадами, золоторунными овцами, пасущимися на просторах родной степи, изобилием фруктовых и плодовых деревьев, цветущих в Элисте, от которых у возвратившихся калмыков замирает сердце. Чувство радости, переполнявшей сердца калмыков, выражено в форме благопожеланий: «Вернувшиеся на свою землю калмыки / Пусть на этой прекрасной земле блаженствуют!», «На родную землю вернувшиеся калмыки / В спокойствии прекрасно пусть живут!», что свидетельствует о почтительном, трепетном отношении калмыков к родной степи, к деревьям, животным, птицам. В адрес советской власти также адресовано благопожелание: «Пусть живет до миллиона лет!».

В песне переданы сокровенные мечты калмыцкого народа: богатая счастливая жизнь на родной земле, труд на благо родины, разведение крупного рогатого скота, выращивание золоторунных овец.

Своеобразно исполнение песни «Хальмгуд Сибрэс ирснэ туск дуунд» («О возвращении калмыков из Сибири»). Радость калмыков, прибывших на родину, М. Б. Мудаева передает интонационно, последние строки песни повторяются дважды, звучат громче. Голос исполнительницы, словно взлетая, поднимается ввысь.

Строки *Алтн жзола эргүлэд... төвкнүн сээхн гинэ жсирһэд йовх болтха!* ‘Повернув золотые поводья... пусть в спокойствии живут счастливо’ перенесены в текст песни из формульного текста популярного *йоряла* — традиционного калмыцкого жанра благопожеланий, в которых сохранились вербальные компоненты обряда и элементы древнейших представлений калмыков [Борджанова 2007: 12–14].

Период депортации и 13-летней ссылки в восточные районы страны — одна из горьких страниц жизни калмыков. Условия выселения и жизни на новых территориях привели к тяжелым по-

следствиям, унесшим жизни сотни тысяч невинных людей. Окончание этого периода, возвращение на родину вызвало всенародное воодушевление. Пережитые испытания, чувства горечи, надежды и радости нашли отражение в песнях о выселении калмыков и возвращении их на родину. В них присутствуют одни и те же мотивы (разлука с родиной, родными, тяготы жизни на чужбине, воспевание родной земли) и образы (сибирская стужа, холодный поезд, птица-гусь, птица-ворон, цветущая степь, тучные стада). Их содержание свидетельствует о любовном, трепетном отношении калмыков к родной земле, глубине осмысления происходящих событий, сохранении оптимистического мироощущения даже в самых драматических обстоятельствах.

Литература

- Амбекова 2006 — *Амбекова Б. П.* Цецн булг / ред.-сост. В. Чонгонов. На калм. и рус. яз. Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 190 с.
- Антология 1962 — Антология калмыцкой поэзии (на калм. яз.) / сост. С. К. Каляев, И. М. Мацаков и Л. С. Сангаев, ред. А. Сусеев. Элиста: Калмгосиздат, 1962. 299 с.
- Бакаева, Убушиева 2019 — *Бакаева Э. П., Убушиева Т. А.* О двух калмыцких народных песнях периода Великой Отечественной войны // *Oriental Studies*. 2019. № 3 (43). С. 502–521.
- Басангова, Манджиева 2003 — *Басангова Т. Г., Манджиева Б. Б.* Песни скорби и печали // Политические репрессии в Калмыкии в 20–40-е гг. XX в. Элиста: КИГИ РАН, 2003. С. 185–190.
- Биткеев 2005 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий песенный фольклор. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 214 с.
- Борджанова 2007 — *Борджанова Т. Г.* Обрядовая поэзия калмыков: система жанров, поэтика. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 592 с.
- Борлыкова, Омакаева 2013 — *Борлыкова Б. Х., Омакаева Э. У.* Лексическая репрезентация прецедентного образа вождя народов в калмыцких песнях 1930–1940-х гг. // Репрессированные народы: история и современность. Мат-лы Всерос. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Ч. I. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 232–240.
- НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. № 92 (83).

- Овалов 2013 — *Овалов Э. Б.* Хальмг улсиг Сиврүр нүүлһснэ зэрм дуудын тускар (= О некоторых песнях про выселение калмыцкого народа в Сибирь) // Репрессированные народы: история и современность: материалы Всерос. науч. конф. (г. Элиста, 26–28 ноября 2013 г.). Ч. 1. Элиста: КИГИ РАН, 2013. С. 246–247.
- Оконов 1989 — *Оконов Б. Б.* Предисловие // Төрскн һазрин дуд (= Песни родной земли) / сост. и автор предисл. Б. Б. Оконов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. С. 3–15.
- Сто калмыцких 1991 — Сто калмыцких песен / сост. Л. Ц. Цебииков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1991. 128 с.
- Әмд булг 1993 — Әмд булг (= Живой родник) (из фольклорного репертуара Ц. К. Жаргаевой) / сост. Н. Биткеев. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 77 с.
- Гәрән 2006 — *Гәрән В.* Мини жирһлин дуд (= Гаряева В. Песни моей жизни). Элиста: АОр «НПП «Джангар», 2006. 166 с.
- Төрскн һазрин 1989 — Төрскн һазрин дуд (= Песни родной земли) / сост. и автор предисл. Б. Б. Оконов Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 308 с.
- Тягинован 2011 — Т. С. Тягинован амн урн үгин көрңгәс (= Фольклорные материалы из репертуара Т. С. Тягиновой). Самозапись 2004–2010 гг. // Өвкнрин зөөр (= Сокровища предков) / сост., коммент. Б. Б. Горяевой. Элиста: КИГИ РАН, 2011. 230 с. (На калм. и рус. яз.).

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-264-277

Баллада в калмыцкой поэзии XX в. (Ц. Леджинов, С. Байдыев)

*Римма Михайловна Ханинова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: khaninova@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Ханинова Р. М., 2020

Аннотация. В статье рассмотрены баллады калмыцких поэтов Церена Леджинова «Бальчгин туск баллад» («Баллада о грязи», 1941) и Санжары Байдыева «Башмгудин туск баллад» («Баллада о башмаках», 1967). Анализ двух баллад в оригинале показал, что стихотворение Ц. Леджинова ни по содержанию, ни по форме не отвечает заявленному жанру, стихотворение С. Байдыева является одной из интересных баллад в калмыцкой поэзии прошлого столетия, экспериментальное в сюжетном и персонажном плане. Сопоставлен оригинальный текст С. Байдыева с его русским переводом «Ботинки», выполненным Д. Долинским и В. Стрелковым, в аспекте смыслового контекста и жанрового своеобразия, выявлена деформация переводчиками авторского замысла и воплощения.

Ключевые слова: баллада, калмыцкая поэзия, поэтика, фантастический элемент, русский перевод

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (регистрационный номер АААА-А19-119011490036-1). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Ханинова Р. М. Баллада в калмыцкой поэзии XX в. (Ц. Леджинов, С. Байдыев) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 264–277. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-264-277

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-264-277

A Ballad in the Kalmyk Poetry of the Twentieth Century (Ts. Ledzhinov, S. Baydyev)

*Rimma M. Khaninova*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

E-mail: khaninova@bk.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Khaninova R. M., 2020

Abstract. The article discusses ballads of the Kalmyk poets Tseren Ledzhinov “Бальчгин туск баллад” (“A Ballad about the Mud”, 1941) and Sanzhar Baidyev «Башмгудин туск баллад» (“A Ballad about Boots”, 1967). The analysis of the two ballads in the original showed that neither the content nor the form of Ledzhinov’s poem fits the announced genre. The poem by Baidyev, on the other hand, is one of the interesting ballads of the Kalmyk poetry of the past century, it is experimental in terms of the plot and the characters. The original text of S. Badyev’s work is compared to its Russian translation “Boots” translated by D. Dolinsky and V. Strelkov. The comparison revealed that the author’s conception and manifestation were altered by the translators in the aspect of semantic context and genre identity.

Keywords: ballad, Kalmyk poetry, poetics, fantastic element, Russian translation

Acknowledgement. The study was made within the scope of the State grant — the project “Oral and written heritage of the Mongol people of Russia, Mongolia and China: trans-border traditions and interaction” (state registration number AAAA-A19-119011490036-1). The article was presented at the

international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Khaninova R. M. A Ballad in the Kalmyk Poetry of the Twentieth Century (Ts. Ledzhinov, S. Baydyev). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 264–277. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-264-277

Жанр баллады в калмыцкой поэзии XX в. не был объектом и предметом в литературоведении за исключением наших статей последних лет на примере стихотворений Гари Даваева, Басанга Дорджиева, Лиджи Инджиева, Морхаджи Нармаева, Михаила Хонинова, Давида Кугультинова [Ханинова 2015; Ханинова 2019a; Ханинова 2019b]. Не самый распространенный в прошлом столетии жанр не востребован и сегодня.

Как выяснилось, доминирующей для калмыцких авторов стала баллада героического, политического типа с 1930-х гг., в годы Великой Отечественной войны, а также после возвращения из ссылки в конце 1950-х гг.

Калмыцкая баллада имела в творчестве того или иного поэта либо локальный характер (например, разовое обращение Г. Даваева, Ц. Леджинова, С. Байдыева), либо постоянный (например, у М. Нармаева, М. Хонинова).

Если в основном авторы сами обозначали избранный ими жанр баллады, то, скажем, три стихотворения Д. Кугультинова атрибутированы в этом отношении только русскими переводчиками (М. Дудин, Ю. Нейман) [Ханинова 2019b], поэма Эрдни Эльдышева «Маринеско» [Эльдшэ Э. 2007] при русском переводе Л. Петровой значительно сокращена и трансформирована в балладу [Эльдшев 2006].

Поскольку для национального фольклора и национальной литературы этот жанр не характерен, калмыцкая баллада испытала на себе влияние русской и советской баллады, прежде всего в военной тематике.

Баллада советского периода тесно связана с эпохой, с героикой времени, историческими событиями и современностью. Иногда это воздействие вступало в противоречие с заявленным жанром произведения, как в случае со стихотворением Церена Леджинова (1910–1942) «Бальчгин туск баллад» («Баллада о грязи», 1941). Тематика произведения определена строительством новой жизни в степном краю, в столице Калмыкии — Элисте. До 1928 г. органы ее власти находились в Астрахани. Создание столицы имело длительный период, связанный с планированием, финансированием, строительством. В небольшом городе одной из главных задач стало благоустройство его дорог. Поэтому и название стихотворения актуализирует проблему городской грязи на его улицах, в том числе в колхозах. Текст структурирован короткими строками (1–2 слова), частично в виде «лесенки», заимствованной из русского стихосложения.

ЗФК (заголовочно-финальный комплекс) произведения включает заглавие, в котором указан жанр («Баллада о грязи»), место и время написания (Элиста, 1941 г., февраль). Стихотворение до сих пор не было объектом и предметом анализа, немногие исследователи, обратившиеся к жизни и творчеству писателя, даже не упоминали эту балладу [Бадмин А. 1990]. Не переведена она и на русский язык. Большой объем текста (142 строки) обусловлен его построением, в котором первые 14 строк имеют стихотворную строку, состоящую из одного слова, последующие строки включают по два слова и, наконец, — по три слова.

Слово *бальчг* означает ‘слякоть, грязь’ [КРС 1977: 80], слово *бузр* — синоним грязи, в переносном значении — ‘мерзость, гадость’ [КРС 1977: 116]. Варьируя эти слова-синонимы (*бальчг*, *бузр*), поэт создает масштабную картину предстоящей работы по очистке и благоустройству родного города. Он эмоционален в передаче своих чувств: *Бальчг, / Бузр — Бигшнэ. / Балһсна / Хотн / Булһна* [Леежнэ Ц. 1990: 123]. Смысловой перевод: ‘Слякоть, грязь собираются в кучи. Столица [в грязи] утопает’. Для автора грязь — предводительница болезни, наносящей ущерб: *Бальчг, / Бузр — / Гемин / Көтлвр. // Бальчг, / Бузр — / Гаруһин / Көтлвр* [Леежнэ Ц.

1990: 123]. С помощью гиперболы он приходит к выводу, что грязь в городе по пояс: *Белкүсцә / Бальчг / Элстд* [Леежнэ Ц. 1990: 123]. В этой грязи не могут проехать машины, шоферы только качают головами в бессилии. Надо бороться с грязью, которую не видит ни городской Совет, ни колхозы, где грязь достает уже до шеи пешехода. Власти надеются на то, что земля подсохнет, ждут, когда солнце выйдет; они уживаются с грязью, стали с ней почти родственниками — возмущен поэт. Поэтому он призывает: *Хату / чолу / девсий! // Хотл / балһсан / кеерулий!* [Леежнэ Ц. 1990: 126]. В смысловом переводе: 'Крепкий камень положим! Столицу украсим!'. Только тогда Элиста будет возвышаться, станет подобной драгоценному камню. Избавиться от грязи — дело города.

В конце стихотворения поэт обращается с призывом уже к горожанам: *Бостн! // Бийсэн белдтн! // Бальчгур дә босхий! // Балһсан сәэхн кей!* [Леежнэ Ц. 1990: 126]. Смысловый перевод: «Поднимайтесь! Приготовьтесь! Объявим войну грязи! Сделаем столицу краше!». Он перечисляет для этого орудия труда — лопаты, метлы. И подытоживает: *Цевр, / сәэхнәр / балһсан // Цуһар / бәрхәр / ноолдый!* [Леежнэ Ц. 1990: 126]. В смысловом переводе: 'Если хотите, чтобы город стал чище, красивей, давайте все бороться!'. Текст структурирован глагольными формами повелительного наклонения, призывами-лозунгами, гиперболами, сравнениями, метафорами, междометиями (тьфу, чиш). Поэт использовал разные виды анафоры — сплошную (*Бальчг, / Бузр — / Бигшинә*), парную (*Автобазин / машин / Алс цокад / унжә*), перекрестную (*Седн / Колхознь / Серәдчн уга*), аллитерацию. Сатира на городское и колхозное руководство соседствует с обращением автора к горожанам — помочь в борьбе с грязью, антисанитарией, убытками.

Вероятно, можно говорить о влиянии на Ц. Леджинова стихотворений В. Маяковского на близкие темы. Например: «Я знаю — / город / будет, // я знаю — / саду / цвeсть, // когда / такие люди // в стране / в советской / есть!» [Маяковский 1987: 611]. Вслед за русским поэтом-трибуном он тоже мог бы сказать: «Я, / душу не снизив, / кричу о вещах, // обязательных / при социализме» [Ма-

яковский 1987: 615]. Грязь в стихотворении калмыцкого автора трактуется и шире, как все то, что мешает новой жизни, новому быту, новым отношениям, то есть данный образ несет в себе и символический смысл. Тема грязи в буквальном и символическом плане описана в отечественной и мировой литературе, в том числе и в топонимике городов и селений в этих произведениях.

Следовательно, изучив произведение Ц. Леджинова «Бальчгин туск баллад», мы убедились, что его нельзя отнести к жанру баллады ни по каким признакам. Здесь нет ни сюжета, ни балладных элементов, поэтому трудно понять, по каким критериям сам автор назвал свой текст балладой. Возможно, поэтому она не привлекла внимание переводчиков.

Иной пример представлен в случае с балладой Санжары Байдыева (1925–1993) «Башмгудин туск баллад» («Баллада о башмаках», 1967). В отличие от баллады Ц. Леджинова, по нашему мнению, здесь расхождение между оригиналом и русским переводом заключается в том, что Даниил Долинский и Виктор Стрелков нивелировали жанровые признаки баллады, превратив текст под названием «Ботинки» в гимн рабочему классу.

Приведем оригинальный текст для сравнения:

*Генткн ик гидг хар баимг
Гермүдин эрсмүд чичрүлэд харч ирв,
Өрүн зурһан часин бүрч-барчгла
Өмэрэн сүртәһәр алхмнад одва.*

*Өр йосндан цээһэд ирвэ,
Өмннь делкә хаалһ һарһва.
Күдр баимгуд уульнцин чолудиг
Кү цокмар даржс ишклдвэ.*

*Түрәнһ нүһлурарн элсн һосн
Түүнә ардас йовад одва.
Өкәһэд, чөкр-чөкр гихәд,
Өндр давхрлгуд бас адһлдва.*

*Чирэһэн хэлэж болм дүңгэһэр
Чилм харар гилилхэж арчсн,
Омгта, тогтун ишкмтэ баимг
Одаксин ардас һарад одва.*

*Яһсн оln зүсн юмсви?
Ямаран эс йовна түүнд? —
Хуучн, шин, ик, бичкн,
Хар, цаһан, оln зүсн.*

*Дэлэжн цокгдсн һосна бийнь
Дэвдэд, уульнцин чолу шудрва...
Эндрин бийднь нарт делкэг
Эргэж ирхэр йовхиң адһлдва.*

*Күдр хар баимгин ишкдлиг
Күчнэс бэрх чидл бээхий?
Өр шарлж, Нарн һархиг
Өмнэснь хаадг чидл бээхий?! [Байдын С. 1967: 28–29].*

Русский перевод Д. Долинского и В. Стрелкова:

Я родился в степи на рассвете,
В час, когда растворяется тьма
В росной капельке, в запахе, в цвете,
Вырос я.

Мне казалось: на свете, —
По какой бы земле ни ступил, —
Не найду я прекрасней, чем эти
Голубые рассветы в степи.

Только жизнь научила мудро
Разбираться в рассветах меня...
Горожанином
вышел я в утро
До начала рабочего дня:

Было улице зябко и грустно
При едва начинавшемся дне...
Вдруг ударили гулко и грузно
Башмаки по густой тишине.

В остром запахе смазанной кожи
Шел башмак,
и другой за ним шел.
Даже стены ответили дрожью —
Так был властен их шаг и тяжел.

Вспыхнул говор шагов, будто порох,
Грянул стук двух кирзовых сапог.
Следом —
туфли на двух микропорах
Шли неслышно, как тихий зевок.

Как им всем не стоитя на месте!
Будто —
маленьким или большим —
Слить шаги на рассвете и вместе
Шар земной обойти надо им...

Дни и ночи всегда в поединке.
Мир навеки рассветами горд.
Начинают рассвет ботинки —
Шаг рабочих ботинок —
тверд.

[Байдыев 1973: 42–43].

Начнем с того, что название стихотворения С. Байдыева «Башмгудин туск баллад» («Баллада о башмаках») отличается от названия «Ботинки», данного переводчиками, так как понятие «башмаки» включает не только ботинки, но и всякую иную обувь, что, кстати, наблюдаем и в переводном тексте (кирзовые сапоги, туфли на микропоре); Д. Долинский и В. Стрелков актуализируют же именно рабочие ботинки. Кроме того, из авторского названия

переводчики исключили жанровое определение, важное для калмыцкого поэта. У С. Байдыева это единственное обращение к заимствованному жанру, которое им подчеркивается. Отметим, что это удачное воплощение фантастического сюжета с персонажами-вещами, шагающими без владельцев по улицам предрассветного города. Таких сюжетов в калмыцкой балладе, насколько нам известно, больше не встречается.

По законам жанра байдыевская баллада начинается с сигнального наречия «вдруг» (*генткн*). В смысловом переводе: «*Вдруг огромный черный ботинок, сотрясая стены домов, появился в шесть часов утра, неясно различимый, большими шагами величественно устремился вперед*». Сравним первое отступление у переводчиков в начальной строфе: «Я родился в степи на рассвете...» [Байдыев 1973: 42]. Действие конкретизируется, локализуется, определяя лирического субъекта как степняка и горожанина. Тем самым снимаются таинственность, загадочность, неожиданность, фантасмагоричность балладного сюжета, когда вместо шествия вещи заявляется человек, авторское «я».

Во второй строфе панорама баллады расширяется: с рассветом впереди показалась дорога с множеством башмаков; тяжелые башмаки, придавливая уличные булыжники, словно ударяя по ним, шагали. Прием градации — от единичного к множеству, от огромного башмака к тяжелым башмакам — усиливает читательскую атмосферу тревоги, беспокойства, неопределенности: что это? Восстание вещей? Чем это грозит?

Автор же далее вычленяет из общего нашествия вещей поношенные сапоги, обувь на высоких каблуках, стучащую по мостовой, наклонившуюся, спешащую следом (Женские туфли? Женские сапоги?). Такая неясность в описании идущих неизвестно куда и зачем вещей придает еще больший загадочный смысл сюжету.

В четвертой строфе показан другой башмак, блестящий, начищенный черным кремом, смотрящий на себя, видимо, в отражении уличных стекол, витрин, зеркал, надменно и прочно ступающий, идущий позади всех.

Пятая строфа начинается с риторических вопросов относительно вещей. В смысловом переводе: ‘Как же много их, столь разных? Кто здесь только не идет? Старые, новые, большие, маленькие, черные, белые, всякие’.

Сравни у переводчиков, снимающих тайну, загадку с сюжета. Лирический субъект заявляет, что жизнь научила его мудро разбираться в рассветах. Опережая события — шествие вещей, лирический субъект ничему не удивляется, готов всему дать объяснение, показать свое понимание происходящего, то есть сразу снижается уровень неожиданности, фантазмагоричности сюжета. Горожанин становится свидетелем шествия вещей. Прием олицетворения показана улица, которой зябко и грустно, говор шагов, неслышные, словно тихий зевок, шаги двух туфель на микропоре, стены, отвечающие дрожью на властный и тяжелый шаг башмаков.

В шестой строфе С. Байдыевым дана своего рода кульминация сюжета, пояснение обувного исхода. В смысловом переводе: ‘Сегодня спешат, готовые обойти всю землю, чтоб вернуться’. Вновь возникают читательские вопросы: а зачем это надо башмакам? Чем это грозит людям, если вообще грозит? Автор пытается ответить последней строфой, с тревогой вопрошая. Смысловой перевод: ‘Найдется ли сила, способная остановить шествие сильных черных башмаков?’. В перечне обуви выделены поэтом башмаки черного цвета, актуализируются их сила и символика с коннотациями зла, беды, гибели. Именно их предстоит одолеть человечеству. Заключительные две строки седьмой строфы нагнетают атмосферу опасности. В смысловом переводе: ‘Светает. Перед тем, как солнце взойдет, найдется ли сила, способная закрыть его?’. Грозная опасность подчеркивается написанием с заглавной буквы существительного «Нарн» (‘Солнце’), тем самым заявлен глобальный масштаб катастрофы для человечества.

Сравним концовку баллады в переводе Д. Долинского и В. Стрелкова, где констатируется, что будто бы обуви надо обойти весь земной шар. Заканчивается баллада на философской ноте, напоминанием о том, что дни и ночи всегда в поединке, но побеждает навеки рассвет. И эта победа для переводчиков определяется

твердой поступью рабочих ботинок: ‘Начинают рассвет ботинки — / шаг рабочих ботинок — / тверд’ [Байдыев 1973: 43], то есть концовка баллады вступает в противоречие с ее началом: там нигде нет определения ботинок, принадлежащих именно рабочим. Такое смысловое изменение приводит к искажению переводчиками авторского замысла в реализации балладного сюжета, близкого романтической европейской и русской балладе коллизиями тайны, загадки, страха, предчувствия опасности.

В байдыевской балладе нет диалога, но его функцию принимают на себя риторические вопросы, возникающие к концу стихотворения. Их риторический характер, не требующий сиюминутного ответа, усиливает прогностический посыл поэта, призывающего читателей задуматься над судьбами мира. Это действительно философская основа баллады калмыцкого автора, воплощенная в системе персонажей-вещей, причем одушевленных, на фоне безлюдного города. Где все жители? Спят? Спрятались? Покинули свои дома? Видят ли они то, что происходит на улицах их города?

Сюжетная коллизия баллады калмыцкого поэта отсылает к известным сказкам, в которых сюжетную функцию определяют те или иные представители обувного мира, например, в сказке Г. Х. Андерсена «Красные башмаки», в «бродячем сюжете» западноевропейской «Золушки».

Баллада Санжары Байдыева структурирована 7 строфами-четверостишиями с парной анафорой (например, *Генткн.../ Гермүдин.../ Өрүн.../ Өмэрэн...*), аллитерацией, со свободной рифмовкой, мужской рифмой, звукоподражанием (*чөкр-чөкр*), олицетворением (*чирдэһэн халэжэ*), сравнением (*ку цокмар*), риторическими фигурами (*Күдр хар баимгин ишкдиг / Күчнэс бэрх чидл бээхий? / Өр шарлэж, Нарн нархиг / Өмнэнь хаадг чидл бээхий?!).*

Подводя итоги, отметим, что баллада Церена Леджинова «Бальчгин туск баллад» («Баллада о грязи», 1941), как выяснилось, не отвечает заявленному автором жанру баллады ни по содержанию, ни по структуре. Не переведена она на русский язык ни в свое время, ни позднее. Из-за преждевременного ухода поэта из жизни в 1942 г. это произведение осталось единственным, пусть

и неудачным, обращением его к балладному жанру. Сама по себе тема грязи могла стать интересным сюжетом для баллады калмыцкого поэта, если бы была решена в ином ключе.

Баллада Санжары Байдыева «Башмгудин туск баллад» («Баллада о башмаках», 1967), как мы убедились, соответствует избранному жанру, отличается динамичным сюжетом, фантастическим компонентом (шествие вещей), загадочными и таинственными коллизиями (куда и зачем идут эти вещи в безлюдном городе), атмосферой недосказанности, тревоги, опасности, усиленной риторическими вопросами в конце стихотворения: есть ли сила, способная остановить шествие вещей, которые могут воспрепятствовать восходу Солнца.

Это единственная в калмыцкой поэзии баллада, близкая романтической европейской и русской балладе по своему контексту, отсылающая к «бродячим сюжетам» о функции обуви в фольклорных сюжетах («Красные башмаки», «Золушка» и др.).

К сожалению, авторский замысел не был воплощен адекватным способом в русском переводе Д. Долинского и В. Стрелкова несмотря на то, что перевод был осуществлен при жизни калмыцкого поэта. Здесь тоже возникают вопросы, почему так случилось? Известно, что русские переводы осуществлялись обычно на основе авторского подстрочника, переводчики, как правило, согласовывали с автором свой текст, редактируя, уточняя его. Значит ли это, что автором или тем, кому был поручен, сделан неудачный подстрочник, который был использован переводчиками, или переводчики на свой лад переделали произведение, заручившись согласием автора. Ведь изменения начинаются уже с заглавия: вместо «Баллада о башмаках» — нейтральные «Ботинки»; вместо шествия вещей без людей — присутствие рассказчика, наблюдавшего за тем, что происходит; вместо обобщенной картины — локализация, подтвержденная портретом рассказчика, родом из степей, а ныне горожанина; вместо множества различных башмаков — доминирование рабочих ботинок; вместо сюжета-предостережения — оптимизм социалистического реализма в действии («Мир навеки рассветами горд. <...> Шаг

рабочих ботинок — / тверд’); авторский фантастический сюжет, таким образом, благодаря переводчикам перерастает в гимн рабочему классу.

Несмотря на ряд указанных недочетов в русском переводе, эта баллада С. Байдыева в своем оригинальном воплощении является одной из интересных по содержанию баллад в калмыцкой поэзии прошлого столетия. Ее экспериментальная природа очевидна, как очевидна и авторская удача, к сожалению, не подкрепленная калмыцким поэтом в дальнейшем: это, насколько известно, его единичное обращение к жанру баллады.

Литература

- Бадмин А. 1990 — *Бадмин А.* Шинрсн теегин дуучин негнь // Леежнэ Ц. Үүнд би төрлэв: шүлгүд, поэм, орчуллһс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. X. 5–22.
- Байдыев 1973 — *Байдыев С.* Ботинки // Байдыев С. Белые кони: стихи и поэмы / пер. с калм. М.: Сов. Россия, 1973. С. 42–43.
- Байдын С. 1967 — *Байдын С.* Башмгудин туск баллад // Байдын С. Цецгэсиг серүлсн өрүн: шүлгүд болн поэм. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1967. X. 28–29.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Леджинов 1964 — *Леджинов Ц. О.* Песня двух времен: стихи и поэма / пер. с калм. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1964. 102 с.
- Леежнэ Ц. 1990 — *Леежнэ Ц.* Бальчгин туск баллад // Леежнэ Ц. Үүнд би төрлэв: шүлгүд, поэм, орчуллһс. Элст: Хальмг дегтр һарһач, 1990. X. 123–126.
- Маяковский 1987 — *Маяковский В. В.* Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1987. 768 с.
- Ханинова 2019а — *Ханинова Р. М.* Баллада о войне в калмыцкой лирике XX в. // Новый филологический вестник. 2019. № 1. С. 194–206.
- Ханинова 2015 — *Ханинова Р. М.* «Баллада о жалости» Михаила Хонинова в аспекте фольклорных традиций // XII Сургучевские чтения: «Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы»: сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. А. Фокина, О. И. Лепилкиной. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 118–124.

- Ханинова 2019b — *Ханинова Р. М.* Поэтика баллады в калмыцкой поэзии XX в. (Д. Кугультинов, М. Хонинов) // *Oriental Studies*. 2019. № 2. С. 320–333.
- Эльдшэ Э. 2007 — *Эльдшэ Э.* Маринеско // *Эльдшэ Э. Хойр ботьга уудэврмүдин хураңһу. 1- гч боть. Элст: Жаңһр, 2007. Х. 291–298.*
- Эльдышев 2006 — *Эльдышев Э.* Маринеско // *Эльдышев Э. А. Мудрое дерево: стихотворения и поэмы. Элиста: АПП «Джангар», 2006. С. 161–163.*

XX зууны монгол яруу найргийн туурвил зүйн шинэтгэл шинж (Д. Нацагдоржийн яруу найргийн жишээн дээр)

**(= Инновационные черты монгольской поэзии
XX в. (на примере поэзии Д. Нацагдоржа))**

*Бигэрмаа Р.*¹

¹ Университет науки и техники, Школа иностранных языков, кафедра азиатских исследований (8-й хороо, Бага тойруу, Сухэ-Баторский район, Улан-Батор, Монголия 14191)
доктор (Ph.D.), старший преподаватель
E-mail: bigermaa@must.edu.mn

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бигэрмаа Р., 2020

Аннотация. В данной статье автор рассматривает особенности поэтического творчества классика современной монгольской поэзии XX в. Д. Нацагдоржа. Основная *цель* этой статьи — изучить инновации в творчестве поэта. Автор попытался дать характеристику его поэзии на основе анализа некоторых стихотворений, позволяющих определить такие моменты его поэтического творчества, как сложение основных концепций ритма, стиха и просодии, которые являются основными единицами изучения стихотворных произведений. В произведениях Д. Нацагдоржа, особенно в его стихах, нет фиксированных идей, традиционной письменной формы и стилистического влияния древних письменных произведений, которые оказали незначительное влияние на литературу начала революции. Видно, что он писал свои стихи на литературном языке, стилистике и образах современного монгольского языка, и это сильно отличается от письменного стиля, образа мышления и влияния стилистики классического и устного монгольского языка на нынешних писателей и поэтов. Практически нет ученых, которые изучали бы стихи Д. Нацагдоржа в форме речи, мало исследователей, которые бы давали определение, яв-

ляется ли это произведением или нет. Диалог является важной частью системы художественной литературы, имеет большое значение в решении новых проблем, возникающих по ходу повествования, повышении накала конфликта, смягчении, объединении, правильном выявлении эволюции характера, раскрытии настроения и особенностей поведения персонажа. Другой ключевой особенностью мастерства поэта является то, что он использует диалог, в первую очередь, в стихотворении, уникальным образом выражая общие черты композиции в стихе, и создает чувственные стихи, связанные с определенными событиями.

Ключевые слова: инновация, традиции, монгольская поэзия, поэма-диалог

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бигэрмаа Р. XX зууны монгол яруу найргийн туурвил зүйн шинэтгэл шинж (Д. Нацагдоржийн яруу найргийн жишээн дээр) (= Инновационные черты монгольской поэзии XX в. (на примере поэзии Д. Нацагдоржа) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 278–285. (На монг.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-278-285

UDC 821.512.36

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-278-285

Innovative features of 20th century Mongolian poetry (on the example of the poetry of D. Natsagdorzh)

*Bigermaa R.*¹

¹ University of Science and Technology, School of Foreign Languages, Department of Asian Studies (8th khoroo, Baga toiruu, Sukhe-Bator district, Ulaanbaatar, Mongolia 14191)

Ph.D., Senior lecturer

E-mail: bigermaa@must.edu.mn

© KalmSC, 2020

© Bigermaa R., 2020

Abstract. In this article the author examines the features of the poetry of the classic of contemporary Mongolian poetry of the 20th century D. Natsagdorzh. The main purpose of this article is to point out the innovations in the poet's work. The author tried to characterize his poetry on the basis of an analysis of some poems that will allow to determine such moments of his poetic work as the composition of the basic concepts of rhythm, verse and prosody, which are the main units of the study of poetic works. In the works of D. Natsagdorzh, especially in his poems, there are no fixed ideas, traditional writing and stylistic influence of ancient written works, which had little impact on the literature of the beginning of the revolution time. It can be seen that he wrote his poems in the literary language, style and image of the modern Mongolian language, and this is very different from the written style, way of thinking and the influence of the style of the classical and oral Mongolian language of current writers and poets. There are practically no scholars who would study D. Natsagdorzh's poems in the form of speech, there are few researchers who would determine whether this is a work or not. Dialogue is an important part of the system of fiction and is of great importance in solving new problems arising in the course of the narrative, increasing the intensity of the conflict, softening, uniting, correctly identifying the evolution of character, disclosing the mood and characteristics of the character's behavior. Another key feature of the poet's skill is that he uses dialogue primarily in the poem, expressing the general features of the composition in the verse in a unique way and creates sensual poems associated with certain events.

Keywords: innovation, tradition, Mongolian poetry, dialogue-poem

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference "Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II", held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Bigermaa R. Innovative features of 20th century Mongolian poetry (on the example of the poetry of D. Natsagdorzh). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 278–285. (In Mong.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-278-285

Их зохиолчийн шүлэг найраг олон талтай, бичлэг сэтгэлгээний элдэв хэлбэр, зохиомжийг ашигласан нь түүний уран бүтээлийн нэг гол онцлог нь юм. Алив зохиолчийн бүтээл он цагийг өртөөлж, цаг хугацаа улирахын хэрээр улам үнэ цэнтэй болж, үе үеийн уншигчдын анхаарлыг татсаар байдгийн нэг нууц нь тухайн зохиолчийн авьяас билиг, ур чадвартай шууд холбоотой. Ур чадварын хэр хэмжээг илэрхийлэх нэг чухал нууц нь өөрийн хэлэхийг хүсэж байгаа уран санааг илэрхийлэн дамжуулж чадахуйц ямар нэг үзэгдэл, явдал, дүр байдалд орох, хувилах, сонгох, сонирхолтой бас хачин (парадокс) болгох чадвар юм.

Д. Нацагдоржид эл үйлийг хэрэгжүүлэх хангалттай билиг заяасан нь түүний бүтээлийг үнэ цэнтэй, гайхан бишрэх зүгт хөтөлдөг. Үүний нэг жишээ нь санаанд оромгүй, нүдээр үзэмгүй, гайхан эргэлзэж, уншигч «худал» хэмээн мэтгэхийг хүсэвч, маргах аргагүй үнэнийг илтгэсэн уран сэтгэмжит үл ялиг үйл явдал бүхий мэдрэхүйн шүлгүүд нь хамаарна. Ийм шүлгийн онцлог нь өгүүлэмжийн процесст, түүний доторх нүдээр үзэж, биетээр харж эс болох амилсан уран дүрийг «хачин жигтэй» байдалд бүтээх явдал бөгөөд уншигчийг энэхүү хачин «жигтэй» байдлаараа урхидан, өөрийн уран сайхны бичил ертөнц рүү татан оруулахдаа уншигчаас зөвхөн мэдрэхүй, ондоошуулж төсөөлөхийг шаардан, унших үйлийн явцад вакуум маягийн (энэ дэлхий ертөнцөд үгүй гэмээр) цоо шинэ орон зай, бүтээц рүү шилжин орж, бодот мөн чанарыг сэтгэл хөдлөлөөр таних, улмаар ойлголт руу хөтөлдөг уран сайхны өвөрмөц шийдэл бүхүй бүлэг шүлгүүд юм. Жишээлбэл: «Нянгийн яриа» шүлэг юм.

«Нэгэн хуй салхин дотор» оршин орогнох газаргүй болсон хот газрын «гэдэсний өвчин»-ий нян хотоос хөдөө рүү, харин хөдөөгөөс хот руу «яр өвчний нян» хоёр өөр өөрийн «хуй салхин»-г хөлөглөн эрүүлийг хамгаалахаас амь мултарч, суурьшил сэлгэхээр бачимдан сандралдан явах замд хаа ч юм агаарын нэгээхэн дайдад уулзалдаад тус тус: «хүний цусан дор эм хийж, манийг алаад байх болов» хэмээлдэн ярилцаад «хуй салхин хөлөглөж» (салхи бурд хийх төдийд) хаашаа ч юм, нэг тийш хийсэн одож буй нянгууд ил өгүүлэмжтэй, амьшуулсан, ондоошуулсан, эсрэгцүүлсэн,

өгт егөө аястай суртал ухуулгын шүлгээс ур зүйн хувьд их өөр, уншигчаас ойлгохуйг бус мэдрэх, мэдрэхүйгээс танихуй руу татаж дүрсэлсэн арга барил тухайн үеийн төдийгүй найрагчийн бусад шүлгээс онцгой содон туршилт юм. Энэ мэт «өвчний нян» сургууль соёл, олон нийтийн газраар хаа сайгүй хэрэн хэсүүчилж, очсон газар бүртээ урьдчилан сэргийлэх тарилгад нядлагдаж, уг тарилгаас хоцорсон нэгэн галч хүмүүний биед орж өвтгөн байхуйд эрүүлээс хамгаалахынхан очиж, шинжлэн тогтоогоод, урьдчилан сэргийлэх тарилгыг хийн устгаж буй нь нэг л тохиолдол мэт ч шинэ тутам хөгжиж буй шинжлэх ухааны ололт, тухайн цагийн хоцрогдсон буурай нийгмийн байдал, хүн зоны эрүүл мэнд, мэдлэг, соёл боловсролын хэр хэмжээний түгээмэл дүр төрхийг уран төгөлдөр нээсэн нь ойлгож ухаарах үйлээс илүү мэдэрч танихуйд чиглүүлснийг харж болно.

Мөн «Цуст байлдаан» (1935), «Дэгжин банди» (1935), «Хайран хамар» (1935), «Нэгэн дусал шүлс» (1935), «Манийг хэн ална» (1935), «Яр янхны шуудан» (1933) зэрэг мэдрэхүй шаардаж, ухаарахуйг хүссэн шүлгүүд хамаарах юм.

Гайхалтай нэг жишээ бол «Гүндэг чавганц, гүрмийн хэнгэрэг» үйл явдалт шүлэг бөгөөд Гүндэг чавганц өвдсөн нь гэдсэн дэх нянгийн хорлол бөгөөд ходоодыг нь шимэн сорж байгаа, нянгуудын баяр цэнгүүн, мөн «Цуст байлдаан» шүлгийн гаднаас хүний биед нэвтэрч халдах өвчний нянг эсэргүүцэн тулалдах цусны бөөмс сөрөн зогсож буй зэрэг өгүүлэмж нь хүний нүдэнд эс үзэгдэх, үйл явдлыг өгүүлэх ч уншигчийн бүхий л мэдрэмж, мэдрэхүй, ой ухаанд шинжлэхүй ухааны нарийн мэдлэгийг түгээхэд нь зохиолчийн эрүүл энх, суртал ухуулга, танин мэдэхүйн чиг зорилгот мэдрэхүйн шүлгийн санг бүрдүүлсэн юм.

Ийн хачин жигтэй дүр, дүрслэл, зөрчлийг сонгож, уншигчдын анхаарлыг татаж, сонирхлыг өдөөхийн зэрэгцээ шүлэгтээ харилцан яриаг сонгосон нь ур чадварын хэр хэмжээг илтгэнэ. Энэ нь XIX зууны дунд үеэс XX зууны эхний 20-30-аад онд монгол уран зохиолын үе хүртэл нэлээд дэлгэрч асан «Үг», «Яриа» зохиолын уламжлалтай олон талаар холбоотой байж мэднэ. Эртний Энэтхэг Төвдийн уран зохиолоос орчуулсан сургаал зохиолын уламжлал,

Дорж мэйрэн, хуульч Сандагийн «Үг», Ишсамбуу Ханбо номун хаан Агваанхайдав нарын яриа зохиол, Бодоо, Навааннамжил, С. Буяннэмэх... нарын бүтээлд ч ийм хэлбэр буюу жанр өргөн дэлгэрсэн явдал нь тухайн үед ард нийтийн олонх нь бичиг үсгийн чадваргүй, суртал гэгээрлийн ажлыг явуулахад ийм жүжигчилсэн аман жигшүүллийн хэлбэр нийцтэй байсантай холбоотой байна.

Эл уламжлал хувьсгалын эхэн үеийн ард иргэдийг гэгээрүүлэх, боловсруулах, суртал ухуулгад зохист тул хувьсгалын эхэн үеийн уран бүтээлчид ч ийм харилцан ярианд суурилсан уран дүр бүхий үргэлжилсэн, шүлэглэсэн «Яриа», «Үг» хэлбэрийн зохиомжийг өргөн хэрэглэж байв.

Иймээс их зохиолчийн суртал ухуулга, эрүүл энхийн шүүмжлэлт суртал ухуулгын сэдэвт шүлгүүдэд харилцан ярианы хэлбэрийг өргөн ашигласан нь цаг үе, нийгмийн байдалтай гүн уялдсан, тохиромжтой арга болж байж. Жишээлбэл: «Нянгийн яриа» шүлэгт ярны нян, хижиг өвчний нянгийн харилцан ярианд өмнөх төрийн үед чөлөөтэй сайхнаар үржиж асан нянгууд энэ засгийн үед хүний цусан дахь эмэнд баригдан үхэж буй тухай өгүүлсэн лүгээ суртал ухуулгын зорилгоор бичсэн, тэгэхдээ уран ёгт санаа болгож нээсэн сонирхолтой судлагдахуун юм.

Тэрчлэн шинэхэн авсан «Опел» дугуйн дээр бөгсөө холбилзуулж яваа хүрээний дэгжин хүүхэн, бохир хар дугуйндаа дүүрэн юм ачсан ажилчин Лувсан хоёрын тухай «Ааль үгүйгээс хамар үгүй» хэмээх үйл явдал бүхий шүлэглэлд тухайн хоёр дүрийн зан төрхийг илрүүлэхийн тулд үйл явдлын дундуур бяцхан харилцан яриаг (жүжиглэл бүхий) оруулж зохиомжилсон нь хоёр баатар өөрсдийн хэл яриагаар тухайн дүрийнхээ зан төрх, байр суурь, зан суртахуун, соёлын хэм хэмжээг илтгэхийн сацуу үзэл бодлоо хамгаалан мэтгэлцэж буй нь хүмүүст буй нийтлэг дутагдлыг шүүмжлэлт өнгө аяс бүхий хэв шинж бүхий дүрээр харуулж, нийгмийн шилжилтийн тухайн цаг үед ард олноо ухааруулан сэнхрүүлэх зорилготой өвөрмөц уран дүр болжээ.

Ажилчин хүн: — «Ааль үгүйгээс хамар үгүй» хэмээвээс

— «За яршиг даа, та юу хэлж байгаа юм буй?»

Хүүе яадаг билээ. Хамар үгүй болбоос харин хэцүү
байгаа,
Үгүй ердөө хүний царай яаж харах билээ хагас дэмий
үг хэлэх юм»

хэмээн «дээгүүр нудчин доогуур чангаана». Нөгөө талаас дэгжин хүүхний аальгүйтэлд дургүйцсэн ажилчин, «хамаа замбараагүй явбал яр өвчинд баригдан, хамаргүй болно» хэмээн анхааруулж буй ажилчны ёгт үнэн үгийг хүүхэн ер ухаж ойлгохгүй байгаа сэтгэл зүйн шинжтэй шийдэл нийгмийн «дүлий байдлын ёгтлол» болно.

Мөн «Гуанзны хүүхэн» (1934) шүлгийн оройн цагаар орос хоолны газарт орохуй өмнөөс хэдэн хүүхэн:

«Хүүе яадаг билээ
Та хаалгаа хаачихъя» хи хи хи хэмээн инээнэ.
«Хүнээс айдаг яасан хүүхнүүд буй» хэмээсэн дор
«Айлгүй яахав, айлгүй яахав» хэмээн инээлдэнэ.
«Хүн хоол идэж байхад Хараад яасан хүн буй»

хэмээн бас өдөж сөдөх аясаар бие биеийг нудчин, дахин «хи хи хи» хэмээлдэн гуанзнаа аальгүйгэх хүүхнүүд, тэнд орж ирсэн залуу эр хоёрын хоорондын холбоог харилцан ярианы хэлбэрээр хэмнэл үүсгэн захируулж шүлгийн хэлбэртэй болгож нийлэгшүүлсэн арга барил нь товчхон өгүүлэмжтэй, шог аяс бүхий шүлэгт зохиолын баатруудын зан төрх, аж төрөх ёсон, соёл суртахууны олон талыг өөр өөр хэлбэршил, зан суртахуун, сэтгэл хөдлөл, аальгүйтлийн янз маяг, эрчим зэргийг тод ялгаруулан, ёгтоор шүүмжилжээ.

Дүгнэлт

Дээрх зүйлүүдээс харахад: Шог хошин зохиолын аяс бүхий яриа шүлгүүд нь өөрийн гэсэн өвөрмөц онцлогтой, баатруудын харилцан яриагаар ардыг соён гэгээрүүлэх, хошигнох шинж чанартай бөгөөд энэ нь орчин цагийн уран зохиолд дахь хүүрнэл, харилцан ярианы элементүүд болон шингэж, уламжлал болон бидэнд иржээ.

Ном зүй

- Бигэрмаа 2020 — *Бигэрмаа Р.* XX зууны яруу найргий шинэтгэл шинж. Улаанбаатар, 2020.
- Галбаатар 2012 — *Галбаатар Д.* Уран зохиол. Онол, түүх, шүүмжлэл. Нэвтэрхий толь. Улаанбаатар, 2012.
- Галбаатар 2001 — *Галбаатар Д.* Монголын уран зохиолын онол, түүхийн зангилаа асуудлууд. Улаанбаатар, 2001. 437 х.
- Монголын уран зохиолын түүх, I. 1985 — Монголын орчин үеийн уран зохиолын түүх. Боть I: 1921–1940. Улаанбаатар, 1985.
- Монголын уран зохиолын дээжис 1997 — Монголын уран зохиолын дээжис. 29 боть. «1920-иод оны уран зохиол». Улаанбаатар, 1997.
- Нацагдорж 2006 — *Нацагдорж Д.* Бүрэн түүвэр. I боть. Улаанбаатар, 2006.
- Цэнд 1972 — *Цэнд Д.* Монголын орчин үеийн уянгын яруу найраг. Улаанбаатар, 1972.
- Энхбаяр 1995 — *Энхбаяр С.* Ирэх урсгал. Улаанбаатар, 1995.

УДК 82-1

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-286-293

Между природой и культурой: экологические мотивы в поэзии Баира Дугарова

Галина Петровна Дондукова¹

¹ Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления (д. 40в, ул. Ключевская, 670013 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

E-mail: galina.dondukova11@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Дондукова Г. П., 2020

Аннотация. Статья посвящена мотиву противопоставления мира природы и технической цивилизации в творчестве русскоязычного бурятского поэта Баира Дугарова как одному из аспектов, формулирующих экологические проблемы современности. Дихотомия природы и культуры, выразившаяся в противопоставлении образов деревни и города, характерная для русскоязычной поэзии Бурятии, приобретает в творчестве Дугарова более глубокое звучание, выражая внутренние раздумья лирического героя о прошлом и настоящем, о забытом кочевничестве и современной глобализации.

Ключевые слова: бурятская литература, экологические мотивы, природа и культура

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 19-18-00412. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Дондукова Г. П. Между природой и культурой: экологические мотивы в поэзии Баира Дугарова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 286–293. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-286-293

UDC 82-1

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-286-293

Between Nature and Culture: Environmental Motifs in the Poetry of Bair Dugarov

*Galina P. Dondukova*¹

¹ East Siberia State University of Technology and Management (40v, Klyuchevskaya St., 670013 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Ph. D. in Literary Studies, Senior Research Fellow
E-mail: galina.dondukova11@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Dondukova G. P., 2020

Abstract. The article analyses the motif of contrasting the natural world and the technical civilization in the works of the Buryat poet Bair Dugarov as one of the aspects forming the ecological problems of the present. Dichotomy between nature and culture reflected in the opposition of a countryside and a city that is characteristic of Russian-language poetry of Buryatia, in Dugarov's works gains a deep tone and expresses inner thoughts of the persona about the past and present, about forgotten nomadic life and modern globalization.

Keywords: Buryat literature, environmental motifs, nature and culture

Acknowledgement. The article is written under the scope of the RSF project № 19-18-00412. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Dondukova G. P. Between Nature and Culture: Environmental Motifs in the Poetry of Bair Dugarov. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 286–293. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-286-293

Рост глобального экологического сознания ведет к поиску новых источников экологических ценностей не только в западных,

но и в восточных традициях, а также мировоззрениях коренных народов [Yuhas 2011: 354]. Традиционное мировоззрение бурят включает в себя определенный набор этно-экологических концепций, основанных на сочетании мифологических представлений, буддийской философии и этики [Абаева, Жуковская 2004; Дробышев, Гунин 2004]. Эти идеи находят свое выражение не только в фольклоре, мифах или локальных религиозных текстах, но даже в современной бурятской литературе [Бабкинова 2009; Булгутова 2017]. Цель данной статьи — проследить экологические мотивы в творчестве бурятского поэта Баира Дугарова: сфокусироваться на теме противопоставления мира природы и технической цивилизации в поэзии Дугарова как одного из аспектов, формулирующих экологические проблемы современности.

Дихотомия природы и культуры, выразившаяся в противопоставлении образов деревни и города, характерна для русскоязычной поэзии Бурятии. Еще в 1920-е гг. эти экологические мотивы можно проследить в творчестве Мунко Саридака и Солбонэ Туяа. Таково, например, стихотворение «Саянам»: *Саяны копят тучи, / Угрюм родной хребет... / В годах и днях летучих / Какая участь ждет? / Саяны тучи копят, / нахмурен снежный лоб... / Ужель пророют копи? / И их зальет поток? / Иль рельсы в грудь проложит / железная рука? / Мне грустно, сердце гложет / Саянская тоска...* [Мунко Саридак 1982: 10–11]. Трехстопный ямб создает образ динамичной индустриализации, которая пришла в Сибирь, в то время как прием олицетворения усиливает значимость и ценность мира природы, которым так дорожит поэт. Образ цветостепи в творчестве Солбонэ Туяа также отражает тоску по утраченной идиллии традиционной национальной жизни. Таким образом, можно сказать, что мотив противопоставления степи и города, природы и цивилизации является сквозным для литературы Бурятии.

Данный мотив нашел свое прямое выражение в стихотворении «В Орлике» Баира Дугарова. Поэт посвящает его своей малой родине — небольшому поселку Орлик Окинского района на западе Республики Бурятия. Орлик расположен на высоте 1 376 метров

над уровнем моря в узкой межгорной долине Восточных Саян на берегу реки Оки. Поэт начинает стихотворение с описания величественной красоты родного края: *Под сенью могучей отрады / хребтов в золотом листвяке / домов деревянное стадо / спускается к синей реке* [Дугаров 1986: 33]. Поэт с любовью называет Орлик своей «колыбелью», тем не менее, стихотворение заканчивается на тревожной ноте. Автор беспокоится, что однажды перевозданная природа его малой родины может быть уничтожена: *Я очень прошу, заклинаю, / О век мой, в котором живу, / чтоб ты, этажи воздвигая, / не трогал мою синеву, / не трогал моей колыбели, / поскольку на этой земле / деревья, изюбри, метели / с рожденья завещаны мне* [Дугаров 1986: 33].

Мотив противопоставления природного и городского мира у Б. Дугарова часто выражается в тоске по деревне, в то время как лирический герой пребывает как бы «в заложниках» города. Таково, например, стихотворение «Несовременный монолог»:

*Себя в кварталах чувствую не так,
порой теснит бетонная обнова,
как будто я одел пиджак,
что маловат, с плеча чужого.
О, дайте мне кедровую доху
с брусничною подпалиной заката
и, точно пояс дедовский, реку
с летучей бахромою водопада* [Дугаров 2007: 238].

Лирический герой Б. Дугарова сталкивается лицом к лицу с дилеммой выбора городской или деревенской жизни, с тоской по миру природы и вынужденной жизни в большом городе, и в этой промежуточной ситуации чувствует себя неуютно. Этот мотив нахождения как бы между миром природы и городским миром представлен и в ряде других стихотворений Б. Дугарова, однако во многих стихах экологическая сторона проблемы, противопоставление природы и культуры становится чем-то большим — еще одним способом выразить свои внутренние раздумья о прошлом и настоящем, о забытом кочевничестве и современной глобализа-

ции. С этой точки зрения важно рассмотреть еще одно стихотворение поэта:

*Плывут облака кучевые,
плывут над тропой и шоссе,
собратья мои кочевые
по молнии и по грозе.*

*И горные стыннут отроги,
и травы дрожат в тишине.
И смутное чувство тревоги
опять оживает во мне.*

*Но мне не промчатся степями,
свою догоняя стрелу.
Кочевник, горжусь этажами.
Оседлый, грущу по седлу.*

*И мне бы кочевья былые
забыть навсегда, навсегда.
Плывут облака кучевые,
гудят и гудят провода.*

*И запах родимых соцветий
несу я с собой в города.
Пропахшая дымом столетий,
горит надо мною звезда.*

*Сжимаются стороны света,
в мгновенье сошлись времена.
Мой конь заповедный — планета,
а песни — мои стремяна [Дугаров 2007: 53].*

В данном стихотворении мы вновь наблюдаем противопоставление природы и культуры, образы гор, травы, полевых цветов, степи контрастируют с городскими образами дорог, проводов, этажей. Однако в данном контексте эта оппозиция приобретает более глубокое значение, ведь поэт таким образом размышляет о

кочевом прошлом и оседлой современности бурят. Кочевой образ лирического героя выражается в его тесной привязке к степи, природе в целом, где ему так дорог каждый цветок. Помимо этого, даже облака сравниваются с кочевниками, ведь они также всегда находятся в движении. Образ звезды, как и в «Звезде Кочевника» Б. Дугарова, его самом известном стихотворении, становится путеводным и, как и столетия назад, «направляет» лирического героя как по степи, так и по его жизненному пути.

Фокус на временном аспекте передается через динамичный ритм стиха, а также повторяющийся образ плывущих облаков, отражающих быстрое течение времени. Примечательно, что Б. Дугаров использует традиционное бурятское пространственно-временное восприятие, когда время измеряется движением в пространстве. Сначала облака пролетают над тропой, позже — над дорогами и шоссе. В то же время динамика стихотворения создает тревожную атмосферу. Время прошло, и кочевая жизнь осталась в прошлом. Лирический герой уже не может так же свободно ездить на коне по степи, он отчаянно скучает по просторам родной природы. Кульминация тоски, вызванная этим диссонансом, выражается в строках: *Кочевник, горжусь этажами. / Оседлый, грущу по седлу*. Он был бы рад забыть свое прошлое, чтобы прекратить это беспокойство, и просто начать жить городской жизнью и гордиться этажами, однако лирический герой находит другое решение: он «несет с собой» в города свою историческую память, как будто это аромат его любимых цветов. Таким образом, герою удается примирить две противоположности и найти гармонию: *Под солнцем нашел свое место / и я — среди асфальтной земли* [Дугаров 2007: 236].

Заключительное четверостишие меняет общее настроение стихотворения на позитивное. Поэт осознает новый глобализованный статус современного мира, когда легко добраться до любой географической точки на карте мира (*Сжимаются стороны света*), а время бежит еще быстрее. Лирический герой с большим интересом знакомится с этим современным миром. Вся планета оказывается в распоряжении этого «современного» кочевника, а стихи

становятся для него инструментом познания мира: *Мой конь заповедный — планета, / А песни — мои стремена.*

Так поэт создает динамичный образ нового, современного кочевника, продолжающего свой путь в текущем пространстве: *Утренний гул двадцать первого века встречаю в дороге. / Угол пространства меняю на круг вековечный кочевий* [Дугаров 2013: 18]. Кочевник Б. Дугарова сумел примирить тоску по прошлому с жизнью в современном мире. Он приобрел гармонию в своей душе, преодолев противоречия прошлого и настоящего, природы и городской жизни, памяти о своих предках и современной жизни. Он много путешествует и выходит за пределы стран, языков и культур; но в то же время он продолжает помнить свои корни. Такое примирение поэта сродни буддийскому принципу Срединного пути. Концепция Срединного пути является одной из основных в буддизме и описывает характер Благодородного Восьмеричного Пути, ведущего к просветлению. Открытое Буддой Гаутамой, оно означает баланс между физическим и внутренним миром, между аскетизмом и удовольствиями. В этой связи экологические вопросы взаимодействия человека и природы, а возможно, и будущий путь бурят, по мнению поэта, заключается в одинаковом балансе между миром природы и технической цивилизацией, прошлым и настоящим, между исторической памятью и жизнью в современности.

Данная статья посвящена одному из экологических мотивов в поэзии Баира Дугарова — противопоставлению мира природы и современного глобализованного мира. В творчестве поэта, где главным образом является фигура кочевника, а возрождение исторической памяти, связанной с кочевым прошлым бурят, сквозной линией проходит через многие его стихи, вопрос противопоставления мира природы и технического мира оказывается созвучным философским раздумьям лирического героя о пути кочевника с древнейших времен до современности. Однако, несмотря на тоску по былым временам и по миру природы, герой уже не может отрицать глобализацию окружающего мира, он не призывает вернуться в прошлое, но становится современным кочевником. Он

живет в большом городе, но бережет родную природу и в то же время помнит историческое и культурное прошлое бурят. Таким образом, поэт предлагает свое видение этнической идентичности бурят, а также решение экологического вопроса взаимодействия человека и природы, заключающееся в балансе между миром природы и технической цивилизацией, прошлым и настоящим, между исторической памятью и жизнью в современности.

Литература

- Абаева, Жуковская 2004 — *Абаева Л. Л., Жуковская Н. Л.* Буряты. М.: Наука, 2004. 632 с.
- Бабкинова 2009 — *Бабкинова Л. В.* Мифопоэтика современной бурятской поэзии. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 124 с.
- Булгутова 2017 — *Булгутова И. В.* Бурятская философская лирика: мифопоэтические основы и традиции. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского государственного университета, 2017. 178 с.
- Дробышев, Гунин 2004 — *Дробышев Ю. И., Гунин П. Д.* Буддизм и традиционные верования как фактор сохранения окружающей среды // Аридные экосистемы. 2004. Т. 10. № 24–25. С. 67–75.
- Дугаров 1986 — *Дугаров Б. С.* Небосклон. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. 143 с.
- Дугаров 2007 — *Дугаров Б. С.* Струна земли и неба. Стихотворения. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2007. 360 с.
- Дугаров 2013 — *Дугаров Б. С.* Азийский аллюр. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2013. 208 с.
- Саридак 1982 — *Саридак М.* Стихотворения, статьи. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1982. 95 с.
- Yuhas 2011 — *Yuhas S.* Religious Ethics and the Environment // Green Ethics and Philosophy: An A-to-Z Guide, edited by Julie Newman. Sage. Pp. 351–356.

УДК 332.1

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305

Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии)

Ноган Вячеславовна Бадмаева¹, Екатерина Сергеевна Кованова²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
научный сотрудник
E-mail: noganabadmaeva@gmail.com

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат экономических наук, доцент
E-mail: ekovanova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Бадмаева Н. В., Кованова Е. С., 2020

Аннотация. Этнопредпринимательство является одной из перспективных сфер экономики регионов, так как оно способствует росту самозанятости и доходов населения, сохранению сельских поселений, традиционных видов природопользования, уникальных технологий производства. В настоящее время, как отмечает ряд исследователей, этноэкономика наиболее успешно развивается в сфере услуг. Среди основных направлений развития этноэкономики выделяются этнический туризм, народные промыслы и ремесла, а также переработка сельскохозяйственного сырья. Целью статьи является изучение этноэкономических аспектов современного предпринимательства в монголоязычных регионах России: Калмыкии и Бурятии. Проведен экспертный опрос представителей этнического предпринимательства в изучаемых регионах. Эксперты как в Калмыкии, так и в Бурятии отмечают популярность и востребованность товаров этнопродукции, изделий ручной работы в сегменте этномоды, этнодизайна, а также услуг этнотуризма, этноресторанов, что свидетельствует о перспективах этнобизнеса и этнопредпринимательства в данных реги-

онах. Активное возрождение буддизма, восстановление и развитие национальной культуры, а также богатые природные ресурсы делают рассматриваемые нами регионы особенно привлекательными для туристов. Культурные мероприятия, проводимые в этих республиках, входят в число топ-направлений событийного и экотуризма в стране. Таким образом, этноэкономика данных регионов, сменившая хозяйственную специфику на спецификацию в сфере услуг, является одним из ресурсов развития рассматриваемых республик.

Ключевые слова: этноэкономика, этнопредпринимательство, региональное развитие, Республика Калмыкия, Республика Бурятия

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Социально-экономические траектории развития монголоязычных регионов России (на примере республик Калмыкия и Бурятия)» (№ 19-010-01082). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Бадмаева Н. В., Кованова Е. С. Этноэкономика как фактор развития регионов (на примере республик Калмыкии и Бурятии) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 294–305. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305

UDC 332.1

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305

Ethno-economics as a Factor in the Development of Regions (on the example of the Republics of Kalmykia and Buryatia)

Nogan V. Badmaeva¹, Ekaterina S. Kovanova²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, the Russian Federation)

Research Associate

E-mail: noganabadmaeva@gmail.com

² Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (11, Pushkin St., Elista 358000, the Russian Federation)
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
E-mail: ekovanova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Badmaeva N. V., Kovanova E. S., 2020

Abstract. Ethnic trade is one of the high-potential areas of the regional economy as it contributes to the growth of self-employment and the income of the population, maintenance of the rural settlements, traditional ways of natural resource use, unique manufacturing techniques. According to several researchers, nowadays ethno-economics successfully develops in service industry. The new areas of the ethno-economic development include ethno-tourism, folk crafts and handicrafts, and also raw material processing. The goal of the article is to study ethno-economic aspects of contemporary businesses in Mongol-origin regions of Russia: Kalmykia and Buryatia. There was an opinion poll among the representatives of ethnic businesses in both regions. The experts in Kalmykia as well as Buryatia point out the popularity and high demand for ethnic products, handmade goods in the areas such as ethnic fashion, ethnic design, and also ethnic tourism, ethnic restaurants that indicate the prospects of ethnic businesses and ethnic trade in the given regions. The active restoration of Buddhism, reinstatement and development of national culture and also rich natural resources make the regions in question attractive for tourists. Cultural events held in these regions are among top-destinations of eventful and eco-tourism in the country. Thus, the ethno-economics of these regions that transferred from commercial specifics to specification in service industry is one of the sources of development of the given regions.

Keywords: ethnic economy, ethnic business, regional development, the Republic of Kalmykia, the Republic of Buryatia

Acknowledgement. The research was conducted under the scope of the project RFBR “Socio-economic development trajectory of Mongol-origin regions of Russia (on the example of the Republics of Kalmykia and Buryatia) (№ 19-010-01082). The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects — II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Badmaeva N. V., Kovanova E. S. Ethno-economics as a Factor in the Development of Regions (on the example of the Republics of Kalmykia and Buryatia). In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 294–305. (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-294-305

Этническая экономика, этническое предпринимательство являются важнейшими элементами экономической системы любой страны. Существуют два основных подхода к определению понятия «этническая экономика» [Иванова 2018: 7]. В первом случае этноэкономика понимается как экономика этнических мигрантов, во втором — территориально локализованный сегмент, который ассоциируется с традиционными видами трудовой деятельности определенных народов.

Первоначально этническая экономика связана с традиционным методом ведения хозяйственной деятельности того или иного народа. В. Н. Овчинников, Ю. С. Колесников к характерным чертам этноэкономики относят:

- доминирование неформальных институтов;
- господство традиционных, преимущественно аграрных форм хозяйственной деятельности;
- сочетание натуральных и мелкотоварных форм производства, замкнутость домохозяйств, малоразвитость обмена;
- немобильные ресурсы, присущие местной среде обитания;
- эмпирический хозяйственно-трудовой опыт, использование кустарных ремесел и надомного труда;
- экстенсивный тип занятости с использованием сырьевой хозяйственной инфраструктуры, доминирование ручного труда;
- низкую социальную и территориально-пространственную мобильность населения. [Овчинников, Колесников 2006: 118].

Одним из наиболее существенных признаков этноэкономики является применение традиционных для этнически выраженных регионов методов ведения производственной деятельности, лич-

ного подсобного и домашнего хозяйства. По мнению Е. Н. Клочко и Е. М. Кобозевой, этноэкономика — это наука о взаимодействии культуры, традиций, этноса, обычаев, идеологии, религиозных взглядов различных наций с их хозяйственной деятельностью [Клочко, Кобозева 2017: 39].

Однако в современном мире традиционный вид хозяйствования определенных этносов находится в состоянии упадка и не является основой экономики регионов их расселения. С. А. Мадюкова и О. А. Персидская отмечают, что одним из действенных механизмов преодоления локальных экономических кризисов считается формирование этноэкономического уклада с опорой на этноэкономический неотрадиционализм [Мадюкова, Персидская 2018: 46].

В настоящее время этноэкономика «выходит» за рамки традиционного вида хозяйствования и производства и приобретает новые формы. Использование этнических компонентов в разных сферах становится трендом, символизирует не только принадлежность к определенному этносу, но и экологичность, уникальность товаров или услуг. С. Л. Бакшеев отмечает, что этноэкономика может быть некой «точкой роста» региональной экономики [Бакшеев 2016: 146]. С. П. Тюхтенева называет такую экономику «этническое предпринимательство без миграции» [Тюхтенева 2018].

В последние годы этническое предпринимательство становится предметом исследования многих экономистов в разных регионах страны. Сегмент этноэкономики усиливает конкурентный потенциал хозяйственной системы региона, при этом привлекая внимание местного населения к сохранению этнокультурных традиций региона [Ооржак 2019: 1760]. О. А. Персидская обращает внимание на тот факт, что экономические уклады в значительной степени являются порождением этнической среды, а не только стратегий рационального экономического поведения, так как этнические культуры, на ментальном уровне «программирующие» активность своих носителей, оказывают влияние на их экономическое поведение через ценности [Персидская 2019: 44].

В России находятся два региона, в составе населения которых проживают монголоязычные народы, — Бурятия и Калмыкия. Республики территориально отдалены друг от друга, однако сохраняют глубокие духовные связи, исповедуют одну религию. Для Калмыкии и Бурятии скотоводство — ведущая отрасль экономики, в то же время сохраняется ряд отдельных традиционных черт, обусловленных природно-климатическими особенностями и архаичными способами ведения хозяйства. Это прежде всего касается пастбищного скотоводства, называемого также отгонным, когда скот по сезонам перегоняется с одних пастбищ на другие.

Традиционный тип хозяйствования в Бурятии и Калмыкии занимает заметное место в экономике. Однако республики на протяжении многих лет находятся в сложном социально-экономическом положении, характерном для аграрных, животноводческих регионов.

Активное возрождение буддизма, восстановление и развитие национальной культуры, проблемы сохранения национального языка — эти этносоциальные процессы в рассматриваемых республиках происходят параллельно [Кованова, Бадмаева, Удаев, Алексеев 2019: 1099]. Все эти процессы влияют на развитие различных направлений этнического предпринимательства в данных республиках. Популярность этнотуризма, этномузыки, этнопродукции (как экологически чистой), этноресторанов, изделий ручной работы в сегменте этномоды, этнодизайна в последние годы свидетельствуют о перспективах этнической экономики [Дугужева 2018: 98, 99].

Таким образом, этноэкономика данных регионов, сменившая хозяйственную специфику на спецификацию в сфере услуг, является одним из ресурсов развития рассматриваемых республик.

Предметом изучения является анализ использования этнического, национального компонента в опыте ведения бизнеса в республиках Калмыкии и Бурятии. Целью статьи является изучение этноэкономических аспектов современного предпринимательства в Калмыкии и Бурятии.

Основные методы исследования — сравнительный метод, экспертный опрос. В статье представлены результаты экспертного опроса. Всего в двух изучаемых регионах было опрошено 20 экспертов. Данный метод подразумевает компетентную оценку представителями этнического предпринимательства сложившейся ситуации в развитии этнической экономики. Выбор данного метода социологического исследования обоснован, поскольку информация, полученная от группы экспертов, как правило, оказывается достоверной и надежной. Отбор экспертов для исследования осуществлялся на основе добровольного участия в исследовании по следующим параметрам: профиль деятельности (связь с предметной областью), опыт и владение информацией о ситуации в республике, опыт проживания на конкретной территории. Таким образом, были выбраны представители этнического предпринимательства в республиках, специалисты и представители органов власти, общественных организаций, поддерживающие развитие этнического предпринимательства в данных регионах.

В рамках изучения вопросов этнического предпринимательства в республиках были проведены экспертные интервью с представителями этнобизнеса, органов власти и общественных организаций, поддерживающих предпринимателей. Среди представителей этнического предпринимательства — прежде всего рестораторы или владельцы кафе национальной кухни, владельцы ателье, производители одежды, представители туристического бизнеса, производители сувенирной продукции, владельцы магазинов сувениров, производители этнической мебели и др.

Вопросы были поделены на следующие тематические блоки:

- причина выбора «этнического» направления в бизнесе;
- государственные меры поддержки;
- целевая аудитория;
- проблемы, с которыми сталкиваются предприниматели;
- перспективы развития бизнеса, особенности бизнеса.

Выбор направления бизнеса. Большая часть предпринимателей, кроме рестораторов и владельцев кафе, как в Калмыкии, так и в Бурятии отметила, что выбор направления своей предприни-

матерской деятельности они связывают с поиском «нового» или «уникального» продукта или услуги. Важно отметить, что многие предприниматели в последние несколько лет отмечают определенный «запрос» на «этническое», отмечается желание людей включать в свой повседневный образ элементы национальных узоров и символики: «футболка, спортивный костюм, кепка с различной символикой...», «повседневная одежда с надписями на „тодо бичг“» («ясное письмо» — старокалмыцкая письменность), «у нас очень популярны „узлы“ и надписи на старомонгольском...».

Владельцы кафе национальной кухни, рестораторы, производители определенных продуктов питания, наоборот, основывались в своем выборе на пищевых привычках, присутствии национальных блюд в ежедневном рационе жителей. В свою очередь, они отмечали, что национальная кухня является одним их важнейших компонентов привлечения туристов. Согласимся с мнением Э. П. Бакаевой, что «в небольшом регионе основной аудиторией „этнического“ ресторанного бизнеса остается местное население, и брендизация, а также реклама основываются на продвижении идей ассоциации с обликом успешного современного молодого человека, знающего и ценящего свою культуру» [Бакаева 2018: 65].

При этом некоторые эксперты отметили, что зачастую обращение к этническому, национальному «наполнению» их предпринимательской деятельности было случайным: «я сначала сшила свадебное платье с элементами национальной одежды по просьбе своей подруги, потом просили родственники, друзья друзей, и как понеслось...», «я сделал полочку для алтаря себе, потом увидела тетя и попросила сделать для нее...».

Важно отметить тот факт, что опрошенные респонденты часто упоминали, что заимствовали определенные идеи друг у друга, интересовались опытом других национальных регионов, а также Монголии, которая является ярким примером развития этнического туризма [Перова 2016: 708]

Государственные меры поддержки. Респонденты как в Калмыкии, так и в Бурятии отметили, что основным способом поддержки со стороны государства являются гранты региональных

министерств. Эксперты отметили, что не все направления этнического предпринимательства имеют возможность в получении господдержки: «в основном поддерживаются туризм, иногда ателье или мастерские...», «все зависит от активности самого предпринимателя, насколько грамотно будет проработана заявка на грант, показан бизнес-план и т. п.».

Целевая аудитория. Респонденты как в Калмыкии, так и в Бурятии отмечают, что основные потребители товаров с национальными элементами — это местное население. Как было уже отмечено выше, в последние годы имеется постоянный спрос на этнические товары или товары с национальными элементами, стилизованную одежду. Эксперты замечают, что если раньше национальные костюмы имели в основном пожилые люди, то сейчас костюмы заказывают и молодые люди. Как подчеркнул один из экспертов: «...для многих покупателей важно репрезентовать себя как представителя своего этноса, а иногда и субэтноса».

Проблемы, с которыми сталкиваются в большинстве своем предприниматели, включенные в этническую экономику, сталкиваются с теми же проблемами, что и представители малого и среднего бизнеса по всей стране. Среди ключевых проблем предприниматели выделяют текущую фискальную нагрузку (налоги, страховые взносы) и сложности, возникающие с подбором кадров. Предприниматели отмечают, что существует большая проблема отсутствия уникальных мастеров и умельцев. Рестораторы в Калмыкии говорят о том, что при установке кибитки при ресторане или возведении кибиточного городка они не могут найти специалистов среди местных жителей и для этого приглашают монголов, проживающих в республике. При этом респонденты из Бурятии отметили, что у них такой проблемы не существует. Однако как в Калмыкии, так и в Бурятии эксперты отмечают, что очень мало сейчас мастеров национальных инструментов, мастеров по изготовлению сложных сувениров (из кожи, дерева, металла). Отмечается, что большая часть сувенирных изделий производится в Китае, и это мешает развитию и продвижению «уникальной» сувенирной продукции. Благодаря развитию этнического предпри-

нимательства сегодня в Калмыкии появилась региональная продукция — сувениры, произведенные в республике. Такая проблема характерна практически для всех национальных регионов страны. Экономисты отмечают, что в Мордовии в сфере народных промыслов наблюдаются негативные тенденции: ограниченное количество организаций, производящих изделия народных промыслов; сокращение численности профессионалов в отрасли, угроза утраты художественно-стилевых особенностей и традиций, преемственности... [Аверина, Горбунова, Меркулова 2013: 95].

Перспективы развития бизнеса, особенности. Эксперты как в Калмыкии, так и в Бурятии отмечают популярность и востребованность товаров этнопродукции, изделий ручной работы в сегменте этномоды, этнодизайна, а также услуг этнотуризма, этноресторанов, что свидетельствует о перспективах этнобизнеса и этнопредпринимательства в данных регионах. Активное возрождение буддизма, восстановление, развитие национальной культуры, а также богатства природных ресурсов делают рассматриваемые нами регионы особенно привлекательными для туристов. Культурные мероприятия, проводимые в этих республиках, входят в число топ-направлений событийного и экотуризма в стране. В целях повышения туристической привлекательности регионами проводятся различные культурные мероприятия с национальным колоритом от мастер-класса до фестиваля, где у туристов есть возможность стать не только зрителем, но и непосредственным участником таких мероприятий. На данный момент на территории каждого региона РФ государство поощряет развитие проектов, связанных с этнографией, и подобные туры становятся все более популярными [Кедрова 2020: 12].

В заключение сделаем следующие выводы. В республиках процессы развития этнического предпринимательства имеют сходные черты, развиваются параллельно. По результатам проведенных интервью, этноэкономика представляется не как основной вид хозяйствования определенного этноса, их основной вид деятельности, например скотоводство, а продажа товаров или услуг, которые современными жителями воспринимаются или ассоциируются как «этнические», «национальные», «наше местное» («калмыцкое» или «бурятское»).

Интервью показывает, что развитие этнического предпринимательства является важным ресурсом развития экономик в рассмотренных республиках. Согласимся с мнением Т. И. Шараевой, что в Калмыкии благодаря развитию этнического предпринимательства сегодня появилось большое количество сувениров, которые можно отнести к чисто региональной продукции, произведенной в республике [Шараева 2017: 80].

Однако в данном виде деятельности особенно важна личность самого предпринимателя. Он является в первую очередь увлеченным человеком, предпринимателем «по духу», то есть готовым идти на риск, и, самое главное, человеком, искренне переживающим за судьбу своего народа и пытающегося через современные формы привлечь внимание к богатой и уникальной культуре своего народа. Представлялись примеры того, что эти люди начинали в дальнейшем организовывать языковые курсы, различные мастер-классы. Однако следует отметить, что в этом заключается и уязвимость этого бизнеса, поскольку он зависит от энтузиазма одного или нескольких человек. Поэтому многие фирмы, кафе, рестораны со временем закрываются. Но следует отметить, что на их место приходят другие предприниматели с новыми идеями и форматами (создание калмыцких, бурятских приложений, других цифровых и информационных продуктов).

Литература

- Аверина, Горбунова, Меркулова 2015 — *Аверина О. И., Горбунова Н. А., Меркулова И. Ф.* Развитие этноэкономики — как фактора обеспечения экономической устойчивости Республики Мордовия // Финно-угорский мир. 2013. № 4 (17). С. 92–96.
- Бакаева 2018 — *Бакаева Э. П.* «Пицца дербетская, торгутская, хошутская, балдырская»: этническое предпринимательство в современной Калмыкии в контексте традиционных этнических приоритетов // Монголоведение. 2018. № 12. С. 48–71.
- Бакшеев 2016 — *Бакшеев С. Л.* К понятию сущности и места этноэкономики в экономике региона // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С. 146–150.
- Дугужева 2018 — *Дугужева М. Х.* Нематериальное культурное наследие как скрытый ресурс социально-экономического развития государства

- // Вестник Юридического факультета Финансового университета. 2018. Т. 3. С. 97–103.
- Иванова 2018 — *Иванова М. В.* Этническая экономика: подходы к определению // Труды Кольского научного центра РАН. 2018. № 7–14 (9). С. 7–13.
- Кедрова 2020 — *Кедрова И. В.* Этнотуризм как перспективная форма сохранения этнической культуры // Этническая культура. 2020. №. 2. С. 10–13.
- Клочко, Кобозева 2017 — *Клочко Е. Н., Кобозева Е. М.* Этноэкономика региона: потенциал, функции, барьеры развития // Бизнес. Образование. Право. 2017. №. 4. С. 38–42.
- Кованова, Бадмаева, Удаев, Алексеев 2019 — *Кованова Е. С., Бадмаева Н. В., Удаев Р. А., Алексеев С. Г.* Этнокультурная безопасность и проблемы сохранения языка в Калмыкии и Бурятии // *Oriental Studies*. 2019. № 12 (6). С. 1096–1106.
- Мадюкова, Персидская 2018 — *Мадюкова С. А., Персидская О. А.* Этноэкономика в действии: опыт Тувы и Алтай // Всероссийский экономический журнал ЭКО. 2018. № 5. С. 45–64.
- Овчинников, Колесников 2006 — *Овчинников В. Н., Колесников Ю. С.* Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 118–123.
- Ооржак 2019 — *Ооржак К. Д. К.* Этноэкономика Тувы: современное состояние и перспективы развития // Экономические отношения. 2019. Т. 9. №. 3. С. 1759–1774.
- Перова 2016 — *Перова Е. Ю.* Этническая экономика как направление повышения эффективности использования социальных ресурсов региона // Известия Байкальского государственного университета. 2016. Т. 26. № 5. С. 705–712.
- Персидская 2019 — *Персидская О. А.* Роль ценностных ориентаций молодых тувинцев в пространственном развитии Республики Тыва // Новые исследования Тувы. 2019. №. 3. С. 41–51.
- Тюхтенева 2018 — *Тюхтенева С. П.* Этническое предпринимательство без миграции (на примерах из Тувы и Калмыкии) // Новые исследования Тувы. 2018. № 2. С. 149–167.
- Шараева 2017 — *Шараева Т. И.* Сувенирная продукция и развитие туризма (на примере этнического предпринимательства мастеров народных ремесел Калмыкии) // Монголоведение (Монгол судлал). 2017. Т. 11. С. 70–80.

УДК 33

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-306-314

Экономическая безопасность и миграционные процессы в полиэтничном регионе РФ

Людмила Васильевна Намруева¹, Наталья Леонидовна Курепина²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: namrueva@yandex.ru

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор экономических наук, профессор
E-mail: kurepinanl@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Намруева Л. В., Курепина Н. Л., 2020

Аннотация. Объект исследования — Республика Калмыкия — отличается по своим этнокультурным и этноконфессиональным характеристикам. Этот фактор должен найти свое отражение в научном анализе при оценке экономической безопасности в результате интеграционных процессов. В регионе мирно проживают, успешно взаимодействуют представители около 100 этнических групп, трех традиционных мировых конфессий (буддисты, православные, мусульмане). Республика модернизируется под влиянием глобализирующегося мирового сообщества. Одним из признаков этого является активная миграция: отток населения республики за ее пределы и приток жителей из соседних регионов, а также ближнего и дальнего зарубежья. В статье рассмотрены результаты анкетного опроса 2019 г., которые характеризуют отношение к трудовым мигрантам в принимающем сообществе.

Ключевые слова: Республика Калмыкия, полиэтничный регион, миграция, отношение к мигрантам, виды трудовой деятельности, экономическая безопасность

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00796 «Совершенствование методологии оценки экономической безопасности полиэтничного региона: междисциплинарный подход». Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Намруева Л. В., Курепина Н. Л. Экономическая безопасность и миграционные процессы в полиэтничном регионе РФ // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 3. С. 306–314. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-306-314

UDC 33

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-306-314

Economic Security and Migration Processes in the Multi-Ethnic Region of the Russian Federation

Ludmila V. Namrueva¹, Natalya L. Kurepina²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Sociology), Leading Research Associate

E-mail: noganabadmaeva@gmail.com

² Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Economics), Professor

E-mail: kurepinanl@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Namrueva L. V., Kurepina N. L., 2020

Abstract. The object of our research — the Republic of Kalmykia — is notable for its ethno-cultural and ethno-religious characteristics. This factor

has to be reflected in the scientific analysis for the evaluation of economic security as a result of integrative processes. Representatives of about one hundred ethnic groups and three world religions (Buddhism, Christianity and Islam) peacefully coexist and successfully interact in the region. The republic is developing under the influence of globalizing world community. One of its features is active migration: moving of people out of the republic and people coming from neighboring regions and also from near and far abroad. The article gives the results of 2019 poll that define the perception of migrant workers by the hosting community.

Keywords: Republic of Kalmykia, multi-ethnic region, migration, attitude towards immigrants, types of jobs, economic security

Acknowledgement. The reported study was funded by RFBR, project number 19-010-00796 ‘Elaborating Methodologies for Economic Security Analysis in a Polyethnic Region: Interdisciplinary Approach’. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Namrueva L. V., Kurepina N. L., Economic Security and Migration Processes in the Multi-Ethnic Region of the Russian Federation. In: *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 3. Pp. 306–314 (In Russ.) DOI: 10.22162/2587-6503-2020-3-15-306-314

Оценка взаимосвязи экономической безопасности и межнациональных отношений для полиэтничных депрессивных регионов особенно важна. С одной стороны, экономическая уязвимость, экономическое неблагополучие региона могут негативно отразиться на социально-экономическом положении, самочувствии тех или иных этнических групп, их взаимоотношениях. С другой стороны, тревожность, напряженность, а тем более конфликты в сфере межэтнических коммуникаций не могут не сказаться отрицательно на состоянии экономической безопасности.

В рамках проекта Распределенного научного центра межнациональных и межконфессиональных отношений в октябре–ноябре 2019 г. в Калмыкии опрошено 300 человек, жителей республики.

Из них 43 % мужчин и 57 % женщин. По этнической принадлежности: 83 % — калмыки, 16 % — русские, 1 % — представители других национальностей. Большинство опрошенных (78 %) имеет высшее образование (диплом, включая бакалавриат, магистратуру, ученую степень). В выборке представлены три возрастные группы: 21 % — респонденты 18-29 лет; 55 % — респонденты 30-59 лет; 24 % — респонденты 60 лет и старше. Выборочная совокупность состоит из жителей г. Элисты (90 %) и районного центра, села Троицкое (10 %). Большинство опрошенных (76 %) работает.

Менее половины опрошенных (43 %) оценивают свое материальное положение за последний год как в целом нормальное, 4 % — как хорошее. 34 % респондентов признались в затруднительном материальном положении. 12 % оценили свое состояние как тяжелое. 5 % затруднились оценить свое материальное положение за последний год.

Каждый седьмой опрошенный (14 %) планирует переезд в другой российский регион. Привлекательными являются столичные мегаполисы — Москва, Московская область, Санкт-Петербург, а также Краснодарский край, Амурская область, Север страны. 9 % респондентов желали мигрировать в другую страну (США, Канада, Германия, Норвегия, Австрия, Новая Зеландия). Большинство анкетированных (59 %) не планируют куда-либо выезжать. 15 % затруднились с ответом.

Республика Калмыкия относится к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда, которая характеризуется трудовой избыточностью, обусловленной недостаточным развитием экономического потенциала сельских территорий; нехваткой собственных инвестиционных ресурсов для ввода новых рабочих мест; сложным финансовым положением сельскохозяйственных предприятий, низким уровнем занятости сельского населения. Сельчан, занятых в аграрных предприятиях, небольшое количество. Поэтому сельские жители активно мигрируют не только в столицу республики, г. Элисту, но и за пределы региона [Намуева 2017]. С этими процессами связано дальнейшее уменьшение численности селян в республике.

Многие из бывших селян, выехав из сельских поселений, прожив и проработав достаточное время в городе, смогли приобрести недвижимость, построить собственные дома или вынуждены постоянно снимать жилье, надеясь когда-нибудь его купить. Жители отдаленных сел приобретают жилье в пригородах (Аршан), где оно значительно дешевле, чем в г. Элисте, или земельные участки, где строят дома, а трудоустраиваются в городе. Привлекают сельчан и другие поселения (Вознесеновка), расположенные от Элисты в радиусе 20 км. Население в них постепенно увеличивается, они становятся крупными сельскими поселениями [Намруева 2019а].

Проведенный анализ показал, что возрастная структура сел изменилась, доминируют селяне старших возрастных групп. Молодежь, в большинстве своем, выезжая из села, оставляет пожилых родственников, которые не желают покидать родную землю. К сожалению, они не имеют возможности заниматься хозяйством, так как здоровье, физическое состояние не позволяют этого делать, как в прежние годы. Содержание жизненного пространства крупных сельских поселений, с одной стороны, и средних, и мелких деревень, с другой — значительно разошлось. Жители первых адаптировались вне сельского хозяйства, а жители вторых больше сосредоточились на традиционных видах деятельности, если есть материальная поддержка для ведения хозяйства как со стороны уехавших родственников, так и со стороны государства, которое стало уделять пристальное внимание развитию сельских территорий и аграрной сферы [Намруева 2019б].

Согласно разделяемому нами мнению Т. Г. Нефедовой, в регионах с запаздывающей урбанизацией (к ним следует отнести Республику Калмыкия) происходит активная концентрация сельского населения в пригородах и формирование особой полугородской-полусельской среды [Нефедова 2018]. Наши исследования по Калмыкии фиксируют, что единственным районным центром, где увеличивается население, является Троицкое — центр Целинного района, находящийся вблизи от столицы РК.

С конца 1990-х гг. началась активная трудовая миграция, как внутренняя, так и внешняя. Родители оставляют своих детей на

попечении старших родственников. Треть и более жителей малых и средних сел находятся вдали от малой родины. Молодые люди после окончания вуза не возвращаются в родное село, в котором остаются представители пожилого возраста. Трудовые мигранты, жители среднего и старшего возраста вынуждены работать в мегаполисах, соседних регионах не по профессии, заниматься тяжелой малоквалифицированной работой.

Результаты этномониторинга свидетельствуют об обеспокоенности калмыцкого сообщества ростом миграционного оттока жителей республики, в том числе титульного населения, и увеличением притока граждан из других стран, в частности из стран Средней Азии. Данный факт вызывает необходимость региональным и местным властям принять меры, направленные на социализацию трудовых мигрантов из-за рубежа, выстраивания отношений прибывающих лиц со старожильческим населением, предотвращать возможные конфликты на бытовой и межнациональной почве. Национально-культурным организациям уделять необходимое внимание адаптации своих соотечественников, прибывающих жить, работать, учиться в Калмыкию.

Итоги анализируемого исследования показывают, что услуги трудовых мигрантов востребованы (ответы расположены по убывающей). Треть массива (34 %) пользуется их услугами в магазинах, на рынках. Каждый четвертый респондент (26 %) ремонтирует жилье или автомобиль силами иностранцев. Четверть (26 %) респондентов пользуется их услугами по уборке и благоустройству территории. 13 % пользуется жилищно-коммунальными услугами по сантехнике, электропроводке и прочее. 11 % пользуется услугами трудовых мигрантов в кафе, ресторанах, гостиницах. 8 % отмечают, что мигранты-иностранцы заняты в охране жилья, парковок и прочего. 7 % респондентов отмечают, что иностранцы трудятся в общественном транспорте. Остальными видами услуг пользуются единицы респондентов. Как видим, большая часть опрошенных (66 %) пользуются услугами иностранных мигрантов. Значительно меньшее число (29 %) респондентов отрицает использование таких услуг.

В СМИ встречается информация о мигрантах. По мнению 18 % респондентов, по телевизору, в интернете, газетах больше рассказывают о культуре мигрантов. Более половины (58 %) придерживаются мнения, что речь чаще всего идет о криминале мигрантов. Пятая часть (21 %) затруднилась с ответом.

По мнению подавляющей части (81 %), цены на продукты никак не связаны с мигрантами. Небольшая часть (5 %) опрошенных отмечает, что из-за приезда мигрантов растут цены на продукты. 13 % затруднились с ответом.

По мнению 16 % респондентов, приезжие отнимают работу у местных жителей. Противоположного мнения придерживаются 48 % анкетированных. Четверть (24 %) массива выбрали ответ, характеризующий эти прямо противоположные процессы. Каждый десятый не смог определиться со своей позицией.

Большая часть (72 %) массива считает, что нет особых различий между мигрантами и местными по уровню преступности. 11 % опрошенных все-таки придерживаются мнения, что мигранты чаще совершают преступления, чем местные жители. 15 % респондентов не смогли на этот вопрос дать однозначный ответ.

Относительно уважения приезжих к местным традициям мнение респондентов диаметрально разделилось. Так, более трети (39 %) респондентов согласились с утверждением, что приезжие слабо уважают местные традиции. Почти столько же респондентов (37 %) категорически не согласны с таким утверждением. Каждый пятый (20 %) опрошенный затруднился ответить на данный вопрос.

Отношение к совместному обучению своих детей с мигрантами у большинства опрошенных нейтральное (63 %). Четверть респондентов (21 %) заявила о положительном отношении. 8 % ответивших не приемлет совместного обучения своих детей с мигрантами. 7 % затруднились с выбором ответа.

В случае возникновения в г. Элисте пикетов или акций против иностранных трудовых мигрантов более половины опрошенных не поддержат (56 %). О своей поддержке этих форм протеста заявил каждый девятый опрошенный (12 %).

Большинство опрошенных (85 %) считают, что приезжие из других регионов России должны знать о местных традициях населения республики. Не согласны с этим 6 % респондентов.

Половина выборки (51 %) придерживается позиции, что власти должны информировать иностранных мигрантов о традициях и культуре России. Большая часть (59 %) респондентов считает, что информированием должны заниматься общественные организации. 4 % опрошенных отмечают, что ничего не нужно делать по этому поводу.

В информировании иностранных мигрантов о культуре нашей страны 12 % респондентов считают, что достаточно раздать мигрантам информационные листовки. Большинство (68 %) отмечает, что необходимо привлекать мигрантов к участию в общественной жизни, праздниках, спортивных мероприятиях. 6,0 % думают, что ничего не нужно делать в этой связи.

Большинство выборочного массива (83 %) согласно с тем, что нужно информировать мигрантов о местных культурных нормах. 6 % не поддерживают эту позицию. 10 % не определились со своим мнением по этому поводу.

Большая часть опрошенных (68 %) отмечают, что нужно стремиться интегрировать мигрантов. 18 % респондентов придерживается противоположной позиции.

В стране созданы государственные миграционные центры, предназначенные для регистрации мигрантов. 80 % респондентов считают, что эти центры должны информировать иностранных мигрантов о культуре нашей страны. 9 % опрошенных так не считают.

По мнению 55 % опрошенных, жители республики должны иметь представление о традициях и культуре мигрантов. Обратного взгляда придерживаются 23 % опрошенных.

Мнение об информированности о традициях, языках и культуре мигрантов диаметрально разделилось. 28 % респондентов признались, что они стали больше знать о традициях, языках и культуре мигрантов. 57 % опрошенных, напротив, отрицают факт увеличения знаний о традициях, языках и культуре мигрантов.

Таким образом, определен настрой калмыцких респондентов на интеграцию с мигрантами. Положительный настрой имеется у 42 % респондентов. 40 % массива настроены отрицательно. 14 % затруднились ответить на поставленные вопросы.

По мнению опрошенных, прибывающие в республику из российских регионов, продолжительное время находящиеся на ее территории, должны знать местную культуру, чтобы интегрироваться в принимающую среду. А иностранные мигранты, прибывающие на короткий срок, не могут за это время познакомиться с местными традициями. Следует отметить, что неконтролируемая этническая миграция может привести к появлению этнокультурного противостояния, даже новых проявлений этносепаратизма, что явится серьезной угрозой для национальной безопасности региона. Поэтому необходимость мониторинга и большего внимания к вопросам межнациональных отношений, понимания их роли в обеспечении безопасности и стабильности развития региона должны стать важной задачей не только государственных органов власти, но и многих социальных институтов (образование, культура, экономика, религия и др.).

Литература

- Намруева 2017 — *Намруева Л. В.* Современное село Калмыкии: социологический срез. Монография. Элиста: КИГИ РАН, 2017. 180 с.
- Намруева 2019а — *Намруева Л. В.* Город и сельский социум: варианты связи (на примере Республики Калмыкия) // Городская повседневность: региональный и социокультурный контексты IV Нижневолжские чтения: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Волгоград, 21–23 марта 2019 г.). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2019. С. 196–202.
- Намруева 2019б — *Намруева Л. В.* Современное село Калмыкии: динамика социальных изменений // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова). Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Москва, 28–30 ноября 2019 г.). Сборник материалов / отв. ред. М. К. Горшков. ФНИСЦ РАН. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 903. С. 134–136.
- Нефедова 2018 — *Нефедова Т. Г.* Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде // Крестьяноведение. 2018. Т. 5. № 1. С. 117–140.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**БЮЛЛЕТЕНЬ
КАЛМЫЦКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РАН
BULLETIN
OF THE KALMYK SCIENTIFIC CENTER OF THE RAS**

Главный редактор: Куканова В. В.

2020. № 3

Редактор *Саряева Р. Г.*
Переводчик *Момолдаева Т. М.*
Компьютерная верстка *Татнинов Д. В.*

Дата выхода 29.12.2020. Формат 60x90/16.
Усл. печ. л. 18,25. Тираж 100 экз. Заказ 16-20.
Подписной индекс 39464. Цена свободная.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя, типографии
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,

Тел. +7(84722) 3-55-06
Сайт: <http://kigiran.com/pubs/index.php/bul>
E-mail: publ.kscras@gmail.com

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8